

Мамычев Алексей Юрьевич

Мамычева Диана Ивановна

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Сведения об авторах:

Мамычев А.Ю. – доктор политических наук, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории российского и зарубежного права Института права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса

Мамычева Д.И. – кандидат культурологии, доцент кафедры философии и юридической психологии Института права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Традиции и инновации в исследовании государственной власти и социально-политической трансформации.....	11
Глава 2. Социально-политическая эволюция институтов российской государственной власти и властных практик	31
Глава 3. Демократическая трансформация политической системы и государственной власти в современной России: идейно-концептуальные деформации.....	91
Глава 4. Институты государственной власти в контексте глобально-политической антиномичности.....	121
Глава 5. Властные отношения и особенности производства и воспроизводства идеологических платформ в российском политическом процессе.....	163
Заключение.....	211
Литература.....	223

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика сущности, назначения и эволюции государственной власти является центральной, основополагающей в политической науке. Современные институты государственной власти находятся в процессе трансформации. Модернизационные, консервативные и глоболокальные тренды существенным образом влияют на смысл и социокультурную динамику этого политического феномена, проблематизируя сущность, основные функции и задачи, социальную роль государственной власти в политической жизни общества. При этом современные процессы социально-культурной типизации и политико-правовой унификации значительно увеличивают рискогенность функционирования локальных (провинциальных), национальных и региональных жизненных пространств, ставят в жёсткую зависимость от деятельности государственной власти.

Нестандартные ситуации, непредвиденные риски, нетипичные угрозы, кризисы и т.д. создавали и создают нестандартные (нетипичные, смешанные, конвергенционные) формы властной коммуникации, институты публичной власти, технологии, способы и методы государственного управления, режимы регламентирования общественных отношений.

Следует отметить, что в современной России отчётливо доминирует либерально-демократический тип политической рациональности в понимании и организации государственной власти, институционально-нормативной организации её функционирования, а социокультурные и этнополитические проблемы анализируются в постсоветских исследовательских проектах довольно редко. Это ведёт к тому, что многие категории, понятия и теоретико-методологические модели познания этого политического феномена воспринимаются научным сообществом «на веру», без должного социально-политического и этнокультурного анализа.

В современном российском политологическом дискурсе превалирует стремление к наиболее точному и последовательному воплощению универ-

сальных институционально-нормативных моделей, типизации представлений о сущности и значении публичной власти и управления, государства и права. Это приводит к тому, что при описании национального политического процесса, нередко упускаются специфические закономерности, тенденции развития и трансформации российского публичного пространства, либо приводят к редукционизму, банальному и упрощённому пониманию проблем государственной власти.

Игнорирование собственных политических традиций и социокультурных трендов развития приводит к тому, что концептуализация государственной власти чаще всего ориентируется на общие, универсалистские (вестернизированные) модели, а исследования отечественных публично-властных институтов с их историческими (национальными и провинциальными) особенностями протекают по заранее готовым схемам, «отрекаясь» от всего нетипичного, специфического. Отсюда нередко возникают нестыковки, теоретические путаницы, игнорирование факторов и доминант, действующих в отечественной политической организации общества, оказывающих существенное, а иногда и решающее влияние на институционально-властную конфигурацию, развитие политического процесса, официальное и неофициальное взаимодействие в системе «личность – общество – государство».

В то же время современные цивилизационные вызовы, по-разному интерпретируемые исследователями, инициируют необходимость комплексного социокультурного осмысления динамики национальной системы публичной власти, требуют усложнение общей теории государственного управления, а также развитие концепции и доктринальных основ трансформации публичной власти в современном российском обществе.

Очевидно, что политическая природа и социокультурная специфика государственного властвования «может быть понята только на фоне гораздо более широком, чем тот, который в состоянии дать изолированная наука о государстве» (С.А. Котляревский). В этом плане востребованным сегодня являются теоретико-методологическое обновление и концептуально-политическое обогаще-

ние теории государственной власти, а также комплексное, системное рассмотрение тенденций и устойчивых социокультурных трендов воспроизводства в российском обществе этого политического феномена.

В отечественную политическую науку современного периода наиболее существенный вклад в теоретическое исследование отечественной специфики государственной власти внесли Г.В. Атаманчук, А.М. Величко, С.Г. Кара-Мурза, В.П. Макаренко, В.Н. Синюков, Л.С. Мамут, А. Олейник, Ю.С. Пивоваров, А.В. Понеделков, А.И. Фурсов, О. Хархордин, В.Е. Чиркин и др.

Необходимо упомянуть работы политических аналитиков, в которых даётся обстоятельный анализ действующих трендов развития политического процесса и тех или иных институтов публичной власти (Э.Арато, М.Ю. Арутюнян, Т.П. Вязовик, М.К. Горшков, Д. Дзоло, В.Г. Доманов, О.М. Здравомыслова, Дж. Коэн, К. Крауч, В.В. Лапкин, Ю. Левада, В. Мирзеханов, В.И. Пантин, В.И. Спиридонова, А.О. Хиршман, Е.Б. Шестопал, В.А. Ядов и др.), современных проектов трансформации (консервативных – В.В. Аверьянов, В.Ю. Верещагин, А. Дугин, М. Леонтьев, В.Н. Лескин, М.Н. Лукьянов, Б. Межуев, Н.С. Михалков, Н.А. Нарочницкая, А. Невзоров, М. Ремизов, А.В. Репников и др.; модернизационных - А.А. Аузан, Ф. Закария, В.Л. Иноземцев, А.Г. Глинчикова, В. Красильщиков, А. Рябов и др.) публично-властной организации, а также влияния глоболокальных факторов на развитие государственной власти (Р.А. Айбазов, У. Альтерматт, З. Бауман, У. Бек, А. Негри, А.И. Неклесса, С. Проскурин, А.Д. Урсул, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас, М. Хардт, Н. Хомски, Г.Х. Шахназаров, Б.С. Эбзеев и др.).

В плане политического моделирования развития системы государственной власти в политическом процессе современной России, а также направлений обеспечения политической стабильности и устойчивости публично-властного взаимодействия в обществе в работе использовались теоретические и эмпирические исследования таких авторов как: А.С. Ахременко, О.В. Гаман-Голутвина, Т.И. Заславская, В.В. Лапкин, В.И. Пантин, С.В. Патрушев, Л.В. Сморгунов, Н.Е. Тихонова, Е.Б. Шестопал и др.

При анализе современных процессов этнополитической трансформации публично-властного взаимодействия в системе личность-общество-государство использовались исследования и эмпирические данные ростовской политологической школы, содержащиеся в работах: Т.В. Беспаловой, Н.И. Бусленко, В.Ю. Верещагина, В.Г. Доманова, В.Г. Игнатов, И.Д. Коротец, А.В. Понеделкова, С.П. Поцелуева, Е.А. Пушкарёва, А.М. Старостина, В.Ю. Шпака и др.

В то же время следует отметить, что сегодня целый ряд исследований посвящён эволюции власти, различных форм её организации, отдельных властных институций и практик в рамках конкретной социокультурной среды, однако эти фундаментальные разработки, теоретико-методологические новации, сформулированные тренды развития публично-властных отношений довольно редко применяются к анализу действующей системы государственной власти, отдельных её институтов и структур, перспектив развития и оптимизации. В настоящее время востребованным являются комплексные исследования государственной власти в политическом процессе современной России с учётом социокультурных факторов и направлений её трансформации.

Гипотеза исследования: трансформация современных институтов российской государственной власти происходит под воздействием глобализации и унификации пространства международно-политической коммуникации, вызывая изменения традиционных статусов политических акторов в качестве суверенных государств, и превращение их в новые интегрированные агенты политического процесса, что приводит к рискам и неустойчивости в развитии властных институтов. Снизить эффект непредсказуемости в развитии будущего сценария властных отношений в мировом политическом процессе позволяет теоретико-методологический анализ социокультурных предпосылок политической интеграции субъектов властных институций.

Объектом исследования выступает российская государственная власть как система политических отношений и институтов.

Предмет исследования – идейно-концептуальные основы и особенности государственной власти, специфика её политической и социокультурной транс-

формации в современной России с учётом глобальных и цивилизационных вызовов и рисков.

Цель работы состоит в теоретико-методологическом анализе содержания, специфики функционирования государственной власти в единстве универсальности и самобытности российской политической системы на рубеже XX-XXI вв., а также выявлении направлений развития публично-властных отношений в контексте социокультурной трансформации России.

Реализация поставленной цели исследования осуществляется решением следующих конкретных **задач**:

- выделить и проанализировать имеющиеся в зарубежной и отечественной специализированной литературе направления изучения сущности и специфики государственной власти, выявить теоретико-концептуальные и методологические проблемы её исследования в современном политическом процессе;

- выделить особенности эволюции суверенности государственной власти в контексте трансформации от традиционной к модернизационной политической парадигмы;

- проследить социально-политическую эволюцию институтов российской государственной власти в контексте преемственного воспроизводства форм институционально-властной организации и публично-властного взаимодействия;

- представить содержательный анализ идейно-концептуальных деформаций демократического политического проекта трансформации системы государственной власти в постсоветской России;

- исследовать противоречия в трансформации государственной власти и указать перспективы её развития в контексте глобально-политической антинормальности и действующих цивилизационных вызовов;

- описать специфику постсоветских публично-властных отношений и выделить особенности производства и воспроизводства различных идеологических платформ оптимизации системы государственной власти в современной России.

Методологическая и теоретическая основа исследования существен-

ным образом опирается на разработки в области политологии, государственного управления, теории и методологии политического процесса, истории политических учений, принадлежащие отечественным и зарубежным специалистам, а также на отдельные положения теории и истории отечественной государственности, политической антропологии и конфликтологии.

В работе использованы всеобщие, общенаучные и специальные методы. Среди всеобщих методов следует выделить системный подход, диалектико-материалистическую методологию, а также диспозитивный метод, которые применяются для рассмотрения феномена государственной власти в контексте воспроизводящихся в национальной мыслидеятельности образов, системы представлений о государственном властвовании, специфике социально-властных практик, которые существенным образом влияют на закономерности трансформации политического процесса. К общенаучным методам, используемым в исследовании, следует отнести методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, аналогии, применяемые для выявления факторов, доминант, тенденций и закономерностей политической эволюции российского публичного пространства, форм и способов властного взаимодействия в системе «личность – общество – государство».

Кроме этого в исследовании применяются сравнительно-политический метод, необходимый при сопоставлении тенденций и трендов развития политических процессов в России и других государственно-правовых пространствах; историко-политический метод, позволяющий описать трансформацию институтов государственной власти в ходе развития национального политического процесса; этнополитический и конкретно-социологический методы, позволяющие проследить национальную преемственность в политическом развитии и во властно-правовой мыслидеятельности политических субъектов в зависимости от времени, территории и этнической принадлежности. Для анализа направлений и перспектив развития политического феномена государственной власти использовались методы политического моделирования и семантического анализа действующих политико-идеологических дискурсов, их влияния на развитие инсти-

тутов российской государственной власти.

Эмпирической базой исследования выступают информационные, социологические и фактологические источники, содержащие сведения о специфике трансформации современного политического процесса и государственной власти, изменениях её роли, значении и функциях, основных противоречиях, конфликтах и рисках. В работе также используются разнообразные аналитические материалы, отражающие систему функций и структуру государственной власти на рубеже XX – XXI вв., развитие основных направлений деятельности властных институтов, а также зарубежная и отечественная научная литература по данной проблематике.

ГЛАВА 1. ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Существует множество подходов к осмыслению понятия власти, комплексность и многомерность данной дефиниции порождает целую палитру мнений и точек зрения, что приводит к неизбежности споров относительно содержания и использования этого термина. Так, например, П. Моррис, стремясь выявить общую концептуально-политическую базу для термина «власть», принял в своей работе «Власть: философский анализ» скрупулезное исследование различных понятийных конструкций этого слова и показал, что как в реальной, так и в теоретической (научной) практике этот термин используется не только по-разному, но и зачастую вообще для обозначения различных феноменов¹. Особенно, с его точки зрения, такое разногласие характерно для политической сферы. Сразу хотелось бы отметить, что если природа власти вообще выявляется в широком концептуальном пространстве, то по отношению к термину «государственная власть» такое разнообразие встретить довольно трудно.

И дело не только в том, что формулирование понятия «государственная власть» с методологической точки зрения является следствием принятия какой-либо теории власти, но ещё и в том, что большинство концепций власти, перенесенных в политическую плоскость, *во-первых*, либо становятся «слабыми» в объяснении политического взаимодействия субъектов, генезиса и трансформации политической жизни общества, либо вообще отмежевываются от государственной и правовой составляющих властных отношений; *во-вторых*, сталкиваются с идеологическими и аксиологическими установками конкретного социума, оказываются не в силах им противостоять, в силу чего остаются абстрактными, умозрительными конструкциями. Тем не менее в политической практике вопрос о сущности государственной власти в гораздо более актуален и значим, нежели рассуждения о власти «как таковой». «Для современного человека вообще, – за-

¹ См. подробнее: *Morriss P. Power: A Philosophical Analysis. Manchester, 1987.*

мечает С.А. Котляревский, – проблема власти в ее отношении к личной и общественной свободе представляется, прежде всего, в форме проблемы именно государственной власти»².

Теоретическое осмысление самого феномена власти, равно как и его концептуализация, сталкивается, по утверждению У.Коннолли, с проблемой непреодолимого «концептуального релятивизма»³. В силу этого хотелось бы остановиться еще на одном методологическом затруднении, связанном с тем, что ни одна рационально и логически выстроенная концепция власти не в состоянии стать универсальной, инвариантной и получить общее признание, или, другими словами, власть (с точки зрения У. Коннолли) становится «сущностно оспариваемым» понятием⁴.

Более того, по мнению С. Льюкса, попытка построения какой-либо *универсальной*, общепринятой теории власти на самом деле есть большая эпистемологическая ошибка: исследователей, как правило, интересуют различные аспекты данного явления, а общее понятие власти просто не может быть применено ко всем ситуациям, к различным сферам жизни общества и тем более к разным историческим эпохам: «Мы говорим и пишем о власти в бесчисленном количестве ситуаций, и мы обычно очень хорошо знаем (или думаем, что знаем), что имеем в виду. В повседневной жизни и в научных работах мы обсуждаем местопребывание власти и ее пределы, обсуждаем, у кого больше власти, как власти достичь, как ее обрести, ей сопротивляться, ее сохранить или укротить, как ее распределить или распространить, уравновесить или максимизировать, как сделать ее более эффективной и как ограничить ее следствия или избежать их. Об этом идут бесконечные споры, и конца им не видно, нет даже согласия относительно того, имеют ли смысл все эти разногласия»⁵.

В свете вышесказанного мы имеем, как это ни странно, весьма существенный разрыв, а порой и противоречие между концептуальным полем понятия

² Котляревский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства. СПб., 2001. С. 27.

³ Connolly W. The Concepts and Theories of Voderen Democarcy. L., 1993.

⁴ См. об этом: Болл Т. Власть // Политические исследования. 1993. № 5.

⁵ См. подробнее: Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. М., 2010. С. 92.

«власть» и теориями государственной власти. Так, феномен власти рассматривается почти во всех науках, так или иначе связанных с обществом, а государственная власть в ее политико-правовом измерении фундаментально исследуется, как правило, в рамках правового познания. Другими словами феномен государственной власти анализируется, главным образом, в системе теории государства и права. В политологической системе знания в основном исследуются сущностные основы, системные признаки и проч., прежде всего, власти политической. И достаточно редко, особенно в российской политической науке, происходит комплексное рассмотрение государственной власти. В подавляющем большинстве исследований государственная власть рассматривается в качестве одного из видов политической власти, без должного рассмотрения сущности самого этого феномена.

В связи с этим, несомненно, прав Д.А. Керимов, что «изучением проблем государства занята единственная отрасль знания – юридическая наука, даже не юридическая наука в целом, а лишь общая теория государства и права»⁶. Причем «общая теория государства и права не смогла в достаточной степени развиваться в рамках юридической науки, поскольку, хотели мы того или нет, *государственная деятельность анализируется формально, только в институциональном плане, в рамках, закрепленных законодательством*, т.е. в значительной мере через «юридические очки» (курсив мой – А.М.)»⁷, – дополняет эту мысль Л.С. Явич.

Причем следует отметить, что раньше государственная власть исследовалась в рамках комплексной научной отрасли знания – *государствоведения*⁸, которое анализировало данный феномен в различных аспектах его функциониро-

⁶ Керимов Д.А. Философские основы политико-правовых исследований. М., 1986. С. 236.

⁷ Явич Л.С. О преподавании общетеоретических дисциплин и ведения курса политологии // Правоведение. 1989. № 5. С. 11.

⁸ С нашей точки зрения в дореволюционной гуманитарной мысли именно государствоведение выступало «платформой» для политологического анализа публичных феноменов и процессов. Собственно говоря политологическая система знаний в этот период не оформилась в качестве отдельной научной отрасли. При этом по своей предметной направленности и структуре исследования государствоведческие сочинения были «ближе» к политологическому исследованию, чем к строгим юридическим трактатам.

вания: политическом, формально-нормативном, социокультурном и проч. Говоря обобщённо *именно в рамках государствоведения развивалась русская политологическая школа*. Например, история государствоведения, излагалась в массивных курсах под названием «История политических учений», а многие трактаты посвященные анализу государственной власти, политическому процессу, социально-политической трансформации общества выходили именно из под пера государствоведов. За что многие юристы, например, Ф.Ф. Кокошин, выступали с резкой критикой таковых государствоведческих исследований, которые отходят от формально-нормативного анализа государственной власти, правовых форм, режимов и способов ее осуществления.

Например, известный дореволюционный ученый В.М. Гессен обосновывал, что общее учение о государстве должно включать как минимум три раздела, где собственно институционально-нормативному анализу государственной власти посвящен только один! раздел, другие именно политологическому анализу этого феномена⁹.

Во-первых, раздел (отдел) государствоведения, включающий исторические закономерности развития государства и государственной власти, на основании которых формулируются различные типы и формы функционирования государства; те или иные режимы государственной власти; выделяются различные общинные теории государства и т.д. Другими словами, этот отдел посвящен *политической энциклопедии государства* (Allgemeine Staatslehre),

Во-вторых, это раздел формально-нормативный, отражающий как общегосударственную правовую теорию, так и действующее в рамках той или иной страны *общегосударственное законодательство*.

В-третьих, это политическая практика осуществления государственной власти, определения основных приоритетов развития государства, прикладные аспекты властного взаимодействия и иных характеристик политического процесса, т.е. это раздел, посвящённый *политике* (Politika).

⁹ Гессен В.М. Общее учение о государстве. СПб., 1912. С 10 – 23.

Эти три раздела – «общее государственное право», «политическая энциклопедия государства», «политика» – позволяют анализировать государственную власть, равно как и государственные феномены, процессы в целом, комплексно с учетом теоретико-методологических, институционально-политических и властно практических (социально-культурных, психологических и проч.) аспектов ее функционирования.

Сегодня такое системное рассмотрение государственной власти практически не осуществляется. Весь корпус гуманитарных наук исследует этот феномен либо со структурно-функциональных позиций, либо с формально-нормативной точки зрения (о чем говорилось выше), а иные аспекты ее функционирования практически не учитываются. Вообще, если современная теория государства не обновлялась практически с конца XIX века и те классические государствоведческие знания, которые были систематизированы к середине XX века советской политико-правовой науке, переписываются из учебника в учебник, то политической отрасли знания, наоборот, свойственна высокая акцентуация на этой проблематике.

Однако наработки русской государствоведческой школы, современные политологические наработки в области исследования политической власти и теория государства *не обобщаются и комплексно не переосмысляются с целью адекватного познания феномена государственной власти* и его развития в современном политическом процессе. В целом следует признать отсутствие междисциплинарного диалога в рамках исследования государственной власти, ее институционально-нормативных, структурно-функциональных, формальных и неформальных форм организации и функционирования.

Одна из попыток синтеза русской государствоведческой школы, формально-юридического и политологического знания была предпринята В.Ф. Халиповым, который предлагал и до сих пор настаивает на формировании отдельной отрасли знания – кратологии (с др. греч. – наука о власти), которая «символизирует появление давно назревшей и вместе с тем *фактически новой, фундаментальной, единой, целостной науки, нового ведущего научного направления,*

их окончательное оформление. В их *фокусе собственно сам феномен власти и прежде всего власть государственная*¹⁰ (курсив мой – А.М.). Однако, несмотря на пафосность проекта и его пока теоретическую невостребованность (с учетом, что таковая комплексная отрасль знаний пока не устоялась), В.Ф. Халипов вполне четко уловил востребованность и необходимость рассмотрения государственной власти *как комплексного феномена*.

Сегодня можно констатировать значительный «дефицит анализа и понимания природы, наиболее общих параметров (изменений) государственности»¹¹, – пишет современный государствовед Л.С. Мамут. Бесспорно и то, что «чистое» юридическое осмысление государственной жизни общества далеко не всегда способно давать ощутимые (как в теоретическом, так и в практическом плане) результаты, ибо различные ипостаси социальности никогда не существуют изолированно, но взаимодополняют и развивают друг друга. ной мере отжившие традиционные способы работы и мышления юристов»¹².

В рамках настоящего исследования обосновывается необходимость именно комплексного социально-политического исследования данного феномена. Такой взгляд на проблему указывает на то, что при рассмотрении государственной власти в конкретном обществе исследователь всегда сталкивается с *преимущественно воспроизводящейся* системой представлений о государственном властвовании, т.е. с *социокультурным механизмом производства и воспроизводства образа власти*. Роль этих социокультурных факторов, по справедливому замечанию А.И. Соловьева, «зачастую оказывается *значительно выше, чем воздействие на политический процесс институциональных структур* или консти-

¹⁰ Халипов В.Ф. Кратология – наука о власти: Концепция. М., 2002. С. 3. См. также: Халипов В.Ф. Власть: Основы кратологии. М., 1995; *Он же*. Введение в науку о власти. М., 1996; *Он же*. Кратология как система наук о власти. М., 1999 и др.

¹¹ Мамут Л.С. О государстве и государственности /Основные концепции права и государства в современной России (по материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 15.

¹² Розин В.М. Юридическое мышление (формирование, социокультурный контекст, перспективы развития). Алматы, 2000. С. 33.

туционных и законодательных правовых норм»¹³ (курсив мой – А.М.). Можно вообще сказать, что употребление понятий «власть», «политическая власть», «государственная власть» всегда несет большой объем ценностной и духовно-нравственной нагрузки. Сегодня на это обстоятельство указывают многие как зарубежные (П. Бурдьё, Э. Гиденс, У. Коннолли, С. Льюкс, Ч. Тейлор, М. Фуко и др.), так отечественные (А.М. Величко, В.Ю. Верещагин, А.Ю. Мордовцев, А.И. Овчинников, Ю.С. Пивоваров, Д.Е. Фурман и др.) исследователи государственной власти.

Верно, в этом плане отмечает Н.А. Раманович, что публичная власть, шире – национальное политическое пространство (как социокультурный феномен) является весьма устойчивым явлением. Более того, различные виды публичной власти и формы государственного властвования «сохраняются в той или иной культуре веками. В случаях смены правительства мирным путем или даже государственных переворотов *воссоздаются прежние властные структуры по своей сущности*, хотя внешне они могут выглядеть совсем иначе... *Формы и структуры власти органичны для определенной культуры*, поскольку отражают те или иные аспекты политического мировоззрения населения, *формируются в обществе не случайно*, а в соответствии с существующими культурными основаниями»¹⁴ (курсив мой – А.М.).

Сегодня в рамках политологических исследований заметен явный «теоретико-методологический порыв» в познании государственно-правовых феноменов, ориентированный на использование комплексных (междисциплинарных) подходов к изучению феномена «государственная власть». В рамках политологии существенно развились знания об институционально-правовой конфигурации государственной власти, соответствующих ее типах (классических, смешанных, межтиповых, переходных и т.п.); о современных формах, методах, режимах, официальных, неофициальных, теневых, латентных практиках ее реа-

¹³ Соловьев А.И. Политическая культура: к проблеме идентификации национальных моделей // Принципы и практика политических исследований. М., 2002. С. 126.

¹⁴ Раманович Н.А. Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе: монография. Воронеж, 2009. С. 5; 7.

лизации; об антропологических и цивилизационно-культурных характеристиках ее развития и т.д.

Тем не менее, именно подобные проблемные ситуации в современной гуманитарной науке дают повод для новых теоретико-методологических дискуссий. Некоторые авторы утверждают, что как таковой государственной власти в её современном понимании вообще не существует, ибо государство в лице его органов прикрывает за этим абстрактным концептом институциональную структуру господства, «механизм» конструирования и навязывания определенного стиля (государственного) мышления¹⁵. Поэтому, по их мнению, следует как можно быстрее отказаться от этого термина-маски, который за правовой терминологией скрывает свое подлинное лицо – волю к господству, заменив его чем-то более «полезным», хотя и непонятно, чем конкретно. Например, Ж. Бодрийяр пишет, что «в сущности, власти не существует: нет и быть не может односторонности силового отношения, на котором держалась бы «структура» власти, «реальность» власти и ее вечного движения. Все это мечты власти в том виде, в каком они навязаны нам разумом»¹⁶. Однако ясно одно: при «попытке совсем отказаться от понятия государственной власти... или дать этому понятию совершенно производное значение, мы и чувствуем, что перед нами удачная или неудачная, но, во всяком случае, чрезвычайно искусственная стилизация»¹⁷, замечает дореволюционный государствовед С.А. Котляревский.

В этом плане, несомненно, то, что слишком узкое понимание политических основ общественного бытия как некоего институционально-правового ко-

¹⁵ Так, например, фрагмент из книги «Старые мастера» Т. Бернхарда как нельзя лучше отражает направленность подобного исследовательского взгляда: «Государство силой заставило меня – впрочем, как и всех других, – войти в него и сделало меня послушным ему, оно сделало из меня этатизированного человека и в мыслях, и в действиях; человека, подчиняющегося правилам и зарегистрированного, вымуштрованного и дипломированного, испорченного и подавленного, как и все другие. Когда мы видим людей, мы видим только этатизированных людей – слуг государства; на протяжении всей своей жизни они служат государству своим делом и мыслью, а, следовательно, они посвятили свою жизнь чему-то противоестественному» /Цит. по: *Бурдьё П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля //Поэтика и политика: альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.; СПб., 1999. С. 125.

¹⁶ *Бодрийяр Ж.* Соблазн. М., 2000. С. 96

¹⁷ *Котляревский С.А.* Власть и право. С.16.

дирования реальности привело к распространению и укоренению взгляда на власть как на правовой инструмент регулирования общества, где юридическое есть смысл и основа существования государственной власти. Здесь заметим, что во многих политологических исследованиях система государственной власти воспринимается как прежде всего институционально-нормативный феномен, который должен анализироваться правовой наукой, что не совсем справедливо. Так, история политической мысли и ее практической реализации учит нас, что ни власть, ни право не являются социальным демиургом друг друга: «Власть не создала право, но она и не создана им»¹⁸. Наша гипотеза состоит в том, что государственная власть это комплексный социально-культурный и политико-правовой феномен. Правовое измерение системы государственной власти и управления недостаточен. В тоже время политологический анализ государственной власти без обращения к ее публично-правовым основам функционирования также ограничен.

Ведущие политологи уже давно отмечают, что формально-нормативное понимание сущности государственной власти приводит к тому, что научные конструкции часто «упускают», не учитывают окружающего социально-политического бытия, а просто подгоняют последнее под содержание собственного (сформулированного к настоящему времени) корпуса знаний. Оценка политических процессов и явлений зачастую протекает в точном соответствии с *принятыми* в науке теоретическими постулатами и эвристическими схемами, в рамках которых остальные социальные явления так или иначе не принимаются в расчет, и традиционное правовое знание, как справедливо отмечает М.Фуко, от них полностью абстрагируется¹⁹. В итоге возникает вопрос, а что если мы дей-

¹⁸ Там же. С. 38.

¹⁹ Так, Фуко утверждает, что формально-юридическое понимание государственной власти «неадекватно тому способу, каким осуществлялась и осуществляется власть; однако же оно является тем кодом, в соответствии с которым *власть себя предъявляет* и в соответствии с которым, *по её же собственному предписанию, её и нужно мыслить*». И там же: «Если мы хотим проанализировать власть в конкретной исторической игре ее приемов, то как раз от этого образа и нужно освободиться, т.е. *от теоретической привилегии закона и суверенитета. Необходимо построить такую аналитику власти, которая уже не будет брать право в качест-*

ствительно «вступаем в такой тип общества, где юридическое все менее и менее способно кодировать власть и служить ей системой представлений»²⁰?

Думается, современная политическая жизнь намного богаче и, соответственно, сложнее и сам феномен государственной власти. Поэтому, как видится, необходима иная аналитика, схватывающая комплексно социальный характер, динамику и историческую обусловленность государственной власти, её архитектурные составляющие. «Таким образом, природа государственного властвования, несомненно, может быть понята только на фоне гораздо более широком, чем тот, который в состоянии дать изолированная наука о государстве» - справедливо писал представитель русской дореволюционной государствоведческой школы С.А. Котляревский²¹.

Кроме того, следует остановиться еще на одной теоретико-методологической проблеме исследования государственной власти. Так, сегодня присутствует определенная «исследовательская боязнь» в анализе традиционных проблем отечественной государственности²², а также в использовании понятий и категорий, сформулированных в отечественной теории государства. Напротив, в постсоветских исследовательских проектах преимущество отдается

ве модели и кода» (курсив мой – А.М.) /Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. С. 188 – 190.

²⁰ Подорога В.А. Власть и познание (археологический поиск М. Фуко) /Власть: очерки современной политической философии Запада. М., 1989. С. 220.

²¹ Котляревский С.А. Власть и право. С. 23.

²² С конца 80-х годов до конца 90-х тематика государства, этатические проблематики национального мышления изначально воспринимались негативно и публично осуждались. Любые попытки построения отечественной теории государства, создание концепции национальной государственности трактовались как «наследие тоталитаризма», как свертывание с пути цивилизационного развития, а любые дискуссии о национальной уникальности государствоведческих традиций как возвращение на «дорогу рабства» и т.п. Справедливо в этом плане писалось, что в специализированной литературе последних лет «этатический тип государства оценивался недифференцированно и однозначно негативно». При этом забывалось, что «феномен этатизма многомерен, и сводить его к идеологеме тоталитаризма, как это часто у нас происходит, по меньшей мере непродуктивно. Рассматривая этатизм как “государствоведческое” сознание, следует отдавать себе отчет в том, что как тип политического сознания он является, прежде всего, преобразованной идеальной формой проявления фундаментальной тенденции к порядку, урегулированности, организованности» (Соколова Р.И., Спиридонова В.И. Государство в современном мире. М., 2003. С. 15 – 16). В этом плане вполне очевидна тенденция к восстановлению и реабилитации «государствоведческого типа мышления», «этатических исследований» с начала 2000 гг.

западноевропейскому категориально-понятийному аппарату, а также теоретико-методологическим моделям, сконструированным для анализа специфической (западной правокультурной и этнополитической) среды.

Речь, конечно же, не идет о неэффективности или нецелесообразности применения методологических схем западной политической рациональности. В наших рассуждениях подчеркивается, что данные категории, понятия, методы и приемы воспринимаются научным сообществом «просто на веру», без должного концептуального анализа и социально-культурной адаптации. Полагаем, хотя и не бесспорно, что основные дефиниции современного государственного управления несут вполне очевидную смысловую нагрузку определенного типа политической рациональности и правопонимания, стиля государственного мышления и политической идеологии.

В принципе данную ситуацию более четко и недвусмысленно охарактеризовал известный дореволюционный государствовед, исследовавший проблемы национальной системы государственной власти Н.А. Захаров. Он отмечал, что в области нашего научного постижения публичной организации «мы можем отметить известную робость, известную пассивность в изложении основ нашей государственной власти». При этом вся наша наука по преимуществу «стремилась уложить нормы нашего строя в рамки теории, из этого выходила натянутость, а нередко и полная неопределенность... насильно натягивать эту перчатку иноземного определения на руку русской действительности только для того, чтобы втиснуть её в эту готовую, может быть, мастерски, но для чужой руки приготовленную форму»²³ есть, по его мнению, следствие психологической зависимости и преклонения перед внешней стороной Запада, полнейшее обособление государственной науки от реальной жизни, от насущных требований и исторических задач.

В том же контексте высказывается и известный русский государствовед Н.Н. Алексеев. Думается, его позиция, озвученная еще в начале XX века, останется «диагностической» и для века нынешнего. Исследователь отмечал, что

²³ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С.35.

общая теория государства и государственной власти, по сути, представляет историю политических достижений западноевропейской цивилизации, не учитывая, а в некоторых случаях и игнорируя достижения и опыт развития других государственно-правовых пространств: «Курьезно “общую теорию государства” строить на опыте последних ста лет европейской истории и отбрасывать тысячелетний опыт истории других культур. Такая теория будет всем, чем угодно, но не наукой». При этом, критикуя интенциональную направленность большинства теоретиков права и государства, Н.Н. Алексеев отмечает, что «русские ученые, вышедшие из западных школ, без всяких оговорок перенесли построенную на Западе теорию европейского государства на русскую почву и тем самым придали принципам этой теории нормативное значение. Оттого наше государствоведение в трудах наиболее популярных его представителей являлось не чем иным, как политикой европеизации русского государства»²⁴.

Действительно, вслед за известным российским политологом Ю.С. Пивоваровым следует признать, что отечественная политическая наука до сих пор не выработала теоретических принципов и методологических приемов реконструкции национальной политической рациональности, до сих пор специфические закономерности эволюции публично-властного взаимодействия в системе личность – общество – государство анализируются сквозь призму чуждой, не вполне ясной и осознанной научным сообществом, западноевропейской терминологической системы. Отсюда нередко возникают нестыковки, теоретическая путаница, игнорирование факторов и доминант в правовой политике государства, оказывающих существенное, а иногда и решающее значение на институционально-властную конфигурацию, официальное и неофициальное (теневое) взаимодействие между различными институтами и структурами.

В то же время вызовы современности, по-разному описываемые аналитиками, обуславливают не только необходимость интенсивного и адекватного

²⁴ Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки/ под редакцией и предисловием В.А. Томсинова. М., 2008. С. XVI. На эти обстоятельства указывают многие и современные политические аналитики. См., например: Иванов В. Теория государства. М., 2010.

развития и усложнения общей концепции системы публичной власти, но и, что более важно, общей концепции власти в современном российском обществе²⁵. Эта потребность связана, прежде всего, с незавершенностью государственного строительства в России, с межтиповым состоянием отечественной государственности, необходимостью определения принципов и приоритетов развития государственного управления. Наиболее остро в настоящее время стоит вопрос адекватности и оптимальности прогнозирования и регламентации социальных процессов, эффективности реализации общественных интересов и потребностей.

Бесспорно, что властные отношения рождаются, точнее порождаются, сложной системой общественных отношений, её спецификой и культурно-цивилизационными особенностями. Любая власть, и тем более государственная, имеющая публично-властный, общественно значимый характер, должна обладать своими, присущими только ей источниками легитимности.

Сразу хотелось бы отметить, что речь идет не о типах легитимности, которые были предложены и проанализированы М. Вебером, а об источниках, определение и выявление специфики которых зависит от исторических образов, идей и форм реализации и восприятия власти, свойственных конкретному обществу. Определение этих источников позволяет высветить национальные и исторические модели и практики властвования, а кроме того, увидеть уровень легитимности современных форм и режимов властвования. Безусловно, и то, что сам феномен государственной власти также привязан к определенному временному геополитическому и геояридическому континууму, в рамках которого последний получает свой бытийственный статус в шести взаимосвязанных проекциях:

Во-первых, в ценностно-нормативной (аксиологической), отражающей социокультурный аспект, влияющий на идейно-теоретическое, доктринальное, идеологическое и понятийно-смысловое восприятие, понимание и интерпрета-

²⁵ Чиркин В.Е. Российская конституция и публичная власть народа // Государство и право. 2008. № 12. С.24.

цию сущности, социальной роли и значения государственной власти, определяет ее устойчивость и легитимность;

- *во-вторых, в структурно-функциональном*, в этом контексте государственная власть связывается с устойчивой системой публичных институтов власти, ее структурно-функциональными характеристиками, публичными и скрытыми моделями взаимоотношений и взаимосвязей в системе осуществления государственной власти, а также с вопросами оптимальности, адекватности и эффективности ее функционирования, регулирования общественных отношений, реализации интересов и потребностей, доминирующих в системе «личность – общество – государство», разрешения конфликтов и противоречий;

- *в-третьих, в институционально-нормативном*, здесь государственная власть рассматривается в качестве системы легальных полномочий, составляющих содержание государственной власти, осуществляемой для достижения законодательно определенных целей;

- *в-четвертых, в инструментально-технологической*, согласно которому государственная власть анализируется как система организационных, материальных и символических ресурсов, необходимых для реализации управленческим аппаратом своих функциональных целей и задач, в качестве особого субъекта политической деятельности участвующего в накоплении, обмене и реализации вышеуказанных ресурсов;

- *в-пятых, в социологической*, в этом аспекте система государственной власти рассматривается, с одной стороны, как взаимосвязанная совокупность специфических политических практик, направленных на осуществление публичной власти в обществе, а с другой – интерпретируется с точки зрения адекватности последней социальным структурам и культурным контекстам, а также возможности реализации социально ориентированной правовой политики, управленческих решений, учитывающих национально-культурные особенности;

- *в-шестых, в геополитической*, государственная власть рассматривается в качестве суверенной политической организации на определенной территории,

обладающей верховенством, единством и социально-политической целостностью.

С учетом выделенных элементов познания государственной власти как социально-политического и публично-правового феномена сформулируем рабочее определение последнего. При этом подчеркнем, что государственная власть как сложный политический феномен выступает *специфическим видом* (звеном) *общей системы публичной власти*, которую реализуют различные политические субъекты (политические партии и движения, общественные организации и движения, профсоюзы и т.д.) и иные институты гражданского общества (например, институты власти местного самоуправления), которая имеет жесткую привязку к социокультурному и территориальному пространству. Кроме того, политический феномен государственной власти, как отмечалось выше, всегда реализуется в строгих легальных формах, режимах и процедурах, что является одним из фундаментальнейших отличий данного вида публичной власти. Понять функционирование государственной власти в современном политическом процессе, основные формы и режимы государственного властвования, перспективы развития данного феномена вне институционально-нормативного измерения также представляется невозможным.

Итак, государственную власть, с нашей точки зрения, следует трактовать в качестве *системы официально признанных (легитимных и легальных) властных практик, процедур и институтов, действующих на основе социокультурно обусловленных идей, образов, символов в определенном политически и территориально организованном пространстве, характеризующейся суверенностью, функциональностью и устойчивостью*. В этом плане любая государственная власть территориальна, суверенна, национальна и имеет устойчивый характер. При этом государственная власть *реализует связь* различных общественных (публичных) ценностей, интересов и потребностей с общим политическим порядком, а также сообразно с ними осуществляет свои функции и направляет развитие политической и правовой системы общества, отдельных политических институтов, формальных и неформальных институтов гражданского общества.

Далее отметим, что все пять измерений взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга, складываются не стихийно, а вырастают на определенном национально-историческом фундаменте, и имеют особый, свойственный конкретному обществу *стиль публично-властного мышления*²⁶. Все это формирует неповторимый колорит государственной жизни народа, вектор ее развития, который позволяет не только управленческой элите, но и самому обществу обрести свою «самость» (в ее гегелевском понимании).

Таким образом, изучение государственной власти, её концептуально-политическая трактовка должны протекать по следующим основным направлениям, раскрывающим различные обобщенные (сгруппированные) дискурсы государственной власти: *идеократический дискурс* (макродискурс), *институциональный дискурс* (мезодискурс) и *социологический дискурс* (микродискурс). Каждой исторической эпохе свойствен определенный дискурс власти, порождаемый и поддерживаемый в рамках определенной социальности, где под *дискурсом* (в философском смысле) понимается условие (языковое, коммуникативное, историческое и т.п.), которое раскрывает и актуализирует бытие для субъекта, создаёт особый «фон», контекст существования реальных феноменов²⁷.

²⁶ Ведь не секрет, что главной заслугой славянофилов, их основной позицией было то, что по их утверждению российский народ обладал своим неповторимым, богатым государственным мышлением, несхожим (хотя и в некоторых моментах, в ходе межкультурного диалога, и симфоничным) с мышлением «Запада» или «Востока». В силу этого понятно и рвение славянофилов в деле осмысления той государственной материи, которую имеет российская история. Так, например, зарождение особого мировидения и государственного мышления они обнаруживают уже до прихода варягов. Именно последнее является той стержневой основой, которая становится фундаментальной предпосылкой для постоянного возрождения и стойкости российской государственности в период кризисов (например, призвание варягов – как осознанный гражданский поступок народа, обладающего уже государственным сознанием, татаро-монгольское нашествие, Смута, революция 1917 г. и т.п.).

²⁷ Сегодня под термином «дискурс» понимается некая языковая вставка, сцепка между субъектом и объектом, это условие (языковое, коммуникативное, историческое), которое раскрывает и актуализирует бытие для субъекта (т.к. любая реальность, особенно гуманитарная, возможна как реальность, о которой говорят – А. Кожев). В отличие от классической европейской мысли, которая рассматривала нечто «третье» между Думать и Говорить, дискурс в постклассической рациональности понимается как первичное событие, предопределяющее бытие, задающее ему смысл /См.: Мамычев А.Ю. Роль «дискурса» в методологии научного познания// Современная философия науки: состояние и перспективы развития /XVI ежегодная научно-практическая конференция кафедры философии РАН. М., 2003.

В свете этого дискурс можно представить как особый *стиль* мышления, действия и высказывания о бытии (или одним понятием – «мыследеятельности»), характерный для определенной социокультурной среды (политической, религиозной, научной и т.п.). В рамках настоящего политического анализа системы государственной власти под дискурсом будет пониматься *контекст*, особая логика порождения и функционирования коммуникативных публично-властных практик и стратегий. Это не только специфический арсенал «инструментов» социальной деятельности (языковые, символические и др. структуры), но и социокультурная обусловленность, закономерность их существования и развития. Дискурс позволяет увидеть культурный фон, т.е. рассмотреть влияние социальных, идеологических, политических, правовых, религиозных и прочих факторов на формирование конкретных социальных трендов развития феномена «государственная власть» и его воплощение в конкретно-исторической практике. Поэтому для характеристики социальной природы какого-либо феномена, в частности власти, в тот или иной исторический отрезок времени необходимо «погрузиться» (реконструировать) в определённое дискурсивное пространство²⁸, связывающее традиции и современность, создающее интенциональную направленность восприятия и предпосылки развития определенных социальных феноменов (например, понимания власти и развития властных отношений).

В завершении подведём предварительные итоги:

Во-первых, теоретико-методологические новации в исследовании власти крайне редко используются в обновлении исследовательского инструментария познания власти государственной. В связи с этим, по нашему заключению, в политологии сложился теоретико-методологический и концептуально-

²⁸ *Дискурсивное пространство* можно охарактеризовать в данном контексте как определённую целостность (включающую всю совокупность дискурсов-знаний: представлений, теорий, концепций и т.п.), внутри которой разворачивается коммуникативный диалог, воссоздающий в целом определенный вид реальности. Таким образом, политико-правовое пространство приобретает свою реальность, действенность в сознании граждан, поэтому власть не столько вовне, сколько внутри людей, ибо представления о ней, её принципах, механизмах и способах оценки всегда *зависимы от ментальной огранки субъективных представлений*.

парадигмальный дисбаланс в познании государственной власти, поскольку природа власти и её социально-политическое назначение исследуются комплексно, в широком теоретико-методологическом аспекте, в то время как феномен государственного властвования анализируется, как правило, только в институционально-правовом измерении.

Поэтому с нашей точки зрения необходимо формирование нового научного направления, которое предполагает комплексный анализ государственной власти как социально-политического феномена, включающего три основных раздела: 1) теория государственной власти (или политическая энциклопедия государственной власти); 2) идейно-концептуальные (доктринальные) основы развития системы государственной власти; 3) институциональная теория организации и функционирования государственной власти. В рамках данного направления государственная власть рассматривается в качестве сложной социально-политической и правокультурной системы, которая политически презентуется в официально признанных (легитимных и легальных) властных практиках, социально-политических процедурах и технологиях, публично-правовых институтах, действующих на основе социокультурно обусловленных идей, образов, символов в определённом политически и территориально организованном пространстве.

Во-вторых, государственная власть в конкретно-исторических и социально-политических условиях следует анализировать в пяти взаимосвязанных измерениях: ценностно-нормативном, структурно-функциональном, институционально-нормативном, инструментально-технологическом, социологическом и геополитическом. Причем все выделенные пять измерений взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга, складываются не стихийно, а преемственно развиваются на определённом национально-культурном фундаменте и формируют особый (цивилизационный) стиль публично-властной мыследеятельности.

В рамках указанных выше проекций исследования власти:

1. реконструируются образы и стили мыследеятельности субъектов власти, т.е. осуществляется путь от культурно-антропологического момента власти к более общим аксиологическим формам;
2. исследуются специфические технологии, техники и способы осуществления государственной власти, где институционально-нормативное начало является одним из элементов (факторов) упорядочения и организации публичных властных отношений;
3. анализируются сами властные отношения, складывающиеся в повседневной практике, в которых все властные образы и техники «рождаются», «оживляются» и эволюционируют. Это область исследования, где рассматриваются конкретные властные отношения и стратегии, здесь они получают свою социально-политическую и правовую (или неправовую) реальность, здесь возникают соответствующие властные знания и смыслы.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ВЛАСТНЫХ ПРАКТИК

Никогда прежде отечественная теория государственной власти не была так зависима от теоретических схем и доктрин, не знала столько готовых моделей и абстрактных методик, не была так обусловлена методологическими и теоретическими ориентирами, которые в основном сконструированы в лоне западных философско-эвристических концепций. Игнорирование собственных национальных традиций в политической науке приводит к тому, что наука о государственной власти ориентируется на общие, универсалистские теории, в рамках которых исследование отечественной системы публично-властного взаимодействия с её историческими и национальными особенностями протекает по заранее заданным готовым схемам, «отрекаясь» от всего непонятного, нетипичного, специфического – одним словом, от того, что не вписывается в узкие ортодоксальные схемы.

Еще в начале XX века русский государствовед Н.А. Захаров писал, что в сфере наших государствоведческих исследований²⁹ «мы можем отметить известную робость, известную пассивность в изложении основ нашей государственной власти: вся наша наука по преимуществу стремилась уложить нормы нашего строя в рамки теории, из этого выходила натянутость, а нередко и полная неопределенность... насильно натягивать эту перчатку иноземного определения на руку русской действительности только для того, чтобы втиснуть её в эту готовую, может быть, мастерски, но для чужой руки приготовленную форму»³⁰ есть, по его мнению, следствие психологической зависимости и преклонения перед *внешней стороной Запада*, полнейшее обособление государственной науки от реальной жизни, от насущных требований и исторических задач.

²⁹ Выше, в первой части исследования, отмечалось, что по нашему убеждению отечественные политические исследования в дореволюционной России развивались в рамках комплексной науки – государствоведение.

³⁰ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С.35.

Еще И.С. Аксаков отмечал, что все эти наносные западные идеалы «... исковеркали нас и сделали нас прислужниками чужих идей, стыдящихся самих себя, но неудачных во всех имитациях».

Так, столкнувшись с социальными противоречиями, русская мысль зачастую искала «чудодейственный эликсир», т.е. спасительные идеалы, образцы лучшего обустройства для своего отечества (как обычно, радикальные) и принципы построения и функционирования политического организма. Этот образец, идеал брался либо из далекой истории (определенный государственный период и свойственный ему политический уклад, который идеализировался и принимался как эталон для современной организации без учета её специфики и целей, например, *славянофильство*), либо, что чаще всего, искался на Западе, опять-таки без должного историко-культурного анализа возникновения и развития этих идеалов (например, *западничество*).

С нашей точки зрения, оправдан и перспективен поиск скрытых в массах национальной культуры инвариантных стилей политического мышления и моделей социально-политического поведения и публично-властного взаимодействия, что естественным образом позволит приоткрыть *логику и целостность* развития конкретного социального феномена в отечественном политическом континууме. В силу этого реконструкция национального концепта власти³¹, исследование его эволюции и соответствующих ему форм государственного устройства есть первейшая задача отечественной теории государства.

Осмысление специфики и эволюции отечественной государственной власти зависит от обнаружения ее «образа» в национальном самосознании, специфики *мыследеятельности* субъектов, конкретных политических проблем, стоя-

³¹ Исследование того или иного политического концепта, как отмечает М.В. Ильин, имеет большое эвристическое значение, так как последний связывает феноменальный и ноуменальный аспекты социального бытия. Реконструкция смысловых оснований концепта в определенных пространственно-временных характеристиках позволяет отразить динамику и состояние институциональных, духовных, ментальных структур отечественного политического мира / См.: *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.

щих перед обществом на конкретном историческом отрезке времени³². Анализ политического мышления и публично-властной практики определенной эпохи возможен только в рамках комплексного подхода, совмещающего исследование как *гносеологических* (как воспринималась и познавалась государственная власть в ту или иную эпоху – *концептуальная практика*) и *морфологических* (социально-политическое строение и форма), так и *практических социально-политических проблем* (посредством каких техник и способов осуществлялась государственная власть в ту или иную эпоху – *властно-управленческая практика*).

Становление институтов власти многие исследователи связывают с различными историческими особенностями развития страны. Например, с точки зрения В.О. Ключевского история России, как и история самой государственной власти связана с процессами колонизации. «Область колонизации в ней (в истории России – *А.М.*) расширялась вместе с государственной ее территорией, то падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней»³³. И в каждый исторический период перед обществом и властью становятся проблемы организации политического пространства, установления адекватного «житейского порядка», строя людских отношений, интересов, чувств, нравов и т.п. «Сложившегося порядка люди держатся, пока непрерывное движение исторической драмы не заменят его другим»³⁴, с изменением последнего меняются задачи стоящие перед государственной властью по организации политического пространства и, соответственно, ее институционально-властная конфигурация.

С точки зрения других авторов, хотя в их рассуждениях и идет речь о расширении политического пространства, ведущей причиной формирования и развития институтов государственной власти является диалектическое взаимодействия институтов государства и народа. Интересно, в этой связи то,

³² См. об этом: *Мамычев А.Ю.* Идея власти в отечественном политико-правовом дискурсе //Философия права. 2003. № 2.

³³ *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. Т. I. С. 50.

³⁴ Там же. С. 34.

что сам политический институт Царя сложился как «ответ на постоянный конфликт между народом и государством как способ психологической защиты... надежда возлагалась часто не на реального царя, а какой-то мифологизированный его образ»³⁵. В этом смысле практика бегства и ухода «от государственной власти составляли все содержание народной истории России. Вслед за народом шла государственная власть, укрепляя за собой вновь заселенные области и обращая беглых вновь под свое владычество», устанавливая в новых местах свою юрисдикцию³⁶. Само расширение государственной территории проходило «сплошь и рядом без всякого экономического расчета, – в силу чисто политических убеждений, иногда даже не для самосохранения и независимости, но для внешнего могущества и величия»³⁷. Таким образом, «конфликт между народом и государством приводил к укреплению государства; более того, без этого конфликта русская государственная власть никогда бы не смогла прочно утвердиться на столь огромной территории. Он сам служил залогом могущества Российской империи»³⁸.

Ряд других исследователей развитие институтов государственной власти в России связывают с «модернизационными» и «традиционными» процессами в самом обществе. Так, традиционализм в сфере государственного властвования основан на подчинении институтов власти, прежде всего, высшим нравственно-религиозным ценностям. Само политическое устройство, свойственные ему институты и механизмы суть только инструменты сохранения традиционных структур сознания, заветов старины, духа предков. Ни власть, ни политические институты с позиции концепции традиционализма не обеспечивают единства и целостности сообщества сами по себе, т.к. последнее достигается изнутри,

³⁵ Лурье С.В. *Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала.* СПб., 1994. С. 131.

³⁶ Сокольский Л. *Рост среднего сословия в России как следствие остановки в росте государственной территории.* Одесса. 1907. С. 1.

³⁷ Игнатьев Е. *Россия и окраины.* СПб., 1906. С. 7.

³⁸ Лурье С.В. *Указ. раб.* С. 140.

силою духовною, объединяющей людей в известное органическое целое. Поэтому основа и смысл институтов государственной власти, *как идеи и как формы*, лежит больше в плоскости социально-политических и духовно-нравственных начал, чем в плоскости юридических и экономических основ.

Модернизм в сфере государственного властвования направлен на улучшения социально-экономической жизни общества и его конкретного индивида. По своей сути власть приобретает в контексте последнего механистический, технократический характер, оценивается и воспринимается с формальных предпосылок, т.е. с точки зрения внешнего устройства, эффективности осуществления возложенных на нее ценностей³⁹. Модернизация представляет собой идеализацию некоторой универсальной сущности, годной для всех, представляющей общий путь, на который должно вступить все человечество, подчинив этому идеалу духовную и материальную жизнь (путем переноса, копирования структур, институтов, технологий и образа жизни у тех государств, которые уже идут по этому пути).

С точки зрения традиционализма последовательное воплощение принципов модернизации приводит в конечном итоге к тому, что известная «культур-цивилизационная целостность» разрушается в пользу особого универсального типа цивилизации. За что та или иная культура, как замечает В.Г. Федотова, «платит жизнями, отказом от традиций, упрощенными схемами и насильственной практикой их достижения»⁴⁰. С точки зрения этих авторов, в рамках исторического развития политической организации можно достаточно отчетливо выявить противоборство этих установок, когда маятник политической мысли и практики «раскачивался» между этими двумя антагонистическими проектами,

³⁹ Например, французский традиционалист Рене Генон настаивает, что данные парадигмальные установки свойственны западному (модернизм) и восточному (традиционализм) мирозерцанию. Так, он отмечает, что для запада в общих чертах характерно направленность на действие, на быстрое восприятие различных инноваций, на преобладание действия над умозрением, напротив, для Востока – превосходство умозрения над действием, более медленное восприятие инноваций, либо вообще нивелирования их значения. В первом случае социальная жизнь субъектов подчинена внешним характеристикам, во втором – внутренним, духовным / *Генон Р.* Кризис современной науки. М., 1991.

⁴⁰ *Федотова В.Г.* Модернизация “другой” Европы. М., 1997.

структурируя под каждый из них систему государственной власти. В свою очередь, диалектическое взаимодействие данных политических проектов в ходе саморазвития общественной системы приводят к эволюции государственности, отражают специфичность и закономерность российских исторических процессов, соотношение действительного и возможного.

С нашей точки зрения все предложенные «исследовательские варианты» развития институтов государственных власти не ошибочны, а отражают отдельные факторы, влияющие на эволюцию последних. Однако следует отметить два момента. *Во-первых*, изменения в любом традиционном обществе не произвольны. Трансформация институтов государственной власти задается самой политической традицией изнутри. Каждое общество, как отмечает С. Эйзенштадт, «имеет реальные и символические события прошлого, порядок и образы которого являются ядром коллективной идентичности (традиционного общества), определением меры и природы его социальных и культурных изменений. Традиция в этом обществе служит не только символом непрерывности, но и определителем пределов инноваций и главным критерием их законности, а также критерием социальной активности»⁴¹.

Следователь неверным будет противопоставление этих двух тенденций в общественном развитии. Всякая современная политическая организация представляет конвергационную взаимосвязь и взаимообусловленность предшествующих этапов развития и будущих перспектив и целей. Думается бессмысленно спорить с известным русским государствоведом А.Д. Градовским, когда он отмечает, что «государство, как всякое историческое явление, подчинено условиям развития, законам *прогресса*, т.е. его формы переходят от одного относительного принципа, годного для одного времени, к другому, годному для времени последующего... Государство, провозгласившее безусловную годность данных, следовательно, переходящих, начал своего строя, рискует вызвать противоположные идеалы, столь же безусловные и неустойчивые. Отрицаясь от новых требований жизни, оно дает силу утопии;

⁴¹ Цит. по: *Лурье С.В.* Метаморфозы традиционного сознания. С. 31.

отказываясь от прогресса осуществляемого, оно, в конце концов, сталкивается с идеалами неосуществимыми»⁴².

Во-вторых, утверждение о том, что источником эволюции государственных институтов власти становится конфликт между властью и народом, тоже чрезвычайно преувеличено. Так, например, С. Лурье анализируя истоки и проявления этого конфликта, в конечном итоге приходит к заключению, что «оппозиция русская община – Российское государство оказывается на поверку неверной. Даже в своих крайних антигосударственных проявлениях русские оставались, по своей сути, государственниками»⁴³. Для этого достаточно вспомнить Смутное время, когда государство, с его системой органов и учреждений, прекратило в принципе существовать, но было восстановлено силою народного государственного мышления, при широкой поддержке земства.

Как правило, в кризисных ситуациях, слабости институтов государственной власти, вся полнота власти возвращалась земским соборам, которые принимали государственно-значимые решения (определения устройства государства, политические приоритеты и цели развития и т.п.), становящиеся нормативно значимыми для всего народа русского. Как отмечал В. Алексеев «начало оживления земских соборов совпадает со временем тяжелых испытаний, посланных судьбой русскому государству в XVI веке. Вследствие пресечения династии и низложения царя (Шуйского), государство несколько раз оставалось без обычного своего руководителя, царя, и в это “безгосударственное” время власть сама собой возвращалась народу... В такие исключительные моменты земские соборы получали исключительное значение, тогда они являлись верховной властью в государстве»⁴⁴.

⁴² Градовский А.Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 24 – 25. В другом месте А.Д. Градовский отмечает, что «каждая цивилизация есть продукт положительных и отрицательных факторов. Положительные устанавливают и определяют задачу известной цивилизации; отрицательные разрушают то, что в этой организации было временного, выделяют действительно общие начала (курсив мой – А.М.)» / Там же, С.103.

⁴³ Лурье С.В. Указ. соч. С. 143.

⁴⁴ Алексеев В. Земские соборы древней Руси. М., 1915. С. 46.

Однако обратимся к социально-политическим процессам зарождения российской государственной власти. Этот вопрос в настоящее время до сих пор остается открытым, спорным. Существуют различные точки зрения на эту проблему. Так, например, В.О. Ключевский, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев считали, что истоки зарождения русской государственности и формирование отечественной политической традиции следует относить уже к IX в. Причем, С.М. Соловьев например, настаивает на том, что политическая эволюция институтов государственной власти представляет собой единый историко-культурный процесс, хотя в его рамках и существуют различные виды, типы государств. В.О. Ключевский также рассматривает историю России как некое «вековое движение», продолжающееся до наших дней, выделяет четыре основных периода развития: днепровский, верхневолжский, великорусский, всероссийский.

Иначе к этому вопросу подходили историки российской государственности, придерживающиеся евразийской концепции – П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Л.Н. Гумилев, Г.В. Вернадский и др. Так, они обосновывали огромное влияние на развитие российской государственности и политической культуры татаро-монгольского элемента. Л.Н. Гумилев, исходя из этого вообще отмечает, что Древнерусское государство и государство российское, по сути, два разных политических типа, с разными политическими проектами строительства системы государственной власти, ее осуществления и легитимации. Он отмечает, что уже в XIV в. «прежняя Киевская Русь канула в небытие. Ни политического, ни этнического единства русских больше не существовало. Люди остались, но сама система власти и организации отношений между людьми оказалась разрушенной окончательно». «Единственной связующей нитью для русских людей XIV в., – пишет Л.Н. Гумилев, – оставалась православная вера». И уже «к 1380 г. Древняя Русь «растворилась» в Литве и Московской Руси»⁴⁵. Сам «миф о Киевской Руси, – по мнению современного политолога А.Г. Дугина, – созревает именно в монгольскую эпоху, как ностальгия по «золотому веку» и имеет «про-

⁴⁵ См.: Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. М., 2002. С. 135 – 136, 160.

ектный», «мобилизующий» характер для будущего державного возрождения»⁴⁶. Именно из Московской Руси, опирающейся на православную веру и этническую терпимость, начала постепенно выкристаллизовываться новый тип политической организации, существенно отличающаяся от Древнерусского периода.

По утверждению другого известного историка В.О. Ключевского, «народ становится *государством*, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона». Именно только в государстве, отмечает историк, «народ становится не только политической, но и исторической личностью с более или менее ясно выраженным национальным характером и осознанием своего мирового значения»⁴⁷. Следуя этой посылке, можно признать разумность и обоснованность точки зрения Л.Н. Гумилева (вспомним, что на этой позиции настаивал и Н.С. Трубецкой в своей работе «Наследие Чингисхана»,⁴⁸ и ряд других исследователей).

Вся история Евразии, по мнению Г.В. Вернадского, «есть последовательный ряд попыток создания единого всеевразийского государства. Попытки эти шли с разных сторон – с востока и запада Евразии. К одной цели клонились усилия скифов, гуннов, хазар, турко-монголов и славяно-русов»⁴⁹. И только усилия славяно-русов увенчались, с точки зрения ученого, успехом: образовалось единое евразийское государство. Древняя Русь со своими вечевыми практиками, разобщи́нным мирозерцанием была неспособна выжить на этом пространстве и приспособиться к изменяющимся условиям, здесь, прежде всего, требовалось «наличие единого и целостного мирозерцания».

Таким целостным политическим мирозерцанием, по его мнению, было проникнуто только Московское царство. Поэтому Г.В. Вернадский настаивает, что процессы по формированию единой российской государственности стали возможны только в Московский период. Этому сопутствовало два фактора – *монгольский* и *византийский*. «Монгольское наследие – Евразийское государст-

⁴⁶ Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004. С. 484.

⁴⁷ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. I. С. 42.

⁴⁸ См.: Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 2000.

⁴⁹ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М., 2002. С. 31.

во. Византийское – православное государство... Монгольское наследие облегчило русскому народу создание *плоти* Евразийского государства. Византийское наследство вооружило русский народ нужным для создания мировой державы *строем идей*⁵⁰.

Стоит отметить также, что идея единой в политическом и духовном смысле российской государственности становится фактом народного сознания, активно проникает в политическое мышление и действие, как отмечают современные исследователи, начиная с XV в., и особенно утверждается в XVI – XVII вв. До сей поры подготавливался фундамент, *условия* для осуществления этого политического единства. Начиная с митрополита Киевского Иллариона русские книжники стремятся обосновать «величие и красоту земли русской», её целостность и необходимость защиты последней единой властью, формируя тем самым целостное и специфическое политическое мировоззрение в первую очередь политической и духовной верхушки (элиты) общества. Так, в «Слове о Законе и Благодати» XI в. Илларион пишет, что князь должен управлять на земле Русской, которая «ведома и слышима всеми четырьмя концами земли», как «единодержец земли своей».

Начиная с XIII в. в отечественном самосознании начинает преобладать идея гибели Руси, связанная с тем, что каждый «печется своим интересом», а не «отеческим» (государственным), а монголо-татарское нашествие мыслится как Божья кара за забвение христианских норм морали и правил жизни. Все древние источники этого периода – «Слово о погибели Русской земли», «Слово о Полку Игореве» – подчеркивают природное единство Земли Русской, призывают к восстановлению единства державы, обосновывается идея спасения Руси посредством единения всех сил, которое «становится самой насущной жизненной потребностью, условием для выживания всего народа»⁵¹. Поэтому, заметим, что вследствие «отсутствия политического единства «Русская земля» как понятие относилось к эпохе Древней Руси, а «формирование единого государ-

⁵⁰ Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 35.

⁵¹ См. об этом подробнее: Перевезенцев С.В. Смысл русской истории. М., 2004. С. 160 – 163.

ства (как качественно новый тип политической организации) начинается с XIV в., и уже в «XV в. Россия приобрела полнокровное политическое и национальное единство, в конце XVI – начале XVII в. мы сталкиваемся уже со сложившейся великорусской народностью»⁵².

Подобного взгляда на формирование единой государственности придерживаются и христианские ученые мужи. Так, митрополит Иоанн (Снычев) в своих очерках о русской историософии замечает, что «поучения Владимира Мономаха, самодержавные устремления святого Андрея Боголюбского, кропотливый труд московских князей по собиранию Руси – все это лишь этапы становления русской державности, завершившиеся двумя царствованиями – Иоанна III и Иоанна IV и утвердившие национальное единство, освященное в своих истоках и целях святынями веры»⁵³.

Таким образом, солидаризируясь с точкой зрения Л.Н. Гумилева и Г.В. Вернадского, отметим, что не следует нивелировать древнерусские воззрения политического, правового и социокультурного характера, получившие свое воплощение в типе (стиле) российского политического мышления и сформировавшие национальную политическую традицию, свойственную дальнейшему развитию российской государственности. Например, известная «центральность» и сакральность верховной власти восходит еще к древним представлениям славян об устройстве мира. Общеизвестно, что представления о священном, космическом характере власти в языческой религии остаются и в рамках христианского мировоззрения как духовная основа формирования социально-политических отношений и институтов. Мифо-ритуальный контекст славянского язычества, в рамках которого зарождалось и развивалось христианство, создал и свою систему механизмов преемственности. Так, построение властной иерархии в Московской Руси во многом совпадало с представлениями древних славян о космической, сакральной иерархии.

⁵² *Пушкарев Л.Н.* Менталитет русского общества на рубеже XVI – XVII веков / Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М., 2003. С.17-18.

⁵³ *Митрополит Иоанн.* Самодержавие духа. Очерки русского самосознания / Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб., 2004. С. 95.

Причем структура власти и свойственные ей отношения моделируются по аналогии с мифологическо-языческим мировосприятием и воспроизводят отношения в семье и в общине. Подобные мифологические образы рожают и центральный символ Царя, а также символ священного города (население известной территории начинается, как замечает С.Д. Домников, с обозрения сакрального центра, где возводится жертвенник, алтарь будущего храма или очаг жилища⁵⁴). В особом статусе царя («Царь – Бог», «Царь – Отец», «Царь – Земля») в народном сознании перемешиваются языческие и христианские практики восприятия политического. Царь становится сакральным символом присутствия святого в мире, символом Земли русской, символом устойчивости и выразителем определенного жизненного уклада.

По этому поводу Н.Н. Алексеев отмечал, что сама идея монархической власти своими корнями уходит в мифологическо-языческое мышление, которое почти без существенных изменений отражало основные моменты древневосточного абсолютизма. «Теория же восточного абсолютизма, – замечает учёный, – утверждала, что государственный порядок является отражением порядка небесного, что земной владыка является носителем божественных функций, что он есть существо страшное, карающее и милующее, что жизнь и смерть людей – в его руках, что он, как бог, несет спасение подданным, с которыми он связан не правовой, а чисто нравственной связью». И именно «публицисты московской монархии, – продолжает он, – и главным образом Иосиф Санин и его школа, в точности воспроизвели в своих воззрениях все эти основные пункты, изложенные впоследствии в политической теории Ивана Грозного»⁵⁵.

Кроме того, развитие отечественной политической традиции и национальной институционализации государственной власти «было воплощением определенной исторической *закономерности*, проявлявшей себя в деятельности ряда предшествующих государственных образований»⁵⁶. Так, вся история Ев-

⁵⁴ Домников С.Д. *Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество.* М., 2002.

⁵⁵ Алексеев Н.Н. *Русский народ и государство.* С. 76.

⁵⁶ Кожин В.В. *О евразийской концепции русского пути /О русском национальном сознании.* М., 2002. С.232.

разии, по мнению Г. В. Вернадского, «есть последовательный ряд попыток создания единого всеевразийского государства. Попытки эти шли с разных сторон – с востока и запада Евразии. К одной цели клонились усилия скифов, гуннов, хазар, турко-монголов и славяно-русов»⁵⁷.

Другими словами, государственное строительство было подчинено известным историческим закономерностям, последнее «имело глубочайшие исторические корни, и последовательное “расширение” Руси – России уместно понять поэтому не как волюнтаристскую экспансию, а как исполнение объективной “воли” самой истории»⁵⁸. Причем, историки государства и права отмечают, что эти исторические тенденции во многом обуславливали не только становление государственности, эволюцию институциональной и правовой системы, но и существенным образом влияли на специфику взаимоотношения – человека и государства, государственной власти и отдельных территорий и т.д. Еще в Киевской Руси выделяют подобные тенденции, однако, полностью они нашли свое воплощение в Московском государстве. Так, В. Пузанов замечает, что древняя славянская «история наполнена драматическими событиями, связанными с попытками Киева распространить свою гегемонию на окрестные племена. Процесс этот был длительным и протекал далеко не мирно и не гладко. Только ко времени Владимира можно говорить о его завершении в общих чертах и сложении грандиозного суперсоюза («огромной конфедерации», Киевской Руси – А.М.), охватившего большую часть территории Восточной Европы»⁵⁹.

Эту же модель государственного развития В.Н. Топоров «считает правомерным соотнести с моделью отношений Киева с другими городами – идея вбирания-разрастания исходит из *образа цивилизационного масштаба*, представляемого киевским типом социальности. Позже элементы этого типа развития, в еще более грандиозных масштабах, проявляются на примере роста Москвы и распространяемом ею *цивилизационном типе*, с той лишь разницей, что Москва вбирала в себя сельские поселения, реализуя уже специфически аграр-

⁵⁷ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М., 2002. С. 31.

⁵⁸ Кожин В.В. Указ. соч. С. 232

⁵⁹ История России: Народ и Власть / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2001. С. 25.

ный тип развития»⁶⁰. В этом смысле понятным становится тяготение всех варяжских князей к Киеву, который позволял с экономической, а затем и с политической (центр политической жизни), военной (главный форпост страны против степи) точки зрения, обеспечить зависимость всех русских земель и городов от последнего и, соответственно, их подчинения единому центру власти. Вспомним в этом контексте слова В.О. Ключевского: «кто владел Киевом, тот держал в своих руках ключ от главных ворот русской торговли... в Киеве сходились нити их благосостояния».

С точки зрения М. Ф. Владимирского-Буданова, вообще вся история политического развития российской государственности – есть единое движение по созданию целостного государства на евразийском континенте, это развитие идет от меньших единиц к более крупным⁶¹. Другого устойчивого политического у России существовать не может, любое деление территорий на малые единицы с их политической автономностью неизбежным образом ведет к краху отечественной государственности. Вся история России, как еще замечал В.О. Ключевский, – это воссоединение, расширение и сплачивание различных территорий и политических традиций в единое целое – русское государство.

Становление институтов публичной власти генетически связано с общинным строем, появлением различных видов деятельности и, соответственно, форм взаимоотношения между людьми, ослаблением родоплеменных связей, что приводит к усложнению социальной структуры общества, к развитию властных функций и структур. По мнению историков государства российского, первоначальными институтами публичной власти являлись: князь, боярская дума и вече (народное собрание).

Все эти три элемента власти не существовали друг без друга, не были изолированными и самодостаточными, а образовывали некоторую «симфонию», в совместном осуществлении государственных целей и задач. Так, например, **княжеская власть** находилась в органичном единстве с двумя осталь-

⁶⁰ Домников С.Д. Указ. раб. С. 279.

⁶¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995.

ными элементами власти, князь считался институтом власти, сформированным народом, который выполнял оборонительные (военные) и административные функции.

Институт княжеской власти, как замечает И.Я. Фроянов, является добровольной передачей *прав* и вместе с тем *обязанностей*, обусловленных постоянно усложняющейся социально-политической организацией общества и внешне-политической ситуацией⁶². Причем сам институт княжеской власти берет свои истоки в родоплеменных союзах, перетекая и в общинную организацию жизнедеятельности. Так, у южных славян князем называется старейшина, который концентрирует в своей персоне все управленческие и духовно-идеологические функции. В землях восточных славян институты княжеской власти существовали, вообще, еще до появления варяг. Стоит отметить, что институт княжеской власти не был персонифицирован, не связывался с конкретной личностью, а принадлежал целому роду, с которым происходила первичная идентификация личности. Наследственный способ передачи власти в рамках определенного рода, а точнее родовое право на верховную власть, является наиболее древней и архаичной политической практикой преемственности власти практически у всех древних народов, в том числе и у древних славян.

С приходом варягов система властвования трансформируется в удельную систему княжения, здесь власть рода разделяется между ее представителями по территории. В рамках сложившейся политической традиции порядок наследования столов (отдельных территории) был сообразен порядку старшинства членов рода. Описывая этот политический порядок властвования, В.О. Ключевский выделяет две основные его характеристики: *первая*, заключалось в том, что верховная власть, была понятием собирательным, она принадлежала всему княжескому роду; *вторая*, – отдельные князья временно владели определенными частями русской земли. Право на власть наступало у члена рода с момента рождения, тем не менее, действительное осуществление властных полномочий наступало лишь с момента совершеннолетия. Однако по сложившемуся обы-

⁶² Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

чаю, это право подтверждалось избранием князя народным собранием. «Избрание действует наряду с наследованием: власть нового князя освящается и укрепляется *согласием* народа, что было совершенно необходимо при постоянном участии населения в государственных делах... Кроме наследования и избрания, не было других правомерных способов приобретения власти. *Добывание стола и договор между князьями* не могут быть признаны таковыми»⁶³.

Таким образом, княжеская власть на первоначальном этапе становления институтов публичной власти была производна от власти веча, она опиралась на местные советы и дворцово-вотчинную систему властвования⁶⁴. Вече и князь заключали между собой политические договоры («ряды»), в содержание которых входило взаимное установление прав и обязанностей, порядок их взаимоотношения и функциональной компетенции каждого из этих институтов власти⁶⁵. Поэтому, в случае нарушения «одиначества» князя и веча, ему могли отказать в занятии стола, сопровождающейся полной политической отчужденностью. Отсюда появляются князья изгои, которые вместе со своей дружиной отправлялись искать новые земли, как правило, на окраины государства, тем самым, расширяя его, включая новые территории к удельно-родовой системе правления.

Однако не стоит преувеличивать роль княжеской власти на становление политических институтов и взаимоотношения между ними. Как отмечает профессор М. Ф. Владимирский-Буданов, варяжские князья застали везде не только готовый политический строй, но, что более важно, уже *сформированное государственное мышление, представления об институтах власти*, их социальной роли и значении. Причем «мнимое единодержавие» князей ни коим обра-

⁶³ Владимирский-Буданов М.Ф. С. 64 – 65.

⁶⁴ Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX – XIV вв. М., 2003. С. 64.

⁶⁵ «Князья, – пишет по этому поводу В.О. Ключевский, – должны были считаться с этой силой (народным мнением – А.М.), входить с нею в сделки, заключать “ряды” с городами, политические договоры. Эти договоры определяли порядок, которого должны были держаться князья в своей правительственной деятельности. Так *власть местных князей является ограниченной вечами волостных городов* (курсив – А.М.)» / Ключевский В.О. Указ. соч. Т. I. С. 201.

зом не изменяет и «не разрушает самобытность земель», а вписывается и «подчиняется» общим закономерностям их развития.

Так, княжеская власть способствовала во многом сближению земель, продолжению общих закономерностей развития евразийского политического пространства. Поэтому княжеская власть и удельная система на данном политическом этапе развития, по утверждению М. Ф. Владимирский-Буданова, *выполнила свои исторические задачи: привела не к раздроблению мнимого единства государства, а, наоборот, к большему слиянию прежних отдельных земель, и в будущем к образованию двух больших, централизованных государств: Московского и Литовско-Русского*⁶⁶. Ту же мысль мы можем проследить и у В.О. Ключевского, который замечал, что уже в XI – XII вв. «оба термина *Русь* и *Русская земля*, не теряя географического значения, являться со значением политическим: так стала называться вся территория, подвластная русским князем, со всем христианским славяно-русским ее населением»⁶⁷.

Вече, как элемент публичной власти существовало у славян с незапамятных времен, являясь высшим органом народного самоуправления и суда. И. Я. Фроянов отмечает, что вече есть «народное собрание, являющееся частью социально-политического механизма древнерусского общества», решения которого являлись обязательными и непререкаемыми для все остальных институтов публичной власти⁶⁸. Причем, вече, «несмотря на свой главный (простонародный) состав, не есть орган власти одного (низшего) класса, а сочетает в себе и

⁶⁶ Так, М. Ф. Владимирский-Буданов отмечает по этому поводу, что *усиление дробности государственной территории бала кажущейся*. «В действительности же заметно усиливаются начала будущего государственного единства. Каждая земля делится, в свою очередь, на множество княжений (по числу членов своей линии княжеского рода); но эти княжения отнюдь не новые государственные единицы: князья пригородов заменяют лишь посадников; внутреннее единство земли не нарушается; во внешней политической деятельности выступают не отдельные княжения, а целые земли... Сохранение внутренней целостности земель в конце XII века, продолжает ученый, засвидетельствовано летописцем в знаменитой формуле: «Изначала новгородцы, смоляне, кыяне, полочане и *все власти* на вече сходятся, и на чем старейшие порешат, тому следует и пригороды»... *т.е. государственное устройство состоит не в княжеских отношениях, а в земских и самое понятие государства приурочивается не к княжению, а к тем землям* (курсив мой – А.М.)» / Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 44.

⁶⁷ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. I. С. 178.

⁶⁸ Фроянов И.Я. Указ. соч. С. 184.

оба других элемента власти и есть власть общеземская. Эта форма государственной власти *создана не во имя борьбы с двумя остальными* (понятие борьбы чуждо русскому государственному праву), *а для единения, т.е. для решения земских дел общей волей князей, бояр и народа* (курсив мой – А.М.)»⁶⁹.

М.Ф. Владимирский-Буданов отмечает, что развитие вече как института коллективного управления проходит три основных этапа. *Первый этап* характерен для родоплеменной организации, где все взрослые мужчины участвуют в осуществлении публичной власти. При расширении рода и территории, при переходе к общинному житию эта форма народного собрания сохраниться не могла, она уступает место собраниям старейшин из всех общин. В этом смысле *второй этап* развития вече (IX – X вв.) М.Ф. Владимирский-Буданов связывает с переходом от племенного собрания к городскому, т.е. к собственно политическому. Здесь для выработки государственных решений «сходятся в старейший город лучшие люди всей земли и обсуждают земские вопросы в присутствии горожан этого города». Такая форма народовластия в последствии видоизменится и разделится на два учреждения – боярскую думу и собственно вече. *Третья эпоха* вечевых собраний (XI – XIII вв.) – «есть эпоха полного выделения этой формы власти в самостоятельную (как собрание простых граждан) и полного развития ее прав. Она совпадает со временем окончательного установления власти старших городов»⁷⁰. Здесь устанавливается единый земский союз, в котором объединены волости и пригорода (вторичные города-государства, провинции) под власть старшего города (первичные города государства). Происходит первое формирование идеи государственной целостности, поддерживаемое традицией родового княжеского права, согласно которой «вся Русская земля» (впервые это выражение начинает применяться в произведении киевского митрополита Илариона) соединялась правом княжеского рода на власть.

⁶⁹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 78.

⁷⁰ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 77.

Таким образом, судя по историческим источникам, в народном собрании на этом этапе принимали участие в основном граждане города, хотя в некоторых случаях отмечается и участие прихожан в вечевом собрании, «но так как фактически собрание всех жителей государства, при общности территории, становится невозможным, то действительное участие прихожан (которое не возбранялось, а наоборот гарантировалось обычным правом – *А.М.*) бывает лишь *случайно* и не *необходимо*»⁷¹. Это привело к тому, что вече как институт публичной власти превратился из общеземского института в аристократическое собрание, поскольку на него начинают с XIII по XIV века приглашаться крупные собственники и политическая элита.

Боярская дума являлась также неотъемлемым и важнейшим элементом публичной власти и представляла собой собрание (совет) лучших людей («бояре думающие») каждой земли, которые вместе с князем решали основные земские вопросы. Как правило, такой совет существовал в одном из старших городов. Нередко в летописях такой совет называется дружиной (по отношению к князю), однако, под последней все же понималась лишь старшая дружина – бояре. Причем в состав боярской думы входят не только высшие служивые люди – бояре, но земские бояре – старейшины, а также после крещения Руси в заседании боярской думы участвуют высшие духовные сановники.

Ряд исследователей связывают с появлением совета при князе становление самой государственной власти с ее аппаратом (князь по своему праву собирает дань и делится ею со своей дружиной, которая в конечном итоге превратилась в определенный правительственный класс), а так же постепенное отчуждение этой власти от народа (народных собраний) и осуществление последней определенной группой (элитой) на профессиональной основе. В обязанности данного политического института входит создание эффективной системы обороны и администрирования на определенной территории. Как замечает Б.Д. Греков, «народные собрания надо отличать от совещания киевского князя с боярами. Первые – это неизжитые остатки родового строя периода высшей сту-

⁷¹ Там же. С. 77.

пени варварства, вторые – следствие укрепления княжеской власти, отделения власти от народных масс, уже успевших выйти из родового общества»⁷².

Таким образом, старая родовая организация, в конечном итоге, уступает место новой форме публичной власти, тем не менее, сохраняет основные демократические институты. Эпоха становления этих публичных институтов власти, как отмечает В.Я. Любашиц, «получила условное название эпохи военной демократии. Это была демократия, поскольку, несмотря на имущественное и общественное расслоение, племенная верхушка была вынуждена считаться с мнением рядовых членов племени. Наряду с дружиной, определенную роль в управлении обществом играют все взрослые боеспособные мужчины племени, образующие народное собрание. Сохраняются и другие родовые учреждения: вожди, совет старейшин. Но характер этих учреждений существенно изменяется. *Вожди и старейшины, представляющие богатые патриархальные семьи и опирающиеся на вооруженную дружину, фактически решали все дела. Народное собрание, как правило, лишь выслушивало их решения* (и легитимировало последние – А.М.). В результате органы общественной власти все более отрываются от народа и превращаются в органы государства»⁷³.

Эволюция первичных институтов публичной власти. С усложнением политической организации общества, княжеская власть отставала за развитием государственных форм, поскольку была основана на родовых признаках и представляла собой «полукочевой образ правления», т.е. сами князья, со своей дружиной, не заботясь о территории, вели кочевой образ жизни. «Постоянное передвижение князей со стола на стол и сопровождающие его споры роняли земский авторитет князя... Он (князь – А.М.) приходил и скоро уходил, был политической случайностью для области, блуждающей кометой»⁷⁴. Хотя подобное «движение» князей на начальном этапе объединения земель сыграло свою позитивную роль (например, распространение одинаковых политических, куль-

⁷² Цит. по: Момотов В.В. Указ соч. С. 77.

⁷³ Любашиц В.Я. Эволюция государства как института политической системы. Ростов н/Д, 2004.

⁷⁴ Ключевский В.О. Указ соч. Т. I. С. 200.

турных понятий, форм и традиций на всей территории подвластной княжескому роду), в дальнейшем же привело к политической раздробленности. Расширение княжеского рода, появление параллельных ветвей, когда старшинство физическое часто расходилось с генеалогическим, привело к нарушению родового права преемственности власти. Последнее, по мнению С.Д. Домникова, явилось главным источником бед, который коренится именно в «самом механизме наследования, так называемом родовом княжеском праве, согласно которому все члены княжеской фамилии имеют родовое право на власть над Русской зелью»

75

В свою очередь, для решения конфликтов наследования вырабатываются две основные политические практики и соответствующие им политические институты, призванные разрешать вопросы старшинства и порядка владения. *Первая практика*, – это договорное решение данных вопросов на *совете князей*, где пытались создать условия политической преемственности власти (иногда в противовес физическим и генеалогическим условиям). Здесь заключались договоры и соглашения между князьями о порядке занятия столов.

Вторая практика, – это разрешение конфликтов оружием, т.е. междоусобными войнами. Причем эта борьба с оружием в руках за власть была *не нарушением, отрицанием междукняжеского права, а только средством для его восстановления и поддержания*, основной «целью тех и других было восстановить действие этого порядка, а не поставить на его место какой-либо новый. Но оба этих средства вносили в порядок элементы, противные его природе, колебавшие его, именно, с одной стороны, условность соглашения вопреки естественности отношений кровного родства, с другой – случайность перевеса материальной силы вопреки нравственному авторитету старшинства»⁷⁶.

В этой ситуации немалую роль в осуществлении публичной власти начинает играть совет князей, который должен был выполнять консолидирующие политические функции, примерять враждующие стороны, определять порядок

⁷⁵ Домников С.Д. Указ. соч. С. 280.

⁷⁶ Ключевский В.О. Указ соч. Т. I. С. 191.

распределения власти и движение в княжеском роде и т.д. Однако как показала дальнейшая практика, этот институт не смог, да и не мог в рамках родового права, осуществить координацию и единство власти на русской земле. Примечательно и то, что межкняжеские договора не получали одобрения народным мнением («согласием земли»), как это практиковалось ранее, в силу чего они не смогли утвердиться в качестве правомерного, легитимного способа разрешения конфликта.

Общим итогом может служить то, что княжеская власть так и не смогла утвердить порядок на огромном пространстве русской земли, которая объединялась на основе не политического, а генеалогического принципа. «Князья не установили на Руси своего государственного порядка (но подготовили его – *А.М.*) и не могли установить его. Их не для того звали, и они не для того пришли. Земля звала их для внешней обороны, нуждалась в их сабле, а не в учредительном уме... Князья скользили поверх этого земского строя, без них строившегося, и их фамильные счета – не государственные отношения» – к такому заключению приходит русский историк В.О. Ключевский⁷⁷. Киевский и удельный период в развитии отечественной государственности наглядно продемонстрировали, что существующие институты и практика властвования не могут отвечать закономерностям развития территории. Эти периоды «в некотором смысле отразили образ блуждающей власти на блуждающем пространстве. Результатом непрочности отношений власти и земли явилось дробление власти (на династические ветви) и земли (на уделы) и их последующее покорение Золотой Ордой и Великой Литвой»⁷⁸.

Выше рассмотренные, три основных властных института действовали совместно при осуществлении публичной власти и во многом определяли происходящие события, однако, с XIII века происходит рассогласование в их деятельности, каждый элемент власти пытается «узурпировать» власть, а политическое противостояние между ними приобретает небывалую остроту. Все это

⁷⁷ Там же. С. 197 – 198

⁷⁸ Домников С.Д. Указ. соч. С. 316.

приводит к ослаблению и разделению русской земли на отдельные, автономные области под властью стольного города. Политический, культурный и военный союз практически прекращает свое существование. От полного распада русской земли, по мнению теоретиков евразийской школы, спасает сначала монгольское иго (которое сыграло большую и положительную роль в становлении российской государственности), а затем возвышение московского княжества и соби- рание вокруг него раздробленных земель, возникшее вследствие увеличения княжеского рода, с последующим установлением культурно-духовного, поли- тического и социально-экономического единства.

Становление монархического политического порядка. Начиная с XIV века, княжеская власть становится главной политической силой, влияющей на развитие русской государственности. Этому были свои политические, эконо- мические и идеологические предпосылки. Так, с XI века в летописных книгах, в трактатах «книжных мужей» обосновывалось не только единство земли рус- ской и всего христианского народа, но и особый статус князя. В функции кня- жеского института, который начинает восприниматься народным (обыденным) политическим мышлением в качестве государственного, входит уже не столько разрешение внешнеполитических проблем, сколько «забота» о внутреннем обу- стройстве жизни общества, обеспечении порядка и справедливости.

Причем, с принятием христианства сакрализация власти переносится с института вече на княжеский институт. Если в Древней Руси власть князя не имела почвы для обожествления, сам княжеский институт власти по представ- лению славян был сугубо земным институтом, «сакральной являлось не долж- ность князя, а общественные отношения (т.е. институт вече)»⁷⁹, связанные с культом предков и Матери-земли, то после принятия христианства, процесса

⁷⁹ Андреева Л.А. Религия и власть в России: Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М., 2001. С. 22. «Природу власти сла- вяне объясняли, опираясь на свой религиозный натурализм, когда в живых ликах природы им виделись образы божества или божеств, и, как следствие, в деятельности вечевой власти они усматривали воплощение воли сакральной божественной силы. Вечевая власть воспри- нималась как субстанциально тождественная божественной» – продолжает эту мысль Л.А. Андреева / Там же.

объединения русских земель вокруг московского княжества и установления стабильной («оседлой»), централизованной власти, сакральный характер власти придается княжескому (*велико княжескому*) институту.

Установление монархического (самодержавного) политического устройства связывалось, прежде всего, с внешнеполитической независимостью и стабильностью самой власти. В этом смысле замена княжеского титула на царский (самодержавный) связываются именно с олицетворением в образе «царя всея Руси» христианского единства и независимости государства. «Оба эти термина, – справедливо отмечает В.О. Ключевский, – значили не то, что стали значить потом, выражали понятие не о государстве с неограниченной внутренней властью, а о властителе, независимом ни от какой сторонней внешней власти, никому не платящей дани»⁸⁰.

Как уже отмечалось выше, государственная централизация является необходимым этапом поступательной эволюции политической организации общества и внутренней закономерностью генезиса самой российской государственности. Немалую роль в становлении российского государства сыграла и Русская Православная Церковь, которая стала не только одним из важнейших факторов духовно-религиозного единства русского народа, но и создала институционализованный каркас общественного и политического единства.

Таким образом, с XIV века постепенно на подготовленной идеологической почве начинает формироваться качественно новое явление – единая, в политическом смысле, российская государственность. В свою очередь, Москва становится символом этого единства, превращается Церковью в наследницу и носительницу истиной православной веры («сияет и светит как солнце в центре русской земли»), в единственно признаваемый центр духовной и политической власти, от которого уже простираются солнечные лучи на всю территорию земли русской⁸¹.

⁸⁰ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. II. С. 115 – 116.

⁸¹ Ф. Морошкин по этому поводу отмечал, что «географическое пространство *стянулось в Кремле* и побеждающее *единство открыло свои действия на всех* пунктах разобщенной России... сила централизованного влечения заставила всех вращаться в сфере Московского вла-

На утверждение единой системы государственной власти влиял ряд политических и духовно-религиозных факторов. В *политической сфере* был принят совершенно новый принцип государственного строительства – принцип этнической терпимости, привлекая на государственную (чиновничью, военную и т.д.) службу наиболее подготовленных и опытных людей с различных частей света: на московскую службу вступали татары, литовцы, половцы и др. Появление «новой» боярской знати и новой управленческой элитой создало предпосылки для укрепления, как самого великокняжеского статуса, так и государственного значения Москвы⁸².

Все процессы институционализации направляются единой политической идеей – развитие и укрепление мощи и единства государства, т.к. последнее обеспечивает: *во-первых*, единство земли русской; *во-вторых*, сохраняет истинность православной веры (утраченную другими народами после Флорентийской унии). Это политическое и религиозное обоснование в конечном итоге завершает территориальное сближение северо-восточной Руси московским княжеством, что превращает последнее «в национальное великорусское государство» и сообщает «великому князю московскому значение национального великорусского государя»⁸³.

Причем построение единого государства опиралось на принцип «первичности *прав каждого народа* на определенный *образ жизни*. На Руси это принцип воплотился в концепции соборности и соблюдался совершенно неукоснительно»⁸⁴. Этот принцип создал предпосылки для становления монархической

дычества. Все потянуло к Москве. Померкли светлые князья русских городов перед величием царя Московского и всея Руси. Москва и вся Россия – два образа единого могущества (курсив – *А.М.*)» / Цит. по: *Егоров С.А.* История отечественного государства и права. IX – первая половина XIX века. Опыт проблемного изложения. Ярославль, 2000. С. 97 – 98.

⁸² «Служивый люд, переселявшийся в северо-восточные земли из других княжеств и, прежде всего, из Южной Руси, стал главной причиной заметного усиления Москвы в конце XIII – начале XIV вв... Новое боярство, сложившиеся уже в эпоху татарского ига, поначалу также выступало как надёжная опора великокняжеской власти» – отмечают по этому поводу историки Д. Андреев, Г. Бордюгов / *Андреев Д., Бордюгов Г.* Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс X – XXI вв. М., СПб., 2004. С. 36.

⁸³ *Ключевский В.О.* Указ соч. Т. II. С. 107.

⁸⁴ *Гумилев Л.Н.* Указ. соч. С. 292.

политической системы, в рамках которой утверждались не только права отдельного человека, класса, слоя, но и, что более важно, права общности, социального целого. Не свойственно отечественной политической традиции было и противопоставление индивидуальных и общинных прав, последние находились в известном симфоническом единстве – на индивидуальных правах основывались общинные, которые (через деловые обыкновения, обычное право) обеспечивала реализация первых.

Становлению монархической политической системы не была чужда и традиция общеземской легитимации власти, а также ее ограничение народным мнением. Эти социально-политические основы власти были весьма действенными, опирались не на правовую норму, а на традиции и обычное (неписанное) право. Например, считалось, что государь осуществлял свое *служение* высшей воле и своему народу. Причем, народ, отрекаясь от «своей воли», отдает себя во *власть не монарху* (как это будет характерно для имперского периода), но *«предается во власть воли высшей, от которой и исходит царь – избранник её.* Но и сам царь, отрекаясь от своей личной воли, осуществляет *служение как послушание»*⁸⁵, – замечает по этому поводу В. Карпец.

Однако сама власть великого князя не абсолютна, как справедливо отмечает А.А. Зимин, она ограничивалась прочными традициями, коренившимися в патриархальных представлениях о характере власти, и мнением народным, которое основывалось на приданиях старины, заветах отцов и дедов⁸⁶. Власть монарха ограничивалась повсюду не формально, а посредством традиционных институтов и порядков. «Единодержавные московские государи при осуществлении своих властных полномочий не могли не считаться с укоренившейся в московской государственной жизни правовой традицией, ставившей известные пределы их властвования» – замечает другой историк права С.А. Егоров⁸⁷.

⁸⁵ Цит. по: Хархордин О. Что такое «государство»? Европейский контекст/ Понятие «государство» в четырех языках / Под ред. О. Хархордина. СПб., М., 2002. С. 172.

⁸⁶ См. об этом: Зимин А.А. Россия на рубеже XV – XVI столетий. М., 1982.

⁸⁷ Егоров С.А. Указ. соч. С. 98.

В *духовно-религиозном* плане можно отметить, что церковная система оказала существенное влияние на этнонациональную институционализацию монархического устройства. Так, последняя формирует и воплощает идеологическое обоснование единства территории и государственной власти посредством системы монастырского «общежития». Монастыри, ориентированные на Москву, по замыслу митрополита Алексея (XIV в.) должны были стать центрами, обеспечивающими религиозное и политическое единство русского государства, способствовать возрождению общинных ценностей и распространению идеалов монархического устройства власти. Митрополит Алексей считал, что раздробленная удельной системой правления и междоусобными войнами Русская Земля сможет объединиться только благодаря разветвленной системе монастырей, которые смогут стать центрами духовного и политического объединения славян.

Затем при опоре на эту систему можно будет, с его точки зрения, сформировать и единую государственную систему. Сам митрополит Алексей был одновременно лидером московских бояр и главой церковной системы. И как «показала дальнейшая история, митрополит Алексей оказался прав – духовно-политическая жизнь Русского государства во многом строилась вокруг вновь основанных монастырей»⁸⁸. Причем практика монастырского «общежития» способствовала не только политическому и духовному единству государства, но и обеспечивала освоение новых земель, выступала мощным экономическим инструментом. Так, в Москве было создано специальное учреждение, ведавшее общежительскими монастырями, одной из функций которого являлась монастырская колонизация северных регионов, способствующая экономическому освоению края. В этом смысле становление институтов самодержавной власти было органично связано с религией и церковной организацией, неслучайно все славянофилы отмечали, что осмысление самодержавного строя невозможно без религиозного мирозерцания. «На Руси церковь и государство изначально выступали нераздельно. Церковная организация была непосредственно спаяна с

⁸⁸ *Перевезенцев С.В.* Указ соч. С. 188.

государственной. Более того, само государство выстраивалось и организовывалось очагами городских центров, совпадающих с центрами церковными»⁸⁹ – отмечает по этому поводу С.Д. Домников.

Институционально-политические основы монархической власти.

Фундаментальным принципом монархической идеи власти становится центральная фигура монарха, которая под воздействием религиозных, эсхатологических представлений и под влиянием предшествующей политической традиции, приобретает более метафизический, но, тем не менее, и более логический смысл. Идея Царской власти, весьма логично и последовательно разворачивается в *Святой Троице*⁹⁰ [*Бог* – сама Божья воля; *Сын* – принцип объективация божьей воли на земле, в человеческой сущности; и Святой дух, который локализуется (снисходит) в конкретных земных представителях]⁹¹.

Таким образом, получается, что в царской фигуре размещается Дух святой, а соединение конкретного властителя с последним (т.е. снятие антиномий, соединения Божьего и Тварного) происходит через церемониал «помазания на царство», которое носило духовный, символический и политический характер.

⁸⁹ Домников С.Д. Указ. соч. С. 259. Продолжая эту мысль, С.Д. Домников отмечает, что «на Руси город стягивает к себе силы верующих. Монастыри окружают города тесными кольцами. Образ города-монастыря, окружающего пространство власти аурой “умного делания”, – знаковый феномен русской духовной культуры. Образ такого города монастыря с наибольшей последовательностью отразился на градостроительной практике Москвы, на каждом из этапов развития которой освоение городского пространства окружалось кольцами монастырей» / Там же. С. 260.

⁹⁰ Стоит отметить, что по учению Сергея Радонежского Святая Троица приобретает *символ единства земли русской, символ единства земного и небесного, церкви и государства*. Причем икона «Святой Троицы» написанная Андреем Рублевым, как отмечает С. В. Перевезенцев, почиталась, да и почитается сегодня, не столько как произведение искусства, сколько как *воплощенный символ единения*. Неслучайно, самого С. Радонежского «рассматривали как воплотившийся в реальном человеке символ единства Руси», неслучайно и то, что он «*почитался как небесный покровитель и заступник московских государей. И недаром именно в Троице-Сергиевом монастыре крестили великокняжеских и царских детей*» / Перевезенцев С.В. Указ соч. С. 215.

⁹¹ В религиозно-политическом мышлении власть Бога, является абсолютным выражением идеи власти. Последняя представлена также в виде двух противоречивых направлений (см. выше): во-первых, Божья власть защищает людской мир, ею Он одаривает их свободой; во-вторых, проявляется в Его способности карать и наказывать, при несоблюдении установленных, т.е. выход за пределы веры и закона. Считалось, что во всех своих проявлениях власть *может быть только в деяниях Бога – Единосушной Троицы*. / См. об этом более подробно: Величко А.М. Указ. соч., с. 85 – 107

Соответственно в царе сосредоточивался святой дух, он же (царь) являлся и мериллом божественной сущности и божьей воли/истины в земном мире. В силу своих божественных дарований, он должен был, в свою очередь, «объективировать» свое предназначение, сродное монашеству, служению (И.Л. Солоневич) в управлении вверенного ему народа, т.е. превращал божественное не в пассивную (потенциальную), а в активную силу, *действующую в социальном бытии*. Затем, после своей объективации (в конкретной персоне), эта божественная сущность возвращалась к своей самости (Царь подчиняет себя высшей воли, служит ей), соединяясь с Божьей волей как с ее основой. Здесь следует остановиться на том, что хотя сам царь и являлся центром российской политической и духовной жизни, он в тоже время был и за её пределами, входил «единую систему» божьей власти, ибо «несть власти, аще не от Бога; сущая же власти от Бога учинены» (Рим. 13,1).

Причем наделенность властью, это обладание исключительным даром избрания Господом Богом, означает “великие и драгоценные обетования, дабы вы через них сделались причастниками Божеского естества...” (Второе послание Петра 1:4)». Власть, особенно после падения Константинополя, выступала как в роли носителя и распространителя святости, святителя Руси, так и в качестве охранителя чистоты веры, защитника от наступления конца света, т.е. по существу принимала на себя апостольские функции. В этом контексте «апостольство на Руси оказывается целиком вовлечено в русло государственной централизаторской политики... русские идеологи Града Божьего не только разделяли, но и выступали идеологами и проводниками оформляющейся имперской традицией»⁹².

На этих политико-религиозных основах устанавливается вся институциональная система и политическая практика властвования. Это объясняет, прежде всего, то, что в России было вообще бессмысленно «цареубийство», так как оно практически ничего бы не меняло в системе властвования. «Цареубийство – отмечает И.Л. Солоневич – было, прежде всего, политически бессмысленными,

⁹² Там же. С. 260.

ибо царская власть была только одним из слагаемых “системы учреждений”, и убийство одного из слагаемых политической и духовной системы ничего изменить не могло»⁹³.

Основными институтами государственной власти при данном политико-правовом устройстве выступают: монарх, боярская дума, земские соборы.

Институт царской власти осмысливается отечественным политическим мышлением с пяти позиций. *Во-первых*, институт царя – это символ политического единства, независимости страны и ее международного значения. *Во-вторых*, этот институт генетически связан еще с древним стремлением русского народа к «одиначеству» с властью. В новых условиях именно образ царя выразил идею тождества верховной воли с интересами населения – «в идеале народный лозунг “царь и народ” представляется воплощением того же архетипа Небесной общины, где царь выступает общепризнанным главой всеобщего родственного круга или даже единого народного тела: “Душой Божьи, а телом государевы”, или тела земли (того же народа) – “Нельзя земле без царя стоять”»⁹⁴.

В-третьих, не смотря на свою народность, царь – фигура антиномичная, он, кроме земного правителя и устроителя земной жизни, пребывает вне мира – во власти Бога, перед ним он выступает как олицетворение всего народа. «Как царь Бога знает, так и Бог царя и народ знает». С этим непосредственно связана и высочайшая ответственность царя перед Богом и перед народом – «народ согрешит – царь отмолит, царь согрешит – народ не умолит». *В-четвертых*, царский институт – это защита истинной православной веры, утерянной другими народами, он охранитель и блюститель ее. Без него все земное устройство обречено на гибель, на темные времена (отчетливо это проявилось в апокалипсических настроениях в период Смутного времени) – «Светиться одно солнце на небе, а царь русский на земле».

⁹³ Солоневич И.Л. Народная монархия. М. 1991. С. 48

⁹⁴ Домников С.Д. Указ. соч. С. 226.

И, наконец, *в-пятых*, в функции царя входит установление политической системы и осуществление высшего, верховного суда. В политическом плане он является высшим легитимным и легальным источником формирования системы управления и, в тоже время, центром этой системы. В компетенцию великого князя входят законодательные функции, право на формирование высших государственных органов и назначение государственных служащих, участие в выборе и низложении высшего представителя церкви (митрополита, патриарха и местных епископов), ведение великокняжеского суда (т.е. является высшей судебной инстанцией), а также оборонительные и внешнеполитические функции. Кроме того, царю принадлежит право инициативы светского и церковного законодательства, право на формирование и обсуждение законов.

Институт *боярской думы* является неотъемлемым элементом самодержавной власти московских государей. В рамках сложившихся традиционных представлений – «необходимость содействовать власти советом» – боярская дума институционализируется в новых условиях как вспомогательное учреждение при самодержавной власти, «которая через нее осуществляется в частных проявлениях государственной жизни»⁹⁵. Постепенно эта идея, о необходимости «держания совета с боярами», трансформируется «в мысль об ее обязательности. В итоге известная формула “государь указал, и бояре приговорили” стала неизбежным атрибутом подавляющего большинства исходящих от престола законодательных актов»⁹⁶. Развитие этого политического института в эпоху монархического устройства имело три стадии развития, обусловленные спецификой взаимоотношения этого института с верховной властью.

Первый этап (XIV – XIV вв.) связывают с началом возвышения московского царства, здесь деятельность боярской думы совпадает с деятельностью княжеской власти. Это совпадение увязывает воедино интересы и представления княжеской власти и бояр по поводу государственного строительства. Служилый люд и древние боярские фамилии, сосредоточившиеся в московском

⁹⁵ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 177.

⁹⁶ Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Указ. соч. С. 40.

княжестве, напрямую связывали свое могущество, возвышение фамилий, богатства и почести с возвышением князя и московского царства (единодержавия).

Второй этап (XVI в.), в рамках которого возникает кризис в отношениях между двумя этими институтами. В этот период институт боярской думы начал представлять угрозу для самодержавной власти, титулованное боярство рассматривало себя как собрание наследственных и привычных (законных) властителей русской земли, а на Москву смотрело «как на сборный пункт, откуда они по-прежнему будут править Русской землей, только не по частям и не в одиночку, как правили предки, а совместно и совокупно... в новом московском боярстве предания власти, шедшее из удельных веков, не прервалось, а только преобразилось»⁹⁷. Боярская дума, все больше ощущая себя аристократическим правительством, реально контролировала всю кадровую политику в государстве. Исходя из принципа местничества, считалось, что лишь наиболее родовитое боярство, собравшееся в Думе, способно выступить гарантом этого принципа. «Обволакивание престола Думой значительно сковывало самодержавца и, соответственно, являлось существенным препятствием на пути дальнейшего укрепления государственности»⁹⁸.

Кроме того, имелись факты злоупотребления властью, грабительской политики на местах, своеволия бояр в государственной политике. Все это в конечном итоге вело к ослаблению самодержавия, к установлению сословной организации власти. Особенно это проявилось после смерти царя Василия, когда его малолетний сын не мог еще управлять государством, и власть на долгое время попала в руки бояр, которые жаждали перестроить весь государственный порядок по своему усмотрению. Однако междоусобная борьба между родовитыми боярскими фамилиями (особенно Шуйскими и Бельскими) и грабительская политика на местах подточила политический авторитет последних. Новый царь (Иван IV), при поддержке народного мнения, стал бороться с притязания-

⁹⁷ *Ключевский В.О.* Указ. соч. Т. II. С. 135.

⁹⁸ *Андреев Д.А., Бордюгов Г.А.* Указ. соч. С. 41.

ми бояр на раздел власти, что, в свою очередь, вылилось в опричнину и земщину.

Третий этап (XVII в.) развития боярской думы связан с наступлением «ровных» отношений между ней и самодержавной властью, когда компетенция и полномочия каждого из институтов были четко разграничены, находясь также в некотором единстве, «т.е. нераздельность действий той и другой, без взаимных посягательств на верховное значение последней (власти царя – А.М.) и вспомогательную роль первой (боярской думы – А.М.): государь без думы и дума без государя были одинаково явлениями ненормальными». Если первые этапы развития боярская дума осмыслялась как учреждение органичное самодержавной власти, пользующейся теми же правами, поэтому «права думы не были определены законом, а держались, как факт бытовой, на обычном праве» (М.Ф. Владимирский-Буданов), то на последнем этапе, наоборот, происходит нормативное закрепление полномочий думы, складываются даже процессуальные нормы ее функционирования.

Земские соборы как элемент, учреждение верховной власти институционализировались на двух основах. Прежде всего, с политической точки зрения, появление этого института верховной власти связывают с деятельностью Ивана IV (Грозного), который стремился ограничить претензии бояр на власть. Для укрепления престола и самодержавного политического уклада требовалась новая социальная опора. Если до этого власть великого князя опиралась на боярскую знать, то после земских реформ основной силой, поддерживающей царскую власть, становится сила народного мнения. Не случайно многие исследователи связывают становление самой монархической власти, основанной на народном правосознании, именно с политикой Ивана IV, так как до сей поры московское политико-правовое устройство в большей степени напоминало не самодержавие, а скорее ограниченную, сословно представительную монархию, тяготеющую к олигархическо-феодальным отношениям.

В практическом плане появление Земских соборов и земских учреждений было призвано уничтожить древнюю систему кормлений, замена наместниче-

ского управления земским, которое существенно ограничивало административные и судебные права боярской знати, расширяя вместе с тем полномочия «земских» и «губных» старост, избираемых непосредственно самим народом⁹⁹. Тем самым, вопреки прежней традиции внимания боярским советам, царь теперь демонстрировано отстранялся от бояр и слушал только «глас всей Русской Земли», хотя, впрочем, «знать и принимала участие в работе Собора, ее представительство уравнивалось присутствием двух других сил: духовенства и народа»¹⁰⁰.

С другой стороны, Земские соборы, как отмечают исследователи, генетически связаны с предшествующими институтами публичной власти и в какой-то мере заменяли княжеские советы, народные собрания (вече) и вместе с боярской думой унаследовали их политическую роль и значение. Тем самым земские соборы – это «орган, пришедший на смену вечу, восприняв традиции участия общественных групп в решении правительственных вопросов»¹⁰¹. Тем не менее, хотя Земские соборы и находились в идейной связи с вечем, но фактически «по своему составу вече и соборы – явления противоположные. В исторической последовательности соборы Московского государства находятся в тесном соотношении с боярской думой в ее распространенном составе»¹⁰².

Земские с соборы также имеют три этапа развития. *Первый этап* (XIV в.) развития связан с тем, что Земские соборы служат для укрепления самодержавной власти Ивана IV, для фактического воплощения древних представлений о неразрывной связи царя со святой Матерью-землей. «Во всяком случае, – пишет М.Ф. Владимирский-Буданов, – собрание на площади (1550 г., при котором Иван IV «созвал людей избранных на совет» – *А.М.*) указывает на тесную связь первых соборов с вечевой формой»¹⁰³. На эти собрания сзывались представители от духовенства, бояр, дворян и других служивых.

⁹⁹ См. об этом: *Лантева Л.Е.* Земские учреждения в России. М., 1993. С. 22.

¹⁰⁰ *Андреев Д.А., Бордюгов Г.А.* Указ. соч. С. 43 – 44.

¹⁰¹ История Государственного управления в России. С. 88.

¹⁰² *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. соч. С. 188.

¹⁰³ Там же. С. 189.

Второй этап (XVII в.) связывают, как правило, с окончанием Смуты, с «возрождением» российской государственности и самодержавного политического уклада. На этом этапе весьма существенно возрастает роль Земских соборов, они участвуют почти во всех важнейших государственных актах, на него созываются необходимые для решения того или иного общезначимого вопроса представители духовенства, различных сословий и территорий (даже из Сибири). Этот собор, как отмечал М.Ф. Владимирский-Буданов, в полном праве может быть назван – «великим» и общеземским в полном смысле этого слова.

Третий этап (к. XVII в.) развития Земских соборов связывают с упадком и прекращением созыва последних. По мнению многих исследователей это связано, прежде всего, с тем, что самодержавие к этому периоду полностью окрепло, были налажены основные механизмы государственного управления, создан общеземский кодекс, основанный на православном правосознании (Соборное уложение 1649 г.). Таким образом, Земские соборы представляли собой институт представительный, он являлся органом власти, дополняющим власть царя и боярской думы, «он есть орган власти общеземский, включающий в себя и царя и думу; эти *три части собора* – *существенные и органические*, отсутствие одной из них делает собор не неполным, а невозможным»¹⁰⁴. С точки зрения Л.В. Черепнина, Земский собор – это совещание представителей «всей русской земли», посвященное наиболее важным и актуальным вопросам государственного строительства¹⁰⁵.

Эволюция царской власти в имперскую. Стремление царской власти к политической, правовой и духовной консолидации русских земель, усилению самой государственной власти, столкнувшись с прежними патриархально-вотчинническими порядками, породило две совершенно чуждые тенденции¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Там же. С. 193.

¹⁰⁵ Черепнин Л.В. Земские сборы Русского государства в XVI – XVII вв. М., 1978. С. 67 – 68.

¹⁰⁶ По этому поводу В.О. Ключевский замечает, что «в Иване III, его старшем сыне и внуке начинают бороться вотчинник и государь, самовластный хозяин (определенной территории – *авт.*) и носитель верховной власти. Это колебание между двумя началами или порядками обнаруживалось в решении важнейших вопросов, поставленных самым этим собиранием (русских земель – *А.М.*), – о порядке преемства власти, об ее объеме и форме. Ход политиче-

Первая была связана с институционализацией централизованной абсолютической власти монарха, опирающейся на систему учреждений и народное мнение, *вторая* на удельно-сословную систему, основанную на местничестве. Первая основывалась на той идее, что «Царь всея Руси», управляет территорией единой державно, не перед кем не несет ответственность кроме Бога, а в таинстве его *служения* Богу и народу раскрывается смысл божественной воли и пути народного спасения. Вторая базировалась на том, что московский государь с помощью родовитых фамилий – «всеземского правительственного класса» (В.О. Ключевский), предки которых некогда владели всею русской землей, управляет последней.

Институциональными основами первой были учреждения и органы центральной (государственной) власти, которые осуществляли переход «от управления посредством лиц к управлению посредством учреждений» и в этом смысле последнее носило по своей сути «более технический, точнее бюрократический характер, чем политический»¹⁰⁷. Вторая опиралась на вотчинническую, удельную систему, которая представляла сложный союз земель, каждая из которых находилась под властью определенного удельного князя, родовитого по происхождению, но, объединялась под властью московского государя.

Первая была направлена на формирование единого политико-правового пространства на всей русской территории, например, издание общего государственного свода законов (Судебник 1497 г.). Вторая опиралась на прежние политические традиции и обычное право, когда: с одной стороны, политическое управление основывалось на местных специфических интересах, задачах и особенностях конкретной земли; а с другой – «судили и рядили по старым местным обычаям и законам, сохраняли свои удельные полки». В этом смысле к интересным выводам приходит В.О. Ключевский, отмечая, что «власть московского государя становилась не на место удельных властей, а над ними, и *новый*

ской жизни объединенной Великороссии более чем на столетие испорчен был этим колебанием, приведшим государство к глубоким потрясениям, а династию к гибели» / *Ключевский В.О.* Указ. соч. Т. II. С. 121.

¹⁰⁷ *Ключевский В.О.* Указ. соч. Т. II. С. 317 – 318.

*государственный порядок ложился поверх действующего прежде, не разрушая его, а только образуя новый, высший ряд учреждений и отношений (курсив мой – А.М.)»*¹⁰⁸.

По мнению Ю.Г. Алексеева, именно первая тенденция стала доминирующей, ибо сложившаяся в XV веке централизованная государственная власть со своими разветвленными органами и учреждениями, имела объективные предпосылки, связанные не только с объединением русских земель и становлением государства российского, последнее только усилило их развитие, но еще и с тем, что центральные исполнительные органы (приказы) имели свой источник еще в удельном правлении, они зародились уже в княжеской системе управления из временных поручений, даваемых боярам властные функции на определенной территорией. В дальнейшем созданные Иваном III первые «приказы», постепенно эволюционировали в петровские «коллеги», а затем в министерства (XIX – XX вв.).

Однако московское государство породило и новый элемент, получивший свое развитие в романовскую эпоху, – бюрократию. Становление новых государственных опор, после Смутного времени, – это, прежде всего, сценарий не сословной, а политической концентрации власти. Планомерное создание, начиная с правления Алексея Михайловича, бюрократической системы управления страной, привело к подчинению всех социальных групп, слоев, классов не столько воли монарха, сколько идее могущества и независимости самого государства. Постепенно кристаллизовалась идея «светского Российского государства, объединявшего русский народ только государственными крепями и не ставящего перед собой задачи достижения духовных целей»¹⁰⁹. В.В. Зеньковский, например, отмечает, что ядром романовского правления является не

¹⁰⁸ Там же. 133 – 134. «Даже высшие местные управления, – замечает В.О. Ключевский, – в Твери, Ростове, Нижнем Новгороде и пр. не упразднялись, а только переносились в Москву и здесь продолжали действовать особняком, не сливаясь с центральными московскими учреждениями» / Там же.

¹⁰⁹ *Перевезенцев С.В.* Указ. соч. С. 292.

столько идея вселенской религиозной мессии (хранения чистоты Православия), как это было раньше, сколько сам идеал Великой России.

В этом контексте происходят существенные изменения и в духовно-религиозной сфере. Так, под влиянием внутренних и внешних политических воздействий, России стало необходимо пересмотреть свои позиции по отношению к другим государствам и, соответственно, к своей религиозной политике, которая до этого основывалась на самодостаточности и изоляции, где и Запад, со своим католицизмом, и Восток, с присущим ему мусульманством, иудаизмом (жидовствующая ересь, как ее называл И. Волоцкий) давят со всех сторон на последний оплот истиной христианской веры.

Однако превращение Русского государства в крупнейшую мировую политическую державу не позволяло ему находиться в изоляции от ведущих стран мира. Кроме того, присоединение Украины и Белоруссии, других областей, находящихся долгое время под польским владычеством, существенно повлияло и на изменение социально-политической и духовно-культурной жизни России. Поэтому главной проблемой становится решение вопроса о чистоте Православной веры. Здесь предлагалось несколько путей решения этого вопроса: *один путь* – превращение русского государства во «Вселенское православное царство» с соответствующим пересмотром церковных догматов; *другой* – соблюдение ортодоксального православного учения традиционно существовавшего столетия с соответствующей унификацией духовной жизни славянских народов, включаемых в московское государство или находящихся под его политическим и социально-экономическим воздействием. Именно на этой почве и разгорелся социально-политический и религиозный конфликт, повлиявший как на понимание самой государственной власти, так и на ее институционально-властную конфигурацию.

Три основных партии предлагали свои пути решения данного конфликта. Так, «грекофилы» (Е. Чудовский, А. Холмогорский, митрополит Иоанникий и др.) предложили ориентироваться на догмы греческого православия, почитаемые во всем православном мире как вселенские. Это религиозно-политическое

направление, «по сути дела, разрывало с той традицией, которая считала Россию “Третьим Римом”, ибо сама идея “Третьего Рима” изолировала Россию от других православных стран... именно “грекофильство” стало идейным обоснованием проведения церковной реформы». Другое направление – «латинство» (С. Полоцки, С. Медведев и др.) предлагало совершенно новый ход событий для традиционного российского государства, а именно ориентацию на западно-европейский опыт, с привнесением в национальную жизнь светской культуры образования и рациональных методов познания. Сторонники этого направления были уверены, что «традиционная русская духовная жизнь, замкнувшаяся в узких национальных рамках, уже исчерпала себя в решении не только богословских, но и важнейших мировоззренческих вопросов. Поэтому требовался новый, рационально-критический взгляд на Священное Писание,... на судьбу самого государства»¹¹⁰.

В период царствования Алексея Михайловича начали преобладать оба эти направления, с одной стороны, осуществлялся курс на продолжение традиций московской монархии, но с использованием идей «грекофилов», а с другой, вводились существенные новшества, привнесенные и обоснованные «латинством». Так, например, в Россию начали стекаться по приглашению монарха иностранные ученые и служащие. Большое внимание стало уделяться светской культуре и образованию. В православных обрядах так же были внесены существенные изменения: приводились в единый порядок все богослужебные книги в соответствии с «древними славянским и греческим образцами»; сокращались литургии, покаяния, миропомазания, тексты некоторых других молитв; двуперстное крестное сложение заменилось троеперстием и т.д. Все эти реформы поддерживал самодержавный Царь и патриарх Никон.

Другое движение – «старообрядство» настаивало на «сохранении традиционной картины мира, основанной на вере в сакральный характер царской власти. По мнению многих исследователей, следствием церковного раскола стало изменение самого характера государственной власти; сакральный и рели-

¹¹⁰ *Перевезенцев С.В.* Указ. соч. С. 268

гиозно-политический контекст Московской Руси утрачивает былую силу, государственная власть все больше принимает светский, имперский характер ¹¹¹. Так, например, современный политолог А. Дугин представляет сами церковные реформы как отход от московских религиозно-политических традиций, как процесс десакрализации государственной власти и дискредитирования духовно-нравственных основ русской старины ¹¹².

С точки зрения Л. Тихомирова, церковный раскол *нарушил сам монархический принцип власти*, последняя с начала петровских реформ приобретает уже более светско-европейский характер, превращая русское государство в империю с абсолютной властью монарха и подчинением ей всех остальных (власть Земли, Церкви). Того же мнения придерживается и А.С. Хомяков, отмечая, что самодержавие коренным образом отличается от абсолютизма. Вся суть петровских реформ в области государственного устройства сводится по А.С. Хомякову к подмене самодержавного принципа, исторически присущего русскому народу, принципом абсолютистским, имперским, римско-германского пошиба, чуждым народному политическому сознанию ¹¹³. Одним словом, начало имперской эпохи развития российской государственности ознаменовало переход от монархической системы государственной власти к имперскому, абсолютистской политической организации.

¹¹¹ «Факт истории состоит в том, — замечает по этому поводу Л. Тихомиров, — что без церковной смуты такая ломка (подчинение религиозной и нравственной жизни государству — А.М.) была бы невозможна даже и для Петра. В данную же минуту она стала возможна, во-первых, психологически, т.к. понимание Церкви подорвалось и у самого Петра; и у него, как у множества других, стал вопрос где Церковь? Ломка стала возможна, во-вторых, и материально, ибо разделившийся в верованиях народ, растерявшийся в понятиях, не мог защитить энергично управление Церкви, понятие о которой было в нем столь потрясено. Для самой же верховной власти ломка церкви создала страшную опасность: Эволюцию в абсолютизм» / Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 276.

¹¹² См. Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004. С. 233 – 235.

¹¹³ «В границах всенародных понятий царь полновластен; но его полновластие (единовластие) — самодержавие — ничего общего не имеет с абсолютизмом западно-кесарского пошиба. Царь есть «отрицание абсолютизма» именно потому, что он связан пределами народного понимания и мировоззрения, которое служит той рамой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной. Например, народ верил (и верит доселе), что Царь, когда это ему кажется нужным, думает о великом государевом земском деле вместе с Землею» / Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М., 2000. С. 127.

Институты государственной власти имперской России. Изменения в системе государственной власти, подготовленные предшествующими периодами, в полной мере воплотились в политической модернизации Петра I, как справедливо замечает К.Д. Кавелин, «можно доказать, что все его преобразования, не исключая ни одного, были постепенно подготовлены предшествующим временем и развитием», отличие в том, что они были решены резко, круто, быстро¹¹⁴.

Верховная власть здесь осмысливается как власть существующая во имя и для интересов государства. Сама политическая идея императорской власти основывалась большей частью на политических традициях западноевропейских, выводящих сущность власти из воли божественной и народного согласия (договора). Например, Ф. Прокопович в произведении «Правда воли монаршей» обосновывал именно модель западной неограниченной монархии, где, *с одной стороны*, государь несет ответственность «токмо богу», а *с другой* – сама неограниченность власти проистекает из народного согласия (договора), по которому народ отказывается от своих прав и свобод, наделяя безграничной властью монарха, признавая за ним вершителя своих судеб (теоретические истоки этой идеи можно найти уже у Ю. Крижанича и А. Курбского).

В этом смысле легитимирующей основой государственной власти становится не божественная воля, а благо народа и государства: «Ты владеешь нами к общей пользе нашей» – отмечает Ф. Прокопович. И именно эта идея – величия и могущества государства российского, где все и каждый должен служить

¹¹⁴ Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М., 1989. С 164. Причем, по мнению В.Г. Федотовой петровские реформы имели особую форму модернизации – «вестернизацию», для которой характерно переход от сакральных, традиционных структур общества к современному, путем прямого переноса институтов, структур, технологий и образа жизни западноевропейского общества. / Федотова В.Г. Модернизация “другой” Европы. М., 1997. Дело Петра и его личность вызывали и вызывают до сих пор ожесточенные споры, по утверждению Н.А. Бердяева, ни традиционалисты ни прогрессисты так и не смогли понять глубину и необходимость петровских реформ: «В оценки реформы Петра ошибочны были и славянофильская и западническая точка зрения. Славянофилы не поняли неизбежность реформы Петра для самой миссии России в мире, не хотели признать, что лишь в петровскую эпоху стали возможны в России мысль и слово... Западники не поняли своеобразия России, не хотели признать болезненности реформы Петра, не видели особенности России». И те и другие в конечном итоге были недовольны петровским наследием / Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 37.

«верую и правдой, не жалея живота своего» от простого крестьянина до монарха, становится опорой для всего последующего политического развития имперской государственной власти¹¹⁵.

Причем имперская власть получает четкое, светское законодательное закрепление в артикулах Петра I: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах отчет дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли...». Согласно основным законам Император издавал верховные акты управления и нормативные указы и повеления, как в форме Высочайших указов (повелений), так и в форме словесного волеизъявления.

Существовало, как правило, *две основные политические практики* взаимодействия института верховной власти с другими институтами государственной власти, определяющих отечественную модель властных отношений. *Первая*, связана не с разделением властей, а, наоборот, с единением (единством) властей, где законодательная, исполнительная и судебная власть объединены общей верховной властью, которая направляет деятельность последних для достижения общих, национальных целей и интересов. В благоприятные моменты развития государства верховная власть как бы отстраняется от деятельности трех властей, не влияет на их функционирование, наоборот – полностью полагается на них, однако, при возникновении конфликта между последними или в экстраординарную (чрезвычайную, кризисную) минуту политической жизнедеятельности общества, верховная власть реализуется непосредственно, а ее волеизъявления становятся общеобязательными и неограниченными.

С одной стороны, отмечает русский государствовед Н.А. Захаров, институт имперской власти выполняет функции Верховного объединения, единства государственной власти, а, с другой, – осуществляют функцию «непосредственного волеизъявления, установленную в общих своих чертах в основных законах и неограниченную в этой сфере применения», могущую проявить себя в кризисные, чрезвычайные моменты. Верховная власть, по глубокому убежде-

¹¹⁵ См. об этом: *Кавелин К.Д.* Указ. соч. С. 165.

нию Н.А. Захарова, должна активно действовать «именно в тот момент, когда остальные три власти входят между собой в конфликт, или, как высшая власть, устанавливающая начало и конец других властей»¹¹⁶.

Другой теоретик В. Соловьев пишет, что верховная власть призвана обеспечить единство «общественного тела», где три различные ветви власти, правильно разделенные и дифференцированные, должны быть *сведены к высшему единству* посредством их одинакового подчинения единой верховной власти, которая лишь одна может выступить гарантом достижения общественных целей и идеалов¹¹⁷.

Вторая практика взаимодействия институтов государственной власти органично связана с первой, это система «замещающих» друг друга властей. Так, «в старой Московии, например, боярская дума замещала князя в его отсутствие, причем, действуя вместо князя, она действовала как князь и осуществляла всевозможные акты, которые в обычном порядке осуществлялись князем... Сенат был учрежден Петром Великим для вершения всех государственных дел в отсутствии монарха»¹¹⁸.

По мнению В.Н. Синюкова, под действием петровской политической модернизации системы государственной власти и европоцентристских тенденций «произошел социальный переворот, оказавший сложнейшее влияние на будущее русской государственности и права. В их природе наряду с сохранившимися как элемент правосознания исконными земско-соборными чертами стала формироваться новая ветвь в организации власти и права, характерная для западного административно-полицейского государства»¹¹⁹.

¹¹⁶ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 305 – 306. Критикую западную теорию разделения властей Н.А. Захаров отмечает, что «при чрезвычайно сложной и развитой современной государственной жизни, при массе самых разнообразных стремлений и интересов нельзя не видеть необходимости существования власти нейтральной, уравновешивающей, стоящей выше всех отдельных интересов и столкновений» (Там же. С. 307).

¹¹⁷ См. об этом: Яценко А.С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. СПб., 1999.

¹¹⁸ Алексеев Н.Н. Идея государства. СПб., 2001. С. 289.

¹¹⁹ Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 115.

В этом плане немаловажным и неотъемлемым институтом государственной власти становится *верховный тайный совет*, который, однако, был не самостоятельным, а вспомогательным учреждением при верховной власти. Отсюда, отмечает М.Ф. Владимирский-Буданов, и особая сфера деятельности и компетенции этого института: «сфера его деятельности простирается на все вопросы, которыми может непосредственно ведать сама верховная власть... Но это не два органа, рядом стоящих, а один совет не имеет никакой собственной власти; он действует только от имени государя... Верховный тайный совет может издавать законы (под санкцией государя), но государь может издавать указ и без совета». Однако в 1730 г. тайный совет по указу императрицы Анны перестал существовать, но взамен его был учрежден *кабинет*, который практически дублировал функции и значения тайного совета. «Потто идет непрерывный ряд подобных же высших учреждений под другими именованиями: *конференция министров* (при Елизавете), *совет при высочайшем дворе* (при Екатерине II), *непрерывного совета* (при Александре I)»¹²⁰.

Одной из главных сил, мешавшей Петру осуществить свой проект политической модернизации, связанный с формированием мощного и эффективного абсолютического государства, было боярство, поэтому он «просто ликвидировал его как сословие, уравнив в 1714 г. указом о единонаследии поместье с вотчиной»¹²¹. Кроме того, в 1711 г., взамен боярской думы, Петр I учреждает *Сенат*, который становится постоянно действующим учреждением при монархе (после принятия Петром I императорского титула Сенат вообще лишается права издавать от своего имени общегосударственные законы, становится институтом при имперской власти) в компетенцию которого входит: контроль за правосудием, управление расходами и сборами налогов, управление торговыми и промышленными делами в государстве и другие функции.

М.Ф. Владимирский-Буданов выделяет семь основных этапов развития сената в имперской России. *Первый этап* (1711 – 1718 гг.) связан с огромными

¹²⁰ Владимирский-Буданов М.Ф. С. 258 – 259.

¹²¹ Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Указ. соч. С. 61.

полномочиями сената, который полностью замещал государя во время его отсутствия. Он выполнял все функции исполнительной власти.

Второй (1718 – 1721 гг.) связан с учреждением коллегий, здесь все административные функции сената отходят к коллегиям, «для объединения административных мер было установлено общее собрание президентов коллегий и на него перенесено название сената; этот новый сенат является не постоянно действующим учреждением, а временным собранием президентов, которые составляют в случае, если кто-то из них не может решить дел в коллегии».

Третий период (1722 г.), в котором сенат должен был получить свой собственный состав, независимый от коллегий, т.к. по мнению самого Петра I «президенты коллегий и так обременены своими прямыми обязанностями и к тому же не могут надзирать сами над собой». Сенат перестает быть непосредственным административным органом, а осуществляет надзорные функции за коллегиями. При сенате вводится должность генерал-прокурора, в компетенцию которого входит наблюдение и контроль за деятельностью сената, в его правах было нанесение вето на всякое решение данного института, а также слежение за четким исполнением принятых решений сената.

В четвертый период (при императрице Анны) сенат получает большее политическое значение, он охватывает практически все ветви управления и подразделяется на пять департаментов, действующих едино (сохраняя общую цельность), т.е. основные вопросы решались сенатом на общем собрании.

Пятый период (Елизаветинский сенат) – к этому периоду сенат достигает своего наивысшего развития во всей его истории. Он приобретает значение высшего политического учреждения, в компетенцию которого входит управление и надзор за всеми сферами государственной деятельности.

Шестой период (Екатерининский сенат) связан с резким уменьшением политического значения этого института. Последний становится центральным административным учреждением, он разделяется на шесть относительно автономных и самостоятельных департаментов. В зависимости от своей компетен-

ции дела каждым департаментом решаются единогласно, в случаях, когда существует разногласие, это решение переносится в общее собрание сената.

*В седьмой период (Александровский сенат) все функции сената передаются министерствам, за ним остаются функции лишь высшей судебной инстанции. Таким образом, как отмечает М.Ф. Владимирский-Буданов, «под именем сената разумеются совершенно различные учреждения, последовательно сменявшие одно другое. Но утвердившееся, наконец, за ним значение высшей судебной инстанции сообщило ему огромное значение в государстве»*¹²².

Коллегиальное и иерархическое начала бюрократического государственного управления изменяют как систему территориального представительства различных классов и социальных групп – систему земского управления, так и приводит к фактическому растворению различных сословий в административном аппарате («Табель о рангах»), подчиняя последних общему благу и интересам государства, представляемой как автономная абстрактная сущность – совокупность всех частных граждан в широком смысле, и в узком как весь механизм законной власти¹²³.

Вместо прежних царских приказов Петром устанавливаются государственные коллегии, им организовывается 12 коллегий (военная, морская, комерц-коллегия, мануфактур-коллегия и т.п.). В последних устанавливался принцип коллегиального обсуждения государственных дел и принятия решений, этот принцип, по мысли Петра, «возбуждает уважение к власти, содействует постоянству направления и предохраняет от быстрых перемен»¹²⁴. Коллегиальная сис-

¹²² Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 256. 261.

¹²³ Хархордин О. Что такое государство? Европейский контекст / Понятие государства в четырех языках / Под ред. О. Хархордина. СПб., М., 2002. С. 187. «Апелляция к идее общего блага, – отмечает О. Хархордин, – была необходима для того, чтобы управлять поведением людей и контролировать их действия более тщательно и эффективно, чем это было возможно... поэтому русским царям пришлось вколачивать идею общего блага в головы своих подданных с помощью всех подручных самодержавцу средств. / Там же С. 194. Другой современный историк отмечает, что с целью создания простора для свободного действия и снятия противоречий между различными противоборствующими силами, Петр пытается институционально ограничить в первую очередь боярское сословие. Он «увидел конкурента дворянству... в самом государстве, вернее в аппарате государственной власти» / Перевезенцев С.В. Указ. соч. С. 293.

¹²⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 263.

тема отличалась от приказной: во-первых, большим единством и согласованностью действий, а, во-вторых, более строгим распределением обязанностей между центральными ведомствами. Каждая коллегия располагала административными и судебными правами в отведенной им области управления, коллегиям подчинялись губернская, провинциальная и уездная администрация, что устанавливало единообразное централизованное и эффективное управление. Начиная с Екатерины II начинается постепенная реорганизация коллегий, а в 1802 году Александром I екатерининский план реализовался в создание министерств. Этот план воплощал два момента: во-первых, был направлен на обеспечение более эффективной «солидарности министерств» при решении государственных дел, во-вторых, создавал предпосылки для ответственности министерств перед сенатом, представляя последнему отчеты и объяснения, как по требованию, так и ежегодно.

Петровские реформы, направленные на создание мощного и эффективного национального государства, были направлены на превращение России в великую Православную империю, способствовали консолидации различных социальных сил, «это объединение заключалось в абсолютном подчинении государству и лично царю всех сословий Российской державы. Даже внутри дворянства постепенно были ликвидированы прежние внутрисословные перегородки, и оно постепенно превратилось в единое сословие, подчиненное воле государя и нуждам государства»¹²⁵.

Кроме того, имперская политика Петра провозглашала принцип веротерпимости, который становился, по утверждению А.И. Герцена, основой его империи, т.к. империя возвышается «над всеми культурно-политическими односторонностями» (В.С. Соловьев). Именно поэтому веротерпимость и возвышение государства над церковью способствовали модернизации (европеизации) и построению наднациональной империи. Само церковное управление стало частью государственного аппарата, с появлением сената многие вопросы церковной организации и управления стали решаться именно этим институтом, а с уч-

¹²⁵ *Перевезенцев С.В.* Указ. соч. С. 293.

реждением коллегий была установлена наравне с другими и духовная коллегия, переименованная затем в *Святой синод*.

В компетенцию Святого синода входило управление не только православной церковной системой, но ему подчинялись и иноверческие церкви (лютеранская – во всех отношениях и католическая) и отчасти нехристианские исповедания. Сам Святой синод был разделен на два департамента: собственно сам синод, состоящий из духовных лиц церковной иерархии и коллегии экономии, состоящей исключительно из светских лиц. Управлялся последний обер-прокурором, который был «оком государевым» в духовных делах (наподобие как генерал-прокурор при сенате – «око государево» в светских делах). Достоинством прошлого стали пышные и продолжительные церковные обряды и ритуалы, освящающие как саму государственную власть, так и ее политические действия. Ушли из обихода практики публичного моления царя, так «обращения царя к Богу перестали быть публичными мотивами православного государя за свой православный народ. Царь прекратил исполнять один из важнейших для России политических ритуалов, свидетельствующий о заступничестве государя перед Богом за народ и государство, данное ему Господом. Даже подчинив Церковь государству, Петр, по сути дела, отказался от сакральной, священной функции русской государевой власти»¹²⁶.

Сохранение могущества и независимости государства связывалось, как в московский период, так и в имперский, прежде всего, с сильной государственной властью. Однако политическая институционализация этой модели происходила *по-разному*, если в Московском государстве верховная власть институционально оформлялась в тесном взаимодействии с религиозной, церковной системой, являясь друг для друга духовной и организационной опорой, то имперский период характеризуется преобладанием светской власти и рационального политического мирозерцания. Церковные учреждения становятся частью, элементом огромного государственного аппарата, не имеют больше столь действенных и практи-

¹²⁶ *Перевезенцев С.В.* Указ. соч. С. 297.

ческих инструментов влияния на верховную власть, не способны ограничивать имперскую власть и направлять развитие государственной политики.

В этом смысле власть императора не имеет никогда действующих религиозных и традиционных ограничений, теряет органичную связь с землей (земским, соборным мнением), разорванную огромным бюрократическим аппаратом¹²⁷. Сама идея сильного и эффективного государства «уже изначально была не совместима с самодержавием, обреченным на “растворение” в административном аппарате империи»¹²⁸. Император при такой институциональной системе государственной власти становится верховным чиновником, неограниченным в своих компетенциях, а государственная политика формируется не с опорой на земство и соборность, ее приоритеты *полностью зависят от расклада сил внутри бюрократического (дворцового) аппарата*.

В конечном итоге, построение государственной системы власти по западным образцам и рецепция институтов западного права положили «начало глубокой дихотомии государства и общества, личности и правопорядка, правовой системы и правовой культуры. Привнесение на русскую почву западного раскола государства и личности *сообщило сложные коллизии последующему развитию русского правового сознания и всей русской политической культуры (курсив мой – А.М.)*»¹²⁹.

Разрушение имперской системы власти, самого самодержавия и становление *советской институциональной системы* государственной власти связывают с разными причинами. Так, Н.А. Бердяев отмечал, что преобладание социализма в русской теории и практике было следствием разрыва «между высшими руководящими слоями русского общества и народными массами, в которых сохранились старые религиозные верования и упования»¹³⁰.

¹²⁷ «Бюрократический аппарат как бы отделял царя от подданных, создавал достаточно большую свободу действий и одновременно являлся проводником царской политики. Иначе говоря именно благодаря новой бюрократии царь получал практически неограниченные полномочия, становился поистине абсолютным монархом» / *Перевезенцев С.В.* Указ. соч. С. 295.

¹²⁸ *Андреев Д.А., Бордюгов Г.А.* Указ. соч. С. 64.

¹²⁹ *Синюков В.Н.* Указ. соч. С. 117.

¹³⁰ *Бердяев Н.А.* Указ. соч. С. 15.

Причем «в России революция либеральная, буржуазная, требующая правового строя, была утопией, не соответствующей русским традициям и господствующим в России революционным идеям. В России революция могла быть только социалистической. Либеральное движение было связано с Государственной думой и кадетской партией. Но оно не имело опоры в народных массах и лишено было вдохновляющей идеи»¹³¹. По мнению Н.Н. Алексеева, социалистическая революция стала ответом на «внутреннюю болезнь в общественном организме», которая поразила как идейный склад общества (начиная с петровских реформы), так и институциональную систему монархической власти (связь царя и земли, крепостничество, раскол между ведущим слоем и народом)¹³².

Сходны оценки и у современных ученых. Так, профессор С.В. Перевезенцев связывает это становление с кризисом традиционной русской православной духовности, ее соперничества со светским мирозерцанием¹³³. В.Н. Синюков утверждает, что формирование советского строя было исторической закономерностью для России, ответом на либерально-демократические реформы социума, именно в социализме Россия «смогла сохраниться, выжить и, в конечном счете, возобладать тенденция к национальной идентичности»¹³⁴. Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов связывают становление советской системы с *переконфигурацией политического пространства власти*, со становлением *нового носителя власти и новой управленческой элиты*, ибо последняя многовековая управленческая традиция и носители власти себя социально дискредитировали¹³⁵.

С точки зрения западных ученых К. Манхейма, Э. Юнгера, Х.. Ортега-и-Гассета, Г. Маркузе и др., социализм является общемировой тенденцией конца

¹³¹ Там же. С. 214.

¹³² См. *Алексеев Н.Н.* На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности) / Русский народ и государство. М., 2000.

¹³³ *Перевезенцев С.В.* Указ. соч. С. 313.

¹³⁴ *Синюков В.Н.* Указ. соч. С. 132. «Социализм, – продолжает ученый, сам по себе наиболее близкий принципам русского национального уклада жизни и русской ментальности в силу исторически сложившихся обстоятельств, связанных с последствиями революции Перта Великого, не мог не выступать во внешнеабберративной – западнической форме либерал- и социал-демократизма» / Там же. С. 133.

¹³⁵ *Андреев Д.А., Бордюгов Г.А.* Указ. соч. С. 106 – 107.

XIX начала XX века, связанной с институциональным кризисом бюрократической системы управления, с противоречием общества и государства, частного и классового, с «выходом масс на сцену истории», с «полным захватом массами общественной власти» и т.п.¹³⁶. Акцент в институциональном устройстве государственной власти смещается от принципа элитарности и избранности в сторону широкого доступа масс к управлению посредством демократических институтов и учреждений.

Социализм, в конечном итоге, при практическом воплощении представил собой, по удачному определению И.А. Исаева, «сочетание стремления масс к свободе, окрашенное страхом принимать самостоятельные решения и самоуправляться», что привело, не только в России (но например, в Германии, Италии) к тому, что «массы ищут вождя или иную персонификацию, которая должна сделать это за них». Таким образом, «социализм вторгся в сферу политики, когда решил, что он сам сможет решить проблему самоуправления масс, их социальной самоорганизации (его предельным опытом должно стать “отмирание” государства и замена его самоуправлением демократии)»¹³⁷.

Подводя итоги, следует отметить, что появление на политической карте нового государства – советской России, было закономерным ответом на кризисные явления в политическом сознании граждан, в институциональной системе государственной власти и практике ее осуществления (при дуалистической монархии и особенно после февральской революции, когда установилось, по сути, двоевластие). Очевидно, что каждая политическая организация проходит суровые испытания на эффективность и в силу этого обстоятельства существует мало пригодных институтов. Таковыми непригодными к новым социальным условиям, как видится, оказались и старая система имперской власти и вновь установившаяся, но не поддерживаемая и не понимаемая народными массами, – либерально-демократическая политическая система.

¹³⁶ См.: Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994; Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2002; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2003; Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб., 2000.

¹³⁷ Исаев И.А. *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти. М., 2003. С. 505 – 506.

Безусловно, советская политическая система по внешней форме представляла собой прогрессистский вектор развития: разрыв с традиционно-православными верованиями, перестройка институциональной системы властвования, обострение классовых и, соответственно, социально-политических противоречий, ориентация на поступательное достижения лучшей политической организации общества (достижение справедливости и равенства в социальной и политической жизнедеятельности).

В тоже время по своему содержанию коммунистический политической строй базировался на духовно-нравственных и ментальных характеристиках русского народа, институциональное построение системы власти и властных отношений опиралось на традиционные начала. Властно-политическое взаимодействие граждан и государства носило, по сути, не столько формально-нормативный, сколько моральный характер, а само государство и его представители одухотворялись, мифологизировались и сакрализировались¹³⁸. Основными факторами в политическом развитии остались традиционные для отечественной политической культуры идеи: поиск царства правды, могущество государства и мессианская идея – «идея России всегда обосновывалась пророчеством о будущем, а не тем, что есть, – да и не может быть иным мессианское сознание»¹³⁹. Советский политический проект, с нашей точки зрения, был попыткой на государственном уровне совместить две отличные тенденции: рус-

¹³⁸ Например, в народном сознании традиционные политико-правовые категории такие как «гроза», «правда» «справедливость» прочно вошли и в советский публичный дискурс. Так, «метафора грозы наиболее прочно вошла в фольклорную версию сталинского змеборческого мифа: “А с его гроз я велик возрос!” или “Народ – как туча грозовая, а Ленин да Сталин – две молнии”» / *Щербинина Н.Г.* Герой и антигерой в политике М., 2002. С. 72. В символических образах серпа и молота воплотились также и народные представления о страшном суде: «Огненный серп / Скоро вас пожнет, / А молот в преисподнюю заколотит!» Примечательно и то, что центральные советские издания назывались: «Правда», «Молот», «Молния» и т.п. Сама должность главы партии, – отмечает Л.А. Андреева, – стала сакральной, объединив жреческо-идеологические и властные земные функции. В России опять возродилась наместническая власть. Коммунистический вождь должен был восприниматься как “наместник нового Христа”- Ленина» / *Андреева Л.А.* Указ. соч. С. 244. Даже старые религиозно-властные институты старые тюрьмы, Суздальские и Соловецкие монастыри, «куда отправляли еретиков, превратились в изоляторы для еретиков социалистических», выполняли те же, привычные функции / *Безансон А.* Советское настоящее и русское прошлое. М., 1998. С. 65.

¹³⁹ *Бердяев Н.А.* Указ. соч. С. 47.

ский традиционализм и западный прогрессизм, социал-утопизм. В условиях кризиса, как отмечает И.Н. Ионов, произошло *смещение* (конвергенция) консервативных и либеральных политических стратегий развития¹⁴⁰.

Институциональная система государственной власти Советского государства основывалась на ряде принципов.

Во-первых, это традиционный принцип «народности». Общность, коллектив становятся базовой единицей советского общества, распространенной и обыденной организации жизни советских людей, каждая социальная группа должна была преследовать кроме индивидуальных, общие интересы, как они определялись всем советским обществом. Весь политический организм выстраивался на первоначальных организованных ячейках граждан – советов (деревенских, городских, фабрично-заводских). Именно они провозглашались фундаментом всей советской системы, основными первичными элементами советской политической системы.

Подобная политическая система, как справедливо отмечает Н.Н. Алексеев, «в принципе своем преодолевает индивидуализм и атомизм европейской демократии... Советская система за отправную точку свою и берет не отвлеченного голосующего индивида, а известную социально экономическую единицу – деревню, волость, фабрику – с ее первичным государственным органом – советом депутатов»¹⁴¹. Таким образом, заключает исследователь, подобный способ организации политической власти и соответствующий ей косвенный принцип избирательного права, который предполагает многостепенное формирование центральных органов государственной власти, гораздо совершеннее непосредственной демократии и куда ближе для русской политической культуры.

Причем система организации государственной власти, принятая в Советской России, была во многом синонимична земскому управлению, при этой системе «депутаты выбираются не политическими партиями (отвлеченными от

¹⁴⁰ Ионов И.Н. Построение образа российской цивилизации в свете психологии мышления и социологии знания // *Общественные науки и современность*. 2003. № 6. С. 111.

¹⁴¹ Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 350 – 351.

народа и «зашоринными» своими корпоративными интересами – А.М.), а теми территориально административными государственными органами, иерархический порядок которых образует скелет советского государства»¹⁴².

Во-вторых, утверждался «опосредованный демократический» принцип – народ управляется не сам, а через наиболее лучших, полномочных представителей, т.е. тот или иной социальный коллективы имеют право (отраженное во всех конституциях СССР) посылать от себя непосредственно депутатов на различные съезды Советов. Кроме того, этот принцип формировал и саму управленческую элиту, свой бюрократический аппарат – номенклатуру, где каждый номенклатурщик имеет свой в иерархической структуре отведенный ему участок властвования. Причем одним из основополагающих принципов развития бюрократии стала заложенная еще В. Лениным партийная норма, согласно которой в вопросах, допускающих отсрочку, центральные органы обращаются к съезду всей партии, в случаях, не допускающих отсрочки, центральные органы по единогласному решению поступают самостоятельно.

В-третьих, это принцип сильной государственной власти, которая находится в руках одной партии. Коммунистическая партия становится руководящей и направляющей силой развития советского общества, ядром его политической системы, политическая сфера и государственная сфера становятся полностью тождественной, но кроме того политическим становится все общество. Именно большевики полностью воплотили петровскую идею, «превратили “государство” в часть повседневной жизни каждого гражданина России и сделали значение этого слова очевидным для всех... государство как автономная машина власти начало вторгаться в жизнь большинства советских людей – и стало казаться для многих реальностью, отличающейся как от личностей его руководителей, так и от людей»¹⁴³.

В-четвертых, советское государство реализовывало традиционный идеал русской политической культуры – «справедливость». Как отмечал Б.А. Кистя-

¹⁴² Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности). С. 353.

¹⁴³ Хархордин О. Указ. соч. С. 189.

ковский, социалистический строй провозглашал быстрый переход «к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства». Поэтому, «законные права личности, охрана личной свободы правом с призрением отвергалось как формальные и ограниченные, как совершенно незначительные по сравнению с грядущим царством социалистического братства... существующие законы применялись только в случае когда они не противоречили “революционному правосознанию”, специфическому представлению о справедливости, “правде”»¹⁴⁴.

В-пятых, в институциональной системе советской государственной власти действовал принцип, сформированный еще в Московском царстве, – «замещения властей», когда каждый нижестоящий орган вполне мог замещать в периоды между сессиями каждый вышестоящий орган. Например, высший орган государственной власти – Верховный совет – замещал Президиум верховного совета, а Центральная Комиссия замещают Съезды Советов, президиумы и Советы народных депутатов. Получается, что в реальной политической практике «вопреки, например, основным законам, советская Конституция десятки раз изменялась не Съездом Советов, а постановлениями других органов, уже не говоря о том, что важнейшие законы издавались иногда некомпетентными властями», т.е. нижестоящий орган может заступать вышестоящий во всех вопросах¹⁴⁵.

В начале 90-х гг. российское общество стало на путь модернизации своей экономической и политической систем. Модернизация включает освоение образца правового государства, получившего международное признание. Резкий политический переход от советской к демократической организации политической системы был вызван глубоким кризисом советской экономической системы и, как следствие, неспособность Советского государства осуществлять свою социальную функцию.

¹⁴⁴ Яковлев А.М. Российская государственность (историко-социологический аспект) // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 80 – 81.

¹⁴⁵ Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности). С. 341.

Кроме того, непосредственной причиной распада СССР был этнонационализм – движение сепаратистского характера. Идентификация групп населения с этнической нацией как своей судьбой происходила под влиянием лишений индивидуального начала и социально неравного распределения отягощающих последствий экономического кризиса. Инициатором отделения был не народ, а местная этнополитическая элита, поддерживаемая частью националистической интеллигенции. Они мобилизовали субнации тактикой поляризации межнациональных отношений и трансформировали социальное недовольство в межнациональное недоверие центральной (союзной) политической власти.

Модернизация российской государственности была подготовлена либерально-демократическим движением 80 – начала 90-х гг. И с учетом международного опыта получила институциональное воплощение в принятии Конституции РФ в 1993 г. Она представляет собой институционально-политическую и экономическую основы правового государства России и существенно отличается от советского образца. Сущность демократической политической организации заключается в обеспечении полновластия народа посредством защиты государством индивидуальных прав и гражданских свобод граждан. За короткий период политической модернизации понимание характера политических свобод в экономическом, демократическом и социальном смыслах является высшей конституционной ценностью. В России стали возможными демократические по процедуре выборы в местные и центральные органы власти.

Модернизация Российского государства включает переход от формального федерализма к реальному. Стержнем советского федерализма были монополия партбюрократии на власть и командно-административная система управления. Устранение этого стержня привело к определению реальных прав субъектов Федерации. Далее Конституция РФ нормативно закрепила конкурентную многопартийность, строгую формализацию поведения политических партий, их взаимодействия. Произошла отмена цензуры и

информационных привилегий, что привело к плюрализации общественного мнения и активности СМИ.

В тоже время процесс политической модернизации российской системы государственной власти, по справедливому замечанию многих аналитиков, является незавершенным и отмечен противоречивыми тенденциями. Переходный период – крупномасштабный социальный переворот. “Его суть в том, что в нашей стране на встречах курсах протекают два процесса – демонтаж традиционных государственных институтов, привычек и стереотипов в реализации властных функций, с одной стороны, и наращивание совершенно новых, нетрадиционных институциональных структур, а также правил и норм политического поведения – с другой”¹⁴⁶.

К негативным тенденциям в сфере гарантий экономических прав и политических свобод относится распространенность параллельных и замещающих практик в отношениях хозяйственного оборота, имеющих противоправный характер. По данным С.А. Пашина, мотивами граждан, использующих эти практики, являются: желание избежать уплаты налогов, уйти от огласки, застраховать себя на случай возможной конфискации имущества. Коррупция чиновников способствует созданию и распространению внеправовых, теневых и замещающих, внеправовых практик. По мнению Ю.А. Агафонова, «нерешенность проблемы легализации влияния групповых интересов увеличивает коррупцию бюрократии и противоправные действия групп давления»¹⁴⁷. Отсутствует устойчивая демократическая политическая традиция компромиссного решения противоречий между различными ветвями и органами власти, что приводит к политическим кризисам.

В заключение данной части работы сформулируем основные выводы:

- *во-первых*, национальный политический опыт объективируется в различных государственно-правовых институтах и структурах, политических моделях властных отношений, которые поддерживают и воспроизводят политическую

¹⁴⁶ Становление новой российской государственности: реальность и перспективы. М., 1996. С. 17.

¹⁴⁷ Агафонов Ю.А. Социальный порядок в России. М., 2004. С.171.

упорядоченность российского общества на различных этапах социокультурной трансформации. При этом государственная власть выступает цивилизационным феноменом, которому характерны устойчивые социокультурные элементы и воспроизводящийся стиль властно-политической организации и взаимодействия;

- *во-вторых*, формирование российской государственности, а также социокультурная эволюция публичной власти было воплощением определённых исторических закономерностей, проявлявших себя в деятельности ряда предшествующих государственных образований (хазар, гуннов, монголов и т.п.). Исторические тенденции, территориально-географическая специфика во многом обуславливали не только становление государственности и политической системы, но и существенным образом повлияли на специфику взаимоотношения – человека и государства, государственной власти и отдельных территорий и т.д.;

- *в-третьих*, история развития государственно-территориального, институционально-властного и социально-политической трансформации развития российской государственности – есть единое движение по созданию целостного политического пространства на евразийском континенте, это развитие идёт «от меньших единиц к более крупным» (М.Ф. Владимирский-Буданов). Причём другой политической стратегии развития у отечественной системы государственной власти существовать не может, любое деление территорий на малые единицы с их политической и юридической автономностью неизбежным образом ведёт к краху отечественной государственности, к дестабилизации евразийского геополитического пространства;

- *в-четвёртых*, реконструкция социально-политических трендов развития институтов государственной власти должна основываться на том, что: с одной стороны, тот или иной период как относительно самостоятельный и целостный этап развития государственной власти, в рамках которого исследуются: аксиологические и гносеологические проблемы (как воспринималась и познавалась государственная власть в конкретную эпоху, на какую ценностно-нормативную структуру она опиралась при обосновании политического порядка и легитима-

ции своей властной активности – идейно-концептуальная практика); морфологические проблемы (институциональная и функциональная конфигурация системы государственной власти – практика государственного строительства, совершенствования и оптимизации институционально-функциональной структуры), социально-практические проблемы (как осуществлялась государственная власть, посредством каких техник и способов, а также национальная специфика властно-политического взаимодействия государства и общества – властно-управленческая практика). С другой стороны, следует учитывать: во-первых, целостность российской властно-политической эволюции, несмотря на все неожиданные повороты в исторической судьбе отечественного государства; во-вторых, геополитическую обусловленность трансформации государственной власти, на становление и развитие которой влияли как «феномен общеевразийского развития» (А. Фурсов), так и прямое или косвенное воздействие западноевропейских политических ценностей и властно-управленческих практик.

- в-пятых, российская государственная власть это особый, целостный и устойчивый политический и социокультурный феномен, требующий адекватной как теоретико-методологической основы исследования, так и стратегии институциональной трансформации. При этом отказ от национальной политической традиции и социокультурных доминант ведёт не к новому, более совершенному и оптимальному развитию российского общества, а к более рискогенной и нестабильной политической реальности.

ГЛАВА 3. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИДЕЙНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ДЕФОРМАЦИИ

В современном политическом процессе происходят значительные трансформации, связанные как с изменением демократических принципов, практик демократического волеизъявления и публичного взаимодействия, так и с деформацией самой идейно-концептуальной основы демократии. В этом плане симптоматична книга «Постдемократия» известного английского политолога Колина Крауча. В своем нашумевшем исследовании он обосновывает, что современные формы демократии и принципы организации демократической политической системы подвергаются существенной трансформации. Общий характер этих изменений сводится к тому, что публично-властное пространство постепенно закрывается от массового влияния и участия, а сфера государственного управления значительно «элитототализируется», т.е. основные рычаги воздействия, механизмы перераспределения общественных благ, возможности влияния на принятие общественно значимых управленческих решений постепенно концентрируются вокруг определенной группы политико-экономической элиты.

В то же время он отмечает, что, конечно, «постдемократические общества и дальше будут сохранять все черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, свободные публичные дебаты, права человека, определенную прозрачность в деятельности государства». Однако «энергия и жизненная сила политики вернется туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, - к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров и стремящихся получить от них привилегии»¹⁴⁸.

¹⁴⁸ Крауч. К. Постдемократия. М., 2010. С. 9.

При этом английский исследователь, подчеркивая, что публичная политика и правительство, осуществляющее текущее управление всеми процессами общественной жизнедеятельности, все чаще и все больше оказываются под контролем привилегированных элит, тем не менее, не связывает эти процессы с ослаблением социально-политической активности личности, создаваемых ею институтов гражданского общества. Так, например, он отмечает, что «винить в болезнях демократии средства массовой информации и рост влияния политтехнологов - значит не замечать куда более глубоких процессов, которые разворачиваются на наших глазах»¹⁴⁹.

К. Крауч полагает, что современная публичная политика имеет дело с «запутавшейся общественностью», а действующие формы взаимодействия общества и государственной власти формируют пассивную позицию населения в выработке собственной политической повестки дня, что, по его мнению, в известной степени ведет к выходу «за рамки идеи народовластия» и формированию корпоративно-элитарной политики с преобладанием интересов властно-экономической элиты. Поэтому «чем больше государство уходит от обеспечения жизни простых людей, порождая у них апатичное отношение к политике, тем проще корпоративным интересам более или менее незаметно использовать его в качестве своей дойной коровы. Неспособность признать это служит отражением глубокой наивности неолиберальной мысли»¹⁵⁰.

В этом аспекте автор призывает к пересмотру идейно-концептуальных основ организации демократического политического процесса и государственного управления, к формированию относительно новых и более эффективных форм и методов взаимодействия общества и государства, которые учитывали бы как социокультурные среды реализации демократических принципов и процедур, так и глобальные тенденции развития.

Думается, в этом плане будет вполне уместным поставить вопрос о том, что такое демократия и как это понятие (идейно-концептуальный принцип)

¹⁴⁹ Крауч. К. Постдемократия. С. 21.

¹⁵⁰ Там же. С. 35.

влияет на организацию современного политического процесса в России. Ответ на него равнозначен пониманию того, что есть настоящие политико-правовые и социально-духовные процессы, современность, которую мы переживаем в целом.

С нашей точки зрения, в настоящее время о демократии нельзя говорить как о конкретном понятии, поскольку сегодня оно стало предельно размытым и концептуально варьирующимся политическим феноменом, чье содержание меняется в зависимости от политико-идеологических и узкокорпоративных интересов. В то же время в качестве политической практики «демократия» характеризуется сегодня «плавающими» рамками и требованиями, что особенно проявляется при сравнительно-правовом анализе различных государственно-правовых пространств современности, в развитии современного международного порядка. Итак, именно слово «демократия», перешагнув уровень уникальной цивилизационной модели государства, стало составляющей нового квазирелигиозного вероучения, претендующего на мировое доминирование.

Справедливости ради следует признать, что претензии на мировое господство этой новой «мессианской» доктрины вполне оправданны, т.к. действующая система демократических догматов, символов и ценностей позиционирует себя как универсальная, сглаживающая религиозные, социокультурные и институционально-правовые различия. Причем демократическая парадигма мышления «ставит себя» *над* традиционными формами и механизмами общественного единства и организации, представляя новый уровень, контекст существования государственно-правовых пространств ¹⁵¹. Вместе с тем альтернатив-

¹⁵¹ Например, известный исследователь У. Альтерматт заключает, что процессы глобальной демократизации открыли простор для новых форм социального единства, основанного на идеях равенства и свободы. В этом новом свободном мире-единстве «национально-государственное мышление и действия должны быть денационализированы». Автор убеждает, что в современном глобализирующемся мире формируется новая нормативно-институциональная форма общественной организации, освобожденная от традиционных национально-культурных пут – глобального гражданского общества. Именно формальный (т.е. основанный на формальной триаде равенства, свободы и справедливости) и глобальный характер гражданского общества представляет единственно возможный вариант обеспечения демократизма, стабильности и свободы в изменяющемся мире. При этом «современные демократические государства, – замечает автор, – могут существовать лишь в том случае, если

ной доктрины, имеющей социально-духовные, институциональные, материальные и иные ресурсные основания, на сегодняшний день нет! В современном научном и обыденном сознании нет альтернативы демократическому образу мысли. «Демократия» выступает в настоящее время в качестве матрицы познания и интерпретации действующих социальных, политических, правовых и иных событий и процессов, представляет единственно верную (по крайней мере серьезно не оспариваемую) нормативно-ценностную систему.

Общеизвестно, что стереотипы, символы, образы и установки (преимущественно организующие наше мышление и понимание происходящего) играют существенную, а порой и решающую роль в эволюции политической практики, развитии научного дискурса, политической идеологии и проч. Неслучаен поэтому и дефицит современных исследований, критически анализирующих существующие «авторитетные» установки и образы, категории и понятия теории государственной власти. Сегодня под видом государствоведческих исследований в основном выходят статьи и монографии, посвященные проблемам правового государства, его построения, реализации и т.п. Вряд ли теория государственной власти сводится исключительно к толкованию, комментированию и интерпретации одного уникального (с цивилизационной точки зрения) проекта политической организации.

Причем чем больше выходит научных публикаций, посвященных данному вопросу, тем более расплывчатым становится вопрос о сущностном различии таких категорий, как «демократия», «государство», «правовое государство», «государственная власть», «права человека» и проч. При дефинитивном анализе содержание данных категорий выводится практически одно из другого, читателю неизвестность определяется через неизвестность, государство определяется через систему демократического правления, права и свободы, право-

они освобождают политическое гражданство от культурной и этнической идентичности». Объективные тенденции, по его мнению, требуют, чтобы гражданство стало исключительно абстрактно политическим феноменом, лишенным какого-либо культурного или этнонационального содержания: «Гомогенность национального государства должна основываться на политических, а не на этнокультурных факторах» / См.: *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000.

вое государство в целом (другой модели государства, видимо, не существует) или наоборот и т.д.

Другой пример описания сути государственной власти сводится к форме ее правовой организации, проблематике первичности и вторичности субъектов публичной власти либо правовым способам ее реализации. Существо государственной власти в этом свете совпадает с правовым инструментарием, который обеспечивает демократизм, реализацию прав и свобод. При этом механизмы публичных органов власти (т.е. институтов государственной, региональной и муниципальной власти) весьма часто совпадают с самим правовым регулированием («власть есть специальный вид права» – Ф.Ф. Кокошкин), а государственная власть вообще понимается как средство для достижения, реализации, прежде всего, правовых целей.

В этой связи мы имеем, как это ни странно, весьма существенный разрыв, а порой и противоречие между концептуальным полем понятия «власть» (сформированным целым корпусом гуманитарных наук) и теориями государственной власти (построенными, по мнению С.А. Котляревского, на «искусственной стилизации»).

В последнее время в понятие «государственная власть» более или менее удачно вкладывают систему признаков демократического политического режима, т.е. сводя первую к одной из форм ее реализации. При этом блестяще доказывается, что в тоталитаризме и авторитаризме власти как таковой не существует (поскольку государственная власть основана на юридических формах и свободе), а функционирует принуждение, насилие, которые не имеют общего «с существом государственной власти, учрежденной демократически и реализуемой в публично-правовых формах».

Существует определенная сдержанность, а нередко и исследовательская боязнь в социокультурном, ментальном, этнополитическом и антропологическом анализе государственных феноменов, реконструкции тенденций и закономерностей цивилизационного развития политических, правовых, экономиче-

ских, духовных институтов и структур¹⁵². За позитивистскими (легалистская трактовка политических процессов) или метафизическими (естественно-правовая, коммуникативная, постмодернистская и прочие интерпретации политической реальности) рассуждениями скрывается игнорирование, сознательное абстрагирование от действующих национально-культурных факторов и доминант¹⁵³.

Согласимся с Е.А. Лукашевой, утверждающей, что хотя российская цивилизация - относительно молодое социокультурное образование, и ее цивилизационные модели, институты и структуры еще находятся в стадии развития, формирования, однако «у нее сформировались свои принципы социального устройства, взаимодействия людей, отношения человека к власти». Поэтому российскую цивилизацию и ее социокультурные феномены – политико-правовые, социально-экономические, духовно-нравственные – необходимо исследовать, – настаивает член-корреспондент РАН, – как *«самобытное социокультурное образование, в основе которого лежат свои принципы и устои»*. Они, как и у других цивилизаций, не остаются неизменными на различных этапах исторического развития, а трансформируются, преобразуются в соответствии с новыми процессами национального и мирового развития. Некоторые отмирают по мере неизбежного движения общества по пути прогресса, возможно появление новых устоев и стержневых опор, но они *включаются в общую систему соционормативной цивилизационной системы*, взаимодействуют со всеми

¹⁵² Слишком уж схожи исторические параллели и аналогии, тенденции в развитии властно-правовой деятельности, которые зачастую высвечивают непопулярные, но устойчивые типы и формы национальной мыследеятельности, преемственно воспроизводящиеся модели публично-властного взаимодействия в системе личность – общество – государство.

¹⁵³ Хотя в то же время каждый из исследователей предполагает (или, по крайней мере, догадывается), что любая абстракция (позитивистского и метафизического характера) всегда наполняется специфическим, конкретно-историческим, социокультурным и проч. содержанием, интерпретируется и понимается в контексте определенного общества, свойственного ему стилю мышления и т.п. Отсюда традиционно велика значимость сравнительных исследований, которые можно сравнить со значимостью теории сопротивления материалов в естественно-научной картине мира, поскольку именно познание специфических национально-культурных закономерностей, трендов и доминант развития государства, отдельных форм деятельности и взаимодействия, различных институтов и структур позволяет отразить сопротивляемость, готовность национального материала (политического бытия) к тем или иным новациям, рецепциям, заимствованиям.

компонентами и создают особый сплав, сохраняющий своеобразие системы. Любая цивилизация обладает устойчивыми компонентами, скрепляющими характер общественного взаимодействия, *определяющими ее “стиль”*»¹⁵⁴.

Сегодня можно констатировать, что апеллирование к социокультурным основам политического процесса, к пониманию динамики государственной власти, в частности, при обосновании той или иной научной гипотезы, вызывает (как это ни странно) негативную реакцию со стороны научного сообщества. Подобные исследования маркируются как научная деятельность, сбившаяся с «магистрального пути» развития современного гуманитарного дискурса. Например, о действующих институтах власти (Президента РФ, Федерального собрания, правительства, судов) не пишет только ленивый. Однако описание данных институтов ограничивается формально-нормативистской трактовкой, редко анализом причин адекватности их функционирования нормативной модели, закрепленной на конституционно-правовом уровне. Рассмотрение публичных институтов власти в качестве национально-культурных феноменов, трансформаций и преемственности в их функционировании, возникающих дисфункций и аномических эффектов при национальной адаптации абстрактных ценностно-нормативных и институциональных моделей – не популярно. Не говоря уже о формировании соответствующего теоретико-методологического и социолого-методического обоснования подобных исследовательских проектов.

Таким образом, все мы увлечены перспективами демократии и правового государства, не понимая четко (или понимая каждый по-своему), что это такое. Скорее всего, *здесь важно не содержание этих крайне актуальных «понятий», а вера в них*. Впрочем, то, что демократия основана на рациональной вере в нее, мысль не новая. О том, что демократические формы не в состоянии достичь взятых на себя «обязательств» (прямое правление народа, учет общественных интересов и потребностей в парламентаризме, обеспечение наиболее полной свободы и социальной справедливости и т.д.), что демократия представляет со-

¹⁵⁴ Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. М., 2011. С. 309, 311.

бой рационализированную веру в недостижимые идеалы индивидуальной свободы, за которую ей прощают все (А. де Токвиль), или что она есть великая ложь современности (К.П. Победоносцев), или массовая политическая иллюзия (Ж. Эллюль), или новая форма деспотизма (Ж. де Местр, Э. Берк), или безликая и анонимная форма дисциплинирования и муштры социального и индивидуального тела и души (М. Фуко), писалось достаточно много. Однако сегодня эта традиция критического анализа демократических форм политической организации, рассмотрения их достоинств и недостатков, проектирования и моделирования современных, смешанных типов и форм государства постепенно сходит со страниц научных изданий, публичных лекций, политического лексикона и проч.

Причем мировой демократический транзит возобновляет, правда в новых формах и формулах, средневековую риторику: об истинности знания («демократическая истина» становится новой формой политического деспотизма – все, что выходит за пределы демократической модели западного образца, объявляется неразумным, иррациональным); о праведности государственного устройства (институционально-нормативном оформлении «рая» на Земле); сакральности определенных символов, образов, трактуемых как изначальные, общечеловеческие; о неизменном установленном порядке правового устройства, «ранга» источников права; о священности гуманитарных интервенций и проч. К слову, именно средневековый западноевропейский пафос мессианства и универсализма породил целый ряд современных явлений и феноменов. Например, понятия «священная война», «джихад», формы военных и гуманитарных интервенций, логика обоснования которых преемственно воспроизводится в современной глобальной демократизации. По справедливому заключению В.Д. Соловья, «на самом деле мы наблюдаем классический пример регрессии к формам социального господства, которые казались исторически изжитыми»¹⁵⁵.

Современная доктрина демократии и концепция прав человека отправили в хранилище истории и традиционные формы толерантности и культурного

¹⁵⁵ Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008. С. 451.

плюрализма. Так, толерантность и этнокультурные различия в государственном развитии стали не только не востребуемыми в глобальном демократическом дискурсе, но и в целом замещаются «институциональной нетерпимостью» (к иным, недемократическим – традиционным формам государственного строительства) и культурной неприязнью к тем цивилизационным пространствам, которые «идут не по столбовой дороге современности» (К.Райз)¹⁵⁶. Принцип плюрализма культурных форм и идентичностей, а также процессы «национализации» публично-правовых институтов очевиднейшим образом противоречат современным основополагающим признакам демократии (равенства прав, приоритета суверенности личности, свободы и т.п.), поскольку национальное, этническое, локальное и групповое становятся приоритетней по отношению к индивиду, блокируют формирование схожих индивидуальностей (или «гомогенных субъективностей» – М. Фуко), препятствуют формированию глобального гражданского общества.

Более того, в ряде исследований доказывается, что универсалистские ценности, сформированные в эпоху Просвещения, являются сегодня единст-

¹⁵⁶ После окончания холодной войны «слабые государства», или, как еще он их называет, государства-«неудачники», превратились в важнейшую проблему международного порядка. По отношению к этим государствам «неудачникам» понятие «суверенитет» по утверждению Ф. Фукуямы, «становится фикцией или скверной шуткой», поскольку слабые институциональные структуры управления и демократическая некомпетентность этих государств подрывают их суверенность. «Это происходит потому, что проблемы, которые слабые государства создают для себя и других, увеличивают вероятность того, что еще какая-нибудь из стран международной системы захочет вмешаться во внутренние дела этих слабых государств против их желания». При этом доказывается, что легитимность государства и внутригосударственных институтов и структур, проводимой ими политики не может автоматически гарантироваться без признания высшей силы (наднациональных интересов). Следуя этой логике, Фукуяма обосновывает, что с 90-х годов, достаточно отчетливо проявляются процессы институционализации международной имперской власти, которая распространяет свои «постколониальные» интересы на всю «слаборазвитую» часть мира. Главной проблемой в этом ракурсе для всего мирового сообщества, и прежде всего США и Европы, становится формирование действенных механизмов постколониального управления слаборазвитыми и недемократичными пространствами, включение их в систему взаимодействия развитых стран в качестве подконтрольных территорий. И в этом плане становится «не совсем ясно, существует ли альтернатива квазиперманентным и квазиколониальным отношениям между “васальной” страной, получающей помощь, и международным сообществом. В некотором смысле, – заключает Фукуяма, международное сообщество восстанавливает прежнюю мандатную систему Лиги Наций того периода, когда определенные колониальные власти получали привилегии управлять некоей территорией в своих интересах» / Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2007.

венным способом обеспечения устойчивого развития общества и цивилизации. При этом само собой разумеющимся и не подлежащим критике считается, что понимание сущности, содержания и социального значения этих ценностей имеет одинаковое прочтение во всех юридико-политических континуумах. На этих «исследовательских фикциях» обосновывается, что только данные ценности способны обеспечить единство общественного развития, стабильность международного порядка, заместив конфликтогенные и, по своей сути, иррациональные общественные нормативно-ценностные скрепы, такие как традиции, обычаи, религия, этнос, нация и т.п., которые в современном мире не обеспечивают сплоченность и социальное доверие.

Отсюда, например, и стремление связать такой феномен, как правовой нигилизм, с западной формой политического и правового мышления, что обосновывается, как верно отмечает И.Д. Неважжай, «подспудным социокультурным несоответствием между требованиями, предъявляемыми актуальной правовой культурой, и архетипическими в своей основе представлениями о праве и правовом. Из этого противостояния вытекает общее негативное отношение к чуждому правопониманию и чуждой модели права в культуре»¹⁵⁷.

С точки зрения М. Фуко, которого Дж. Коэн и Э. Арато называют великим критиком демократии и гражданского общества после Маркса¹⁵⁸, практика правления, сформированная в демократических сообществах, изначально направлена не просто на то, чтобы гарантировать некие предварительно признанные, данные априорно свободы, но на то, чтобы потреблять свободу и, следовательно, ее производить, а также организовывать¹⁵⁹. Причем это такая политическая организация, при которой можно быть свободным, однако эта свобода «означает, что *il mondo va da se* вырисовывается игра интересов, которая мобилизует стратегии безопасности, предназначенные для отражения внутренних

¹⁵⁷ Неважжай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 2. С. 27.

¹⁵⁸ Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003.

¹⁵⁹ С точки зрения М. Фуко, действующий демократический дискурс в научном мышлении и политической практике обосновывает и реализует новую универсальную форму властного господства – биополитическую.

опасностей, связанных с производством свободы. Отсюда – закрепление тех или иных форм принуждения, контроля, механизмов надзора, которые вырабатываются в дисциплинарных техниках, тотально инвестирующих поведение индивидов»¹⁶⁰.

Становление демократической установки политического мышления начинается с эпохи Просвещения. В различных политических и правовых учениях и доктринах под воздействием секуляризации и натурфилософских представлений о развитии социальной организации формируется либеральный тип политической рациональности, постулирующий универсализм политико-правовых принципов и аксиом. Развивающиеся различные типы, модели, формы политической организации и идеологии, отношения к власти, ее трактовке, политике, государственному устройству и проч. – естественно-правовой, позитивистский, формационный, в различных логико-методологических схемах продолжают и поддерживают этот универсализм.

С этого момента политические формы (либеральной демократии), нормативно-правовые процедуры кодирования общественных/властных отношений (например, избирательные процедуры), фундаментальные экономические механизмы (рыночной экономики), которые некогда были чистыми западноевропейскими феноменами, начинают интерпретироваться в качестве универсальных, трактуются как изначальные аксиомы человеческого развития. Основной программой политических учений становится объяснение и оправдание универсальных человеческих законов, связанных с прогрессом правового государства и гражданского общества. То же можно смело отнести и к развитию социалистических и анархических учений XIX века, представляющих универсальные программы социальной организации. При этом Просвещение отодвинуло духовно-нравственную проблематику общественной организации и социального единства от правотворческого процесса и государст-

¹⁶⁰ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975 – 1976 учебном году. СПб., 2005. С. 274.

венного строительства. Общественное структурирование и нормирование перестало быть гармоничным и целостным, поскольку переформатировалось исключительно на формальные рамки и абстрактные нормы, предельно юридизировав и политизировав социальное взаимодействие.

Для доминирующего стиля демократического политического мышления главным становится не внутреннее содержание жизнедеятельности человека и общества, а его формальная структурированность и господство идеократических факторов (идей формального равенства, свободы, справедливости и проч. Здесь «форма правления и парламентское устройство представляют значительно больший интерес, чем общественное, религиозное или моральное состояние общества». Здесь «чужд какой-либо органический взгляд на политическую природу вещей; не ощущая их генезиса и качественной самобытности, он уверен (либерально-демократический стиль мышления – *А.М.*) во взаимозаменяемости и рациональной конструктивности многих политических институтов и структур, в его представлении они не “вырастают” (исторически – *А.М.*), но создаются (формально, искусственно – *А.М.*)»¹⁶¹ – отмечает по этому поводу И.А. Исаев.

С другой стороны, Просвещение формирует установку на квазирелигиозную веру в абсолют человеческого разума, его способности и возможности рационального конструирования гармонического единства, счастья, вечного порядка и т.п. Так, в традиционной мировоззренческой системе человек воспринимался как «антиномичный субъект», сочетающий греховную природу и стремление к истине и добру (при этом основная проблематика сводилась к свободному выбору индивидуальной воли между добром и злом). Поэтому его совершенство рассматривалось как в плоскости духовного, так и внешнего – формально-нормативного. В рамках демократической дихотомии проявляется другой ряд демаркации – рационального и иррационального, а внутреннее, духовно-нравственное

¹⁶¹ *Исаев И.А.* Господство: очерки политической философии. М., 2008. С. 183.

содержание «отодвигается» за пределы публичной организации и социального взаимодействия.

Неолиберализм и неосоциализм¹⁶², развивающие сегодня демократический способ мышления, источники «социального зла» переносят с внутреннего мира человека на внешнюю организацию (форму правления, государственное устройство, отдельные политические и культурные институты). Резюмируя многие неолиберальные и неосоциалистические публикации, можно с уверенностью говорить, что на деле последние «исповедуют» один стиль политического мышления, разница лишь в проектах будущего структурирования общества и мирового порядка.

В этом контексте становится очевидным и то, что современный демократический стиль мышления исходит из рискогенной и нестабильной социальной среды, которая стабилизируется не гармоничным взаимодействием духовно-нравственных, идеократических и иных ценностно-нормативных систем, а формально-организованным и абстрактным началом во властно-правовом взаимодействии. В этом аспекте очевидна и логична актуализация проблематики риска и нестабильности в развитии современных демократических систем, поиска адекватной формально-нормативной и институционально-управленческой (бюрократической) «прививки» в постоянно меняющемся мире. Отсюда вполне понятны современные «футурологические догматы мышления», развиваемые в социологических и политологических исследованиях, в контексте которых утверждается, что общественные системы и политические режимы должны «научиться жить» без каких-либо устойчивых ориентиров, культурных доминант и ценностей, национальных идентичностей, долгоживущих факторов порядка, общепризнанных авторитетов и проч.

Новая реальность – это *постоянный реальный и виртуальный кризис*, действующая система актуальных или латентных рисков. Это своего рода «глобальный дискурс гуманитарного мышления», захватывающий все сферы

¹⁶² О схожести демократических представлений, их важности и значимости для будущего проекта социальной организации в неосоциалистических и неолибералистских доктринах см.: Хардт М., Негри А. Множество: Война и демократия в эпоху империи. М., 2006.

знания, определяя направления их развития ¹⁶³. Нестабильность – новая доминанта общественной организации, а рискогенность – новое направление в модернизации политических технологий управления, совершенствования госаппарата, политического и правового порядка и т.п.

В современной нестабильной и рискогенной социальной среде, которую воспроизводит демократический стиль политического мышления, такие понятия, как “демократия”, “гражданское общество”, “государство благосостояния”, по утверждению М. Фуко, неприменимы к характеристике современной действительности и в настоящее время являются идеологическими клише, публичными (фасадными) моделями, расходящимися с реальной практикой властно-правовых отношений в обществе. Причем эти публичные модели рассматриваются Фуко как продукт современных технологий власти, которые поддерживают структуру современного господства как внутри конкретного государства, так и на международной арене (например, делегитимация того или иного режима международным сообществом путем ссылки на нарушение принципов демократии и подавление гражданского общества и т.п.).

Французский мыслитель приходит к выводу, что именно идея демократии и общественного блага, сменившая религиозные и духовные основания политической организации, становится новой абсолютизирующей силой, ограничивающей и управляющей свободой индивида, подчиняющей его политическим программам и властным требованиям. Так, он заключает, что демократия и общественное благо «наличествует тогда, когда все подданные безусловно подчиняются законам, хорошо исполняют возложенные на них обязанности, усердно занимаются ремеслами, которым они себя посвятили, и соблюдают установленный порядок хотя бы в той мере, в какой он сообразен законам... Иными словами, общественное благо – это, по сути, подчинение закону... Однако в любом случае, если целью суверенитета является общественное благо, то всеобщее благоденствие оказывается не чем иным, как абсолютной подчиненностью. Это означает, что цель суверенитета замкнута на самой себе: она отсы-

¹⁶³ Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М., 2009.

лает к самому осуществлению суверенитета; благо есть подчинение закону, следовательно, благо, к которому стремится суверенитет, состоит в подчинении людей этому суверенитету»¹⁶⁴.

В свете изложенного при обсуждении вопросов о формировании отечественной системы государственной власти, эффективности политических институтов, очевидно, следует остановиться также на проблеме становления правового государства в России. При рассмотрении этого вопроса речь, как видится, должна идти не о скорейшем (или постепенном) конструировании либерально-демократических институтов, развитии частной собственности, экономического благосостояния и независимости субъектов гражданского общества, а, напротив, о *создании правовой государственности*. Очевидно, что понятие «государственность» значительно шире и содержательней. Данное понятие отражает типологическое своеобразие и духовно-культурную особенность, прежде всего, таких социальных феноменов как государство, власть и право, созданных и органично развивающихся в рамках известного общества, его духовно-культурного, социально-психического уклада.

Следовательно, конкретное государство институционально оформляется и развивается именно на этом фундаменте, представляя свой особый, хотя, может быть, *типологически и сходный* с другими национально-цивилизационными континуумами вид государства по форме и, что более важно, по содержанию.

Иначе говоря, как бы ни старались реформаторы разного толка сконструировать на отечественном социокультурном фундаменте стройный «западноевропейский дворец» (как центр политической и правовой жизни российского общества), он все равно не сможет обрести ни стабильности (устойчивости), ни социально-правовой и политической ценности для отечественного политической культуры.

Провозглашенная в ст. 1, п.1. Конституции РФ модель государственного устройства, а именно: демократическое федеральное правовое государство, не

¹⁶⁴ Фуко М. Истина и правовые установления // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2005. Ч. 2. С. 195.

раскрывает смысл и содержание самой правовой государственности, а характеризует, скорее, систему демократического политического устройства. Причем в дальнейших положениях Конституции совершенно четко прослеживается логическое построение западноевропейской системы демократии (глава I Конституции). Практически во всех комментариях официального и неофициального характера при раскрытии сущности правового государства отражено именно формирование системы государственной власти, отвечающей стандартам либерально-демократической модели. Важно в этом случае то, что осознанно или неосознанно в качестве идеала, образца берется именно специфическая модель государственного устройства и организации властных практик западных стран, причем та, которая сформировалась исключительно в рамках определенных социально-культурных, геояридических и геополитических условий. Приведём вполне справедливые суждения известного политолога В.Б. Пастухова: «Проблема состоит в том, что конституционализм – это своего рода социальный “черный айсберг”, возвышающийся над поверхностью океана западной культуры. Его *видимая часть* представлена набором демократических институтов, *кажущихся* вполне самодостаточными и легкоусвояемыми. Возникает соблазн “отбуксировать” эту демократическую систему в сопредельные цивилизационные океаны и моря, однако кроме видимой части, есть еще и *невидимая* подводная часть, глубоко погруженная в уникальную историю Запада. Об эту подводную часть и *разбиваются* все попытки привить конституционализм в чуждой для него культурной среде (курсив мой – А.М.)»¹⁶⁵.

К сожалению, эта демократическая система и уникальная, исторически сложившаяся практика властного взаимодействия между обществом и государством принимают универсалистский характер. Оказывается, что практически не может существовать иная модель правового государства, которая не воспроизводила бы западноевропейскую логику формирования и функционирования политической организации. Получается, что если категории «правовое государст-

¹⁶⁵ Пастухов В.Б. Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию. М., 2012. С. 431.

во» и «либерально-демократическая система власти» (или просто «демократия») являются тождественными понятиями, равнозначным по смыслу, тогда будет и понятие «правовая государственность». Однако в настоящем исследовании, такие категории, как «правовая государственность», «правовое государство», «правовое устройство» и «демократическая система», не отождествляются, хотя они и имеют много общего, являются близкими и взаимосвязанными по содержанию.

«*Правовая государственность*» формируются под воздействием целого комплекса факторов, отражающих социально-экономические, этнополитические, духовно-нравственные, социокультурные условия, на основе которых институционализируются практики публично-властного взаимодействия субъектов, формируется политическая и правовая системы, государственно-правовая организация и политический порядок в целом. Правовая государственность, таким образом, определяет (кроме всего прочего) главное – особый *тип* политического и правового мышления и логику осмысления политических процессов, аксиомы правового и политического сознания граждан, цивилизационную модель (национально-культурный тип) правового государства, в конечном итоге отражает национальную уникальность политического бытия общества. Здесь можно вспомнить слова И.А. Ильина, который писал, что «государство совсем не есть “система внешнего порядка”, осуществляющаяся через внешние поступки людей... На самом деле государство творится *внутренне, душевно и духовно*; и государственная жизнь только отражается во внешних поступках людей, а совершается и протекает в их душе»¹⁶⁶.

На основе вышесказанного можно утверждать, что «*правовое государство*» формирует основополагающую идею (идейно-концептуальную доктрину) и принципы институциональной (политической, экономической, правовой, социально-духовной и т.п.) организации государства в рамках конкретных культурно-исторических условий. Формирование идеи и принципов правового государства обусловлено спецификой исторической эпохи, уровнем развития нау-

¹⁶⁶ Ильин И.А. Путь духовного обновления. М., 2003. 290 – 291.

ки, образования, культуры, политическими обычаями и традициями общества, его нравственно-духовным потенциалом, уровнем политико-правового сознания и культуры, господствующими религиозными и идеологическими взглядами и т.п.

Тем не менее идея самого правового государства, как это обосновывал еще И. Кант, заключается в том, что все в государстве подчинено праву (определенное политико-правовое состояние, при котором каждый гражданин может свободно пользоваться своими законными правами, реализовывать свободно свои законные интересы), т.е. право господствует над всем, в том числе и над государственной властью. Однако все дело в том, что мы понимаем под правом. Если мы рассматриваем право как совокупность законов и иных нормативно-правовых актов, то это позитивное право, лишенное духовных и нравственных оснований, являющееся исключительно властным и политически ангажированным явлением. В этом случае идея правового государства станет миражом, как отмечает Е.Б. Пашуканис, она заслонит от народных масс факт господства класса, слоя, корпоративных, партийных интересов ¹⁶⁷. В западноевропейской политико-правовой мысли, где сформировалась идея правового государства, право рассматривается как существовавшая еще до формально установленного закона естественно-правовая ценность.

В отечественной политической традиции подобную категорию заменяет понятие «правды». Правда, так же как и естественное право, не совпадает и не исчерпывает себя государственно установленными социально-политическими, экономическими нормами, не выражается взаимными выгодами. «Как и естественное право в конституционной традиции, – пишет по этому поводу К.В. Арановский, – так и правда в российской культуре составляет ценность. Как и правда, естественное (должное, вечное, справедливое, разумное) право, а также естественные (неотъемлемые и неотчуждаемые) права стоят выше закона и

¹⁶⁷ См.: Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. М., 1927. С. 93.

других правовых форм»¹⁶⁸. Однако, продолжает автор, «у правды шире область влияния. Она направляет или расстраивает условности, как в праве, так и в нравственности, не противопоставляя их и даже не стирая границы между нравственным и правовым. Естественное право, напротив, как бы широко его ни понимали, все же смещено к юридической стороне жизни»¹⁶⁹.

Кроме того, естественное право доступно рациональному оформлению и разумному, казуальному объяснению, в свою очередь, в правде превалирует не личностное содержание, а межличностное (соборное), оно более интуитивное и психическое, в силу этого не поддается полному рациональному постижению. «Обо всяком официальном акте, так или иначе затрагивающем интересы человека, россиянин имел и имеет собственное мнение, обладая даром *различать правоту и законность*»¹⁷⁰.

«*Правовое устройство*», с нашей точки зрения, это уже конкретная политическая и правовая конфигурация властных институтов и практик, определяющая конкретный политический и правовой порядок, который становится легитимным и легальным, если, соответственно, данный порядок органичен социокультурному укладу общества и основополагающим социально-политическим принципам (последние, как правило, фиксируются в основных государственных законах, в писаных или неписаных конституциях). Например, еще в Московском царстве, как отмечает Н.Н. Алексеев, русский народ имел свою собственную, неписаную конституцию, которая выражалась в его верованиях и воззрениях, обычаях и традициях. Она оказывала воздействие на форми-

¹⁶⁸ Арановский К.В. Аксиология правды в русском мировоззрении и государственное право // Правоведение. 2003. № 6. С. 191.

¹⁶⁹ Там же. С. 192. «Для христианской монархии, – пишет по этому поводу Л.А. Тихомиров, – естественное право особенно не отрицаемо... мы во всех монархиях видим особенное внимание к так называемой “справедливости”, которая именно стоит **в соответствии с правдой и правом** нравственным, а не юридическим. В аристократиях и демократиях, напротив, господствует юридическое понятие права» / Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 356.

¹⁷⁰ Краснов М.А. Указ. раб. С. 61.

рование государства, на осуществление государственной власти, задавала последней параметры функционирования и пределы ее деятельности¹⁷¹.

«Демократическая система» - это понятие, связанное с конкретной цивилизационной моделью государства и политического процесса, основанные на духовных и культурных традициях западного общества. И с нашей точки зрения является не универсальным шаблоном организации деятельности государственной власти и публично-властного взаимодействия всех его субъектов, а уникальным, культурным явлением определенного общества. Еще П.И. Новгородцев отмечал, что демократия должна «рассматриваться как одна из форм правового государства», что демократия и правовое государство – это явления не одного порядка¹⁷². Поэтому коренная перестройка всего государственного организма, без адаптации чужеродных институтов к национальной жизни, политическому сознанию, без создания необходимых социально-экономических, политических условий невозможна.

Стоит также учитывать, что демократическая система как духовно-культурное явление основана на рационально-прогрессивном мышлении, где общество спаяно не духовно-нравственными и традиционными узами, как, например, российское общество, а рационально-правовым договором, который только и может скрепить независимые и индивидуальные социальные атомы. Так, например, по утверждению Г. Кельзена, демократическая система устанавливает политический и правовой релятивизм, не свойственный национальному государственному мышлению, основывается на том, что в общественной

¹⁷¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 2000. «Московская монархия, – писал он, имела, разумеется, свою неписаную конституцию, однако эта конституция свое торжественное выражение имела не в хартиях и договорах, не в законах, изданных учредительным собранием... а в том чисто нравственном убеждении, что порядок, устанавливающий характер внешней мощи государства и его распорядителей... установлен свыше, освящен верой отцов и традициями старины» / Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее основные задачи / Русский народ и государство. С. 529. См. об этом также § 2.1.

¹⁷² Новгородцев П.И. Демократия на распутье / Об общественном идеале. М., 1991. С. 544.

жизни нет никакого абсолютного порядка и никаких абсолютных обычаев, верований и воззрений¹⁷³.

Поэтому перспективы развития правовой государственности, восстановление политической стабильности, устойчивости и адекватности социально-властного взаимодействия (в системе личность – общество – государство), формирование режима законности и эффективности государственной власти зависят от поиска национальной стратегии обновления политической и правовой жизни российского общества, развития духовной и нравственной основы, поиска общественного идеала (идейно-концептуальной доктрины, отвечающей истории развития российского государства, его современному состоянию и условиям, а также будущим ориентирам). В противном случае, если правовое государство будет опираться на западную аксиоматику, российскую государственность ждет модель постоянно догоняющей модернизации, непрекращающегося/затяжного транзитивного этапа и т.д.

В этом контексте интересен евразийский политический проект модели отечественного правового государства – «гарантийное государство». В рамках этого проекта утверждается, что государственная система властвования должна быть основана на национальных политических традициях и социокультурном укладе русского народа, но в то же время не отрекаться от новейших политических достижений других цивилизаций. Это государство, отмечает Н.Н. Алексеев, «которое живет, имеет историю, изменяется, движется, развивается. Жизнь его складывается из двух противоположных моментов – из постоянного, статического и из подвижного, динамического... Сочетание статики и динамики образует режим, который можно назвать *демократической идеократией* или *идеократической демократией* (курсив мой – А.М.)»¹⁷⁴.

¹⁷³ «Если демократия открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе, – пишет по этому поводу П.И. Новгородцев, – то необходимо, чтобы эти силы подчиняли себя некоторому высшему обязывающему их началу. Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общения, приводит к самоуничтожению и разрушению основ государственной жизни» / *Новгородцев П.И.* Указ. соч. С. 559.

¹⁷⁴ *Алексеев Н.Н.* О гарантийном государстве / *Русский народ и государство.* С. 380 – 381.

Евразийский социально-политический проект предполагает построение государства с сильной государственной властью, с положительными правовыми обязанностями в отношении общества и государства (взаимного «социального служения») ¹⁷⁵. Причем противопоставление сильное государство – слабое общество характерно не для русской политической культуры, а для западной либерально-демократической традиции, когда в политической жизни общества выделяются два самостоятельных центра (полюса) – гражданское общество и государство. Либеральная концепция политического взаимодействия последних сводится к тому, что гражданское общество отгораживается «частоколом» естественных (неотчуждаемых) прав от государства. В рамках этого политического союза (основанного на естественно-правовом договоре) государство (государственная власть) выступает только в роли охранителя («ночного сторожа») и независимого арбитра.

Поэтому политически очевидно для западной логики, что преобладание государства над обществом, т.е. одного центра социально-политической жизни над другим, приводит к ослаблению самого общества. В свою очередь, усиление гражданского общества, его политической активности посредством созданных им же институтов ведет к ослаблению претензий государства и подчинению его социальным нуждам. В отечественной традиции сильное государство, как правило, связывается с сильной народностью, когда государственная власть и народ соединяются в некотором единстве, не противопоставляются друг другу, а основываются друг на друге: «Сильная государственность, – писал по этому поводу И.А. Ильин, – означает, прежде всего, сильную народность, и наоборот». Так, например резкое ослабление государства в 90-е годы, вызванное сменой элит, трансформацией советской институциональной системы властвования и переориентацией на либерально-демократические «рельсы» институционально-правового развития, в конечном итоге привело и к ослаблению са-

¹⁷⁵ См. об этом: *Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю.* Указ. соч. С. 275.

мого общества, резкому снижению политической и гражданской активности, к небывалому росту преступности и т.п.¹⁷⁶

Причем в политических учениях и доктринах явно или косвенно, затрагивается тема социально-политического архетипа, «властного кода» (Ю.С. Пивоваров), ориентирующего русское государствоведческое мышление на воспроизводство в программных положениях метафизической (символической) и физической (институционально-правовой, субординационной, функциональной, бюрократической и т.п.) силы русской власти. При этом социально-политический кризис устойчивой и ответственной государственной власти в национальных нормативно-ценностных (аксиологических) представлениях, в повседневной (обыденной) практике *активизирует* деструктивные, конфликтогенные и рискованные факторы и причины в развитии института государства, правовой и политической систем, публичной организации общества в целом, вызывая функциональные искажения и деформации в развитии властно-правового пространства, отдельных институтов и структур государственной власти.

В то же время силу государства не следует трактовать примитивно, как некую авторитарную или тоталитарную мощь, его чиновников, как процесс эксплуатации элитарным сословием общественного организма и проч. Обобщая отечественную политико-правовую мыследеятельность, можно с уверенностью сказать, что усиление российского государства традиционно трактуется массовым сознанием в качестве: 1) главного ресурса преодоления кризисов и противоречий, обеспечения политической стабильности, восстановления режима законности и правопорядка, целостности и единства государственности; 2) объективного фактора активизации общественного потенциала, повышения политической активности личности; 3) необходимой предпосылки стабильного развития различных сфер жизнедеятельности общества (экономической, политической, правовой, духовно-культурной и т.д.); 4) внешнего и внутреннего фактора обеспечения идеократической целостности национального публично-правового

¹⁷⁶ См.: Плискевич Н.М. Российский социум девяностых (Размышления над книгой Л. Гордона и Э. Клопова) // Общественные науки и современность. 2002. № 2.

континуума; 5) условия, обеспечивающего взаимное социально-политического служение в системе личность – общество – государство, где первичным является не разделение сфер и полномочий публично-правовых органов власти, не противопоставление различных политических субъектов и правовых статусов личности – гражданского общества – института государства, а симфоническое единство политического пространства и «правообязывающая модель отношений», ориентированных на решение общенациональных целей и задач¹⁷⁷.

Таким образом, следует признать, что сегодня наблюдается незавершенность социально-правовых и политических реформ государственной власти. Обновление отечественной системы институтов и структур власти, по справедливому замечанию О.В. Мартышина, должно опираться на «вариант культурно-политического и правового синтеза, который сочетал бы национальные и европейские традиции, сильную власть, социальную справедливость (“государство правды”) и свободу личности, плюрализм, правовое государство»¹⁷⁸.

Причем в современной российской политической действительности объективно проявляются три взаимосвязанные и взаимообуславливающие тенденции.

Во-первых, это стремление к духовно-нравственному обоснованию государственной власти, социально-нравственной (идеократической) ответственности властно-управленческой элиты. Так, социально-политические исследования

¹⁷⁷ Например, Н.Н. Алексеев отмечает, что гарантийное государство «обеспечивает осуществление некоторых постоянных целей и задач, что оно является государством с положительной миссией. Гарантийное государство противопоставляется, следовательно, государству релятивистическому, не ставящему перед собой никаких положительных целей, не имеющему никакой постоянной программы, не руководящемуся никакими стабилизированными принципами... в нем обеспечивается проведение в жизнь некоторых положительных социальных принципов, некоторой стабилизированной социально-политической программы, которая может рассчитывать на всеобщее признание со стороны людей весьма различных философских, научных и религиозных убеждений». Такое государство основывается на нравственно-правовых и духовных основах, утверждает «правду», как необходимый нравственный идеал и критерий оценки политико-правовой действительности. В нем утверждается «истинная» духовно-нравственная свобода личности, ибо «право есть та область духовно-нравственной жизни человека, которая имеет дело с тем, что человек “свободно может” и к чему он насильственно не принужден» (Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве / Русский народ и государство... С. 372 – 373).

¹⁷⁸ Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10. С. 30.

фиксируют, что в современном российском обществе доминирует не персоноцентричная модель легитимации государственной власти и харизматическая практика наделения лидера государства высокими духовно-нравственными атрибутами, а, напротив, присутствует потребность в формировании морально-правовой системы ответственности публичной власти и реализующих ее лиц. Политико-психологические исследования, проведенные группой исследователей под руководством Е.Б. Шестопада, выявили высокую степень тревожности людей, обусловленную, прежде всего, духовно-нравственным несовершенством действующей системы государственной власти и ее представителей. Эти тревоги «связаны не столько с экономическими проблемами, хотя те и лежат на поверхности, сколько с ощущением отчужденности власти от общества, ее несправедливостью и своекорыстием, отсутствием моральных опор. Это “гуманитарное измерение”, связанное с ценностями, настроениями и моральным климатом, очень слабо проработано у модернизаторов». Эти основания системы государственной власти слабо проработаны и у современных консерваторов, о чем будет сказано ниже, поскольку и действующая консервативная идейно-концептуальная платформа «не придает этим ценностям большого значения»¹⁷⁹.

Во-вторых, это требование интегрировать западноевропейские достижения в области прав и свобод человека, некоторые демократические ценности с социокультурной моделью политической организации и традиционными (исторически сложившимися) практиками публично-властного взаимодействия в системе личность – общество – государство. Так, целая серия социологических исследований фиксирует, что для отечественного политического сознания характерен «органичный сплав» национального традиционного мировоззрения и модернизационных ценностей, современных демократических требований к государственной власти и ее деятельности¹⁸⁰. В этих исследованиях фиксируется, что государственная власть воспринимается сегодня гражданами «новой Рос-

¹⁷⁹ См. об этом: *Шестопад Е.Б.* Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Политические исследования. 2011. № 2. С. 22 – 23.

¹⁸⁰ См.: Общественное мнение – 2008. Ежегодник. М., 2008.

сии» в качестве «инструмента реализации интересов общности в целом (причем устойчиво в российском политическом сознании и практике приоритет отдается интересам общности, всего народа, социально-культурной целостности, а не интересам отдельной личности – *А.М.*), гаранта обеспечения возможности ее существования и развития (такое представление воспроизводится, как отмечалось выше, на всех этапах развития российской государственности как устойчивый социально-политический архетип – *А.М.*), дав возможность каждому заявить о своих правах и по возможности, учтя интересы индивидов и отдельных групп населения, в своей практической деятельности оно (государство – *А.М.*) должно руководствоваться прежде всего интересами общности как единого целого, как, впрочем, и любой человек или население целых регионов и крупные социальные группы. Для россиян не те или иные группы индивидов должны в борьбе друг с другом уметь отстаивать свои интересы, а *государство как выразитель общих интересов должно, принимая во внимание интересы различных субъектов, на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой общности*»¹⁸¹.

В соответствии с этим, по нашему мнению, формирование идейно-концептуальной доктрины развития системы государственной власти должно реализовываться как на основе *консервативно-политического моделирования*, так и *с учетом глобальных (межцивилизационных) тенденций развития*¹⁸². Дело в том, что современные критерии и индикаторы устойчивости и стабильности государственной власти в глобальном демократическом транзите становятся весьма рискогенными и конфликтогенными, поскольку «диктатура экономоцентризма» (т.е. основные показатели стабильности государства) связывается с развитием рыночных институтов и отношений, потребительского мировоззрения, устойчивого спроса и т.п., а не с качеством межличностных отношений, целостностью общественных систем и проч. Тотальность процессов политической стандартизации и государственно-правовой унификации на основе неоли-

¹⁸¹ *Тихонова Н.Е.* Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // *Общественные науки и современность.* 2005. № 6. С. 39.

¹⁸² См. об этом: *Обретение будущего: повестка дня 2012.* М., 2011.

берально-демократической парадигмы вызывает повсеместные системные деформации и цивилизационную конфликтогенность. Иначе говоря, действующие параметры и индикаторы устойчивого развития государственности в глобализирующемся мире, представляемые в качестве универсальных и общечеловеческих, исторически себя не оправдали.

Поэтому идейно-концептуальная доктрина развития публичных институтов власти должна интегрировать как действующие международно-правовые требования и политические стандарты, так и традиционные ценности и принципы воспроизводства социально-политической целостности и устойчивости российского общества. Прав в этом плане У. Бек, отмечая, что при формировании будущей устойчивой модели государственно-правового развития «следует заниматься вопросом, как цивилизации, не принадлежащие Западу, по-иному, чем он, планируют и представляют себе свои особые сочетания культуры, капитала и национального государства, а не предполагать, что они являются недоразвитыми вариантами некоего западного первообраза»¹⁸³. Исследователь верно отмечает, что «политэкономическим мифом» XX века была идея, согласно которой рыночные механизмы и в целом капиталистическая система «перемелют» любую традиционную культуру, сформируют новое мировоззрение и адаптирует традиции и обычаи взаимодействия между людьми к требованиям экономической системы. Однако все больше стран, особенно государственно-правовые системы евразийских и восточных стран, которые, наоборот, «перемололи» западную политэкономическую систему и адаптировали рыночные отношения под требования своей цивилизации.

- *В-третьих*, это «тяга» на уровне массового политического мышления к восстановлению сильной государственности, в соответствии с восстановлением силы государственной власти. Причем конкретно-историческое проявление государственной силы имеет морально-правовой тип обоснования, в котором вертикаль ценностно-нормативной иерархии выстраивается от духовных, абсо-

¹⁸³ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика. М., 2007. С. 448.

лютных истин и доминант к социальным. Законотворческая, правоприменительная и судебная деятельность государственной власти обрамляется нравственным содержанием и духовным долгом. Сильными в массовом восприятии являются те политические формы и правовые средства, опосредующие взаимодействие личности, общества и государства, которые основываются на духовно-нравственном служении и правообязанности, а формально-нормативный аспект общественного порядка трактуется в качестве вторичного, инструментального. Для современного массового политического мышления, как показывают социологические данные, «особое значение имеет такая ценность, как “сильное государство”. В литературе по авторитаризму она нередко интерпретируется как один из наиболее явных показателей авторитарности. Анализ наших данных показывает, что этот индикатор следует трактовать более осторожно», поскольку он связывается не с авторитарным началом государственной власти, а с морально-нравственным. Поэтому «неоправданно отождествление коммунистических традиций нашей политической культуры с собственно авторитаризмом». Ратуя за усиление государственной власти, общество, прежде всего, предъявляет «серьезный запрос на морально-политические ценности и, в частности, на идеи социальной справедливости», идеократической обусловленности властно-правовой деятельности, обеспечение и реализацию высоких духовно-нравственных (деонтологических) стандартов деятельности тех или иных должностных лиц¹⁸⁴.

Поэтому в отечественной политической мысли на протяжении всей истории реальное либо мнимое ослабление государства интерпретируется доктринальным, профессиональным и массовым политическим сознанием в качестве негативной тенденции, иницирующей деструктивные и конфликтогенные факторы и события, аномические политические процессы, инволюцию правовой культуры и нигилизм. При этом кардинальное реформирование публично-правовых институтов власти традиционно приводит в России к ослаблению го-

¹⁸⁴ См. об этом подробнее: *Шестопал Е.Б.* Указ. раб. С. 20 – 24.

сударства, к развитию функциональных искажений и деформаций в системе государственной власти.

В заключение еще раз подчеркнем, что вопрос о «демократии» тождествен вопросу о том, что проблематизируется в современном политико-правовом мышлении, а значит, определяет универсалии в его развитии, формы рациональности и параметры истинного знания. В практическом плане этот вопрос завязан на определенный круг исторических событий и конкретных политико-правовых процессов, определяющих современное функционирование конкретных государств, неправительственных институтов и организаций, международного порядка в целом. Следовательно, в качестве устойчивой национальной тенденции можно выделить потребность в усилении институционально-правовой и социально-политической активности государства, в укреплении стабильности его властно-иерархической структуры, которые связываются с восстановлением порядка и контроля над территорией и обеспечением национальной безопасности, а в качестве доминирующего вектора развития российского властно-правового пространства – институционализацию в конкретно-исторических условиях сильной демократической государственности, идеократически обусловленной и стремящейся к установлению баланса между национальными интересами, потребностями (личности – общества – государства) и общемировыми достижениями.

Также в качестве вывода по данной части работы отметим, что доминантой современного стиля демократического политического мышления становится не внутреннее содержание жизнедеятельности человека и общества, а его формальная структурированность и господство абстрактных идеологических «клише» (формального равенства, свободы, справедливости, выборности, толерантности и проч.). При этом данная стратегия развития политического процесса формирует рискогенную и нестабильную социальную среду, где политическая устойчивость связывается не с гармоничным взаимодействием духовно-нравственных, идеократических и иных ценностно-нормативных систем, а с формально-организованным и абстрактным началом во властно-правовом взаи-

модействии. В этом плане следует критически оценивать стремление в современной государственной политике к поиску универсальных формально-нормативных и институционально-управленческих (бюрократических) моделей обеспечения стабильности в постоянно меняющемся мире, поскольку такой подход формирует принципиально «новую политическую реальность», в которой доминирует не стабильность, а постоянный реальный и виртуальный кризис, действует система актуальных или латентных рисков.

Следует также заключить, что в настоящее время нестабильность (как значимый политический концепт) становится новой доминантой политического процесса, а рискогенность – новым направлением в модернизации политических технологий управления. Однако, по нашему заключению, доминантой современного демократического политического процесса и государственного управления должны стать комплексные (интегративные) и более эффективные формы и методы взаимодействия общества и государства, которые учитывали бы как социокультурную среду реализации демократических принципов и процедур, так и глобальные (общемировые) тенденции. Так, «правовое государство» (как доктринальная стратегия развития политического процесса) должна отражать типологическое своеобразие и духовно-культурную особенность, прежде всего, таких социальных феноменов как государство и право, созданных и органично развивающихся в рамках известного общества, его социокультурного и политического уклада, где конкретно-исторический институт государства институционально оформляется и развивается именно на этом фундаменте, представляя свой особый, хотя может быть типологически и сходный с другими цивилизационными континуумами, вид правового государства по форме и, что более важно, по содержанию, отражая уникальность политического бытия общества его цели, задачи и потребности.

ГЛАВА 4. ИНСТИТУТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТИНОМИЧНОСТИ

Процессы глобализации, унификации политического развития и стандартизации социально-экономической организации различных обществ, легитимации (или делигитимации) существующих политических режимов со стороны международного сообщества обуславливают принципиально иную эпоху в развитии национальных государств, другую геополитическую матрицу оценки существующих проблем и угроз – с одной стороны, вариантов и перспектив цивилизационного взаимодействия – с другой.

Эта эпоха рассматривается многими аналитиками как «парад мягких суверенитетов», постепенной десоверенизации государственно-правовых пространств, слом «национально-территориальных инстинктов» (Ж.-Ф. Ришар) государства, предполагающие всеобщее (сетевое) управление глобальными политическими процессами, «гуманитарные интервенции», стандартизацию экономической и политической действительности. Политическим клише, оценочной матрицей происходящих трансформаций стало выражение известного политолога Г. Киссинджера о том, что современные мировые процессы свидетельствуют о «смерти» Вестфальской системы и бессмысленности идеи государственных суверенитетов, идеи национально-культурного развития. Если сегодня и принято говорить о суверенитете, то лишь в контексте объединенных (региональных, межгосударственных), глобальных суверенитетов, предполагающих интеграцию различных государств в некоторое политически единое (союзное, сетевое) целое, в качественно новую форму «космополитической организации» (У. Бек).

Однако сам процесс глобализации трактуется в современной зарубежной и отечественной науке и политической практике по-разному. Так, в западноевропейском политическом дискурсе глобализация, применительно к теме настоящего исследования, трактуется, обобщенно говоря, в трех измерениях. *Первая позиция* заключается в интерпретации данных процессов с точки зрения

взаимосвязи и взаимозависимости национальных систем государственной власти, при реализации своих внутренних и внешних функциональных направлений деятельности, в контексте устойчиво увеличивающихся международно-политических и социально-экономических взаимозависимостей, транснациональных потоков, сближения политических идентичностей и социокультурных взаимосвязей¹⁸⁵.

Вторая позиция делает упор на сближение и унификацию политических форм и средств коммуникации. Здесь глобализационные политические процессы мыслятся не с точки зрения увеличивающейся взаимозависимости национально-государственных пространств – как в первом случае, а с точки зрения глобализации самих этих пространств, их открытости и «готовности» к глобальной трансформации политических институтов власти и практик¹⁸⁶.

Третья позиция рассматривает процессы глобализации как качественную трансформацию политических форм организации, в контексте которых национально-государственное перестает «создавать общий порядок взаимоотношений» и стимулирует новые космополитические принципы организации человеческой жизнедеятельности. Эти процессы приведут к тому, что «мировое внутриполитическое пространство власти будет концептуально и политически освоено вне старых категорий национального и интернационального» и откроются «перспективы космополитического обновления политики и государства»¹⁸⁷.

В современной отечественной политической науке процесс глобализации государственной власти рассматривается двояко. С одной стороны, он анализируется как специфическая, объективно существующая тенденция наравне с такими процессами, как регионализация, провинциализация, локализация и др. Например, С. Проскурин обосновывает, что процесс глобализации не является

¹⁸⁵ Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perration J. Global Transformation. Cambridge: Polity Press, 1999.

¹⁸⁶ Geddes A., Favell A. The Politics of Belonging: Migrants and Minorities in Contemporary Europe. Aldershot: Ashgate, 1999.

¹⁸⁷ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 11. В этом аспекте космополитизм выступает в качестве «очередной великой идеи, которая приходит на смену исторически исчерпавшим себя национализму, коммунизму, социализму, неолиберализму» (Там же. С. 15).

продуктом исключительно нашего времени, а свойственен, в той или иной мере и в разных качествах, всей истории развития человечества¹⁸⁸. Это обусловлено, прежде всего, тем, что одним из побудительных мотивов человеческой деятельности, как полагает Г. Х. Шахназаров, стала потребность в общении, взаимопонимании. Данная мотивация, как известно, проявлялась на разных уровнях человеческой организации – от самых простых социальных систем – до планетарных общностей – «объединение людей в род, племя, государство, нацию, мировое сообщество»¹⁸⁹.

С другой стороны, глобализм трактуется как тенденция к распространению культурно-индифферентного международного стандарта, глобального мирозерцания, планетарного и сетевого сознания, имеющих «свои теневые стороны» и порождающих «собственную антитезу – идеологию и движение антиглобализма»¹⁹⁰. В данном случае речь идет о гуманитарной, экономической, политической унификации существующих государственно-правовых пространств в соответствии с определенными «стандартизированными»¹⁹¹ идеалами и принципами.

В этом плане следует согласиться с М.Н. Марченко, когда он с теоретико-методологических позиций отмечает, что «глобализм как тенденция, как естественный процесс, наконец, как предтеча глобализма – “определенного цивилизационного стандарта” и определенного мировоззрения – существовал в человеческом обществе и оказывал активное воздействие на государство и право практически всегда, на всех этапах развития человеческой цивилизации. Что же касается глобализма – определенного, сформировавшегося явления в виде “цивилизационного стандарта” и “планетарного” мировоззрения, то он появляется

¹⁸⁸ Проскурин С. Глобализация как фактор поляризации современного мира. М., 2002. 54.

¹⁸⁹ Шахназаров Г.Х. Глобализация и глобалистика – феномен и теория // Pro et contra. 2000. № 4. С. 186.

¹⁹⁰ Неклесса А.И. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство // Философия хозяйства. 2002. №1. С. 110.

¹⁹¹ В данном случае «стандартизированный» берется в кавычки с той лишь целью, чтобы показать условность проектов унификации цивилизационного развития. Дело в том, что в современный период развития международного порядка существует по крайней мере несколько таких проектов, основывающихся на совершенно разных постулатах и принципах. Рассмотрение и обоснование последних будет предпринято ниже.

и соответствующим образом воздействует на национальные государственные и правовые институты лишь на самых поздних стадиях развития мировой цивилизации»¹⁹².

В то же время в научной литературе существует и иная позиция, идущая в некотором смысле вразрез с вышерассмотренными. Так, по мнению А.П. Бутенко, слишком широкая трактовка понятия «глобализм» неоправданна. Рассмотрение его как тенденции, естественного процесса и «определенного международного стандарта» наполняет данное понятие слишком значительным содержанием. Уязвимость предлагаемой трактовки понятия «глобализм», по его мнению, как раз и коренится в том, что он осмысливается как объединительный процесс без конкретизации его сущности и содержания в пространстве и времени. Следовательно, как справедливо отмечает Ю. Шишков, такая терминологическая путаница ведет к серьезным концептуальным ошибкам: «например, когда началась глобализация, ответ на который, в свою очередь, предопределяет то или иное содержание данного понятия». С этих позиций автор утверждает, что глобализация – это качественно новый этап развития, отличающийся от предшествующих этапов и ступеней интернационализации¹⁹³.

В этом плане процесс переосмысления категории «суверенитет» рассматривается в качестве естественного и достаточно очевидного итога формирования нового этапа интернационализации – глобального мироустройства¹⁹⁴. Причем новый формат изложения этой категории связан в практическом плане – с

¹⁹² Марченко М.Н. Глобализация и ее воздействие на современное национальное государство (методологический аспект) // Теоретико-методологические проблемы права. М., 2007. С. 59.

¹⁹³ См. об этом подробнее: Глобализация и государственное единство России / Б.С. Эбзеев, Р.А. Айбазов, С.Л. Красноярцев; от ред. Б.С. Эбзеев. М., 2006. С. 60 – 61.

¹⁹⁴ По утверждению Ф. Фукуямы в международной политике следует признать существующее дефакто состояние разложения суверенитета, его практической недееспособности и теоретической бессмысленности, в тоже мере выработать инструменты по «подавлению» амбициозных позиций ряда государств в независимости и самостоятельности в решении экономических, политических, культурных и иных проблем. Следует, по его мысли, открыть глаза на то, что уже давно «принципы суверенитета и неприкосновенности национального государства, являющегося основой Вестфальской системы, фактически разрушены и, по существу, Сегодня не соблюдаются, поскольку то, что происходит внутри отдельных государств - в их внутреннем управлении, – часто оказывает большее влияние и на жизнь других членов международного сообщества» / Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2007. С. 157.

формированием глобального мирового политического порядка, его стандартов, параметров и режима функционирования, правил и систем поддержки, а в теоретическом смысле – с формулированием внегосударственных (международных) аксиом и ценностей, нового планетарного космополитического мировоззрения. Все это понятно и объяснимо, поскольку сегодня в политической риторике и научных исследованиях главный упор делается не на объективные глобальные тенденции, социокультурный диалог и обмен, а, напротив, на процесс формирования нового *постсуверенного мирового порядка*.

Современный проект постсуверенизации государственно-правовых образований рассматривает и анализирует государственную власть не как прежде – с точки зрения национально-культурной уникальности (близости или отдаленности в политическом, социально-духовном, правовом, экономическом и ином развитии), а сквозь призму включенности государств в формируемый порядок, соответствия его стандартам, а также легитимации того или иного политического режима со стороны международного сообщества. В этом глобалистическом дискурсе используются и другой концептуальный ряд, иная логика рассмотрения проблем. Так, проблема безопасности переносится с суверенных территорий и рассматривается с международной точки зрения (внетерриториальной, планетарной, всеобщей). Легальность и легитимность экстраординарных ситуаций и чрезвычайных режимов обосновывается не через обеспечение целостности, единства, стабильности суверенного государства, а посредством международного санкционирования, т.е. признание этих действий как необходимых для сохранения, продвижения глобального порядка и соответствующей идеологии¹⁹⁵. Прав в этом плане С. Мирзоев, когда отмечает, что главная цель современных международных организаций – сформировать такую практику надгосударственного вмешательства, когда становится возможным «признание нелегитимности, неправомерности, в конечном итоге – незаконности действующего правительства выдвижением агитационных тезисов о необходимости

¹⁹⁵ За примерами, впрочем, далеко ходить не нужно, достаточно вспомнить международную оценку событий происходивших в Югославии, Украине, Абхазии, России (в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике) и т.п.

противодействия властям, обоснованием игнорирования законов страны, принесением критериев внешней легитимности в процесс формирования и осуществления власти»¹⁹⁶.

Вообще, процессы развития глобальной политической коммуникации не только «вводят» новых акторов взаимодействия, но и изменяют привычные формы и технологии признания и одобрения публично значимых решений. Так, сегодня в глобальном политическом процессе национальная система государственной власти выступает лишь одним из акторов наравне с транснациональными корпорациями, неправительственными организациями, международными сообществами и проч. Причем решения глобальных проблем, по справедливому заключению Ульриха Бека, «открывают новые внедемократические, внегосударственные источники обоснования самой себя легитимности: голосование заменяется одобрением»¹⁹⁷. В этом изменяющемся формате политического взаимодействия на глобальном уровне национальные формы легализации и легитимации публичной деятельности полностью игнорируются, трактуются как неэффективные, неадекватные, не отвечающие новым принципам, правилам и задачам глобального политического процесса. При этом традиционный формат легитимации решений заменяется *процессом самолегитимации*, т.е. моральным, экономическим, военным и иными способами *обоснования* принятого политического решения и поиском *соглашений* с другими глобальными акторами, как это было в случаях «военных интервенций», «военного гуманизма», международного давления, попечительства и т.п.¹⁹⁸

Именно данные факты трансформации политической коммуникации сегодня вызывают массу нареканий у известных аналитиков. Так, например, Н.А. Нарочницкая справедливо указывает на то, что «многочисленные НПО, не подтвержденные демократическими признаками массового доверия, стали вдруг отождествляться с *vox populi* и претендовать на роль общественного обвинителя времен тоталитарных судебных процессов, чего никогда не было в про-

¹⁹⁶ Мирзоев С. Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях». М., 2006. С. 34.

¹⁹⁷ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. С. 36.

¹⁹⁸ Подробнее об этом: Хомски Н. Новый военный гуманизм: Уроки Косова. М., 2002.

шлом». Причем особая категория НПО вообще «претендует на роль судей в вопросах мировоззрения всего общества и государственной политики. Это явный выход за пределы гражданского общества». Поэтому с точки зрения исследователя, сегодня необходимо дать политическую и научную оценку: с одной стороны, перерождению НПО из институтов гражданского общества в глобальных политических акторов с «неподтверждённым демократическим мандатом», а с другой – характеру взаимодействия этих общественных организаций с государственной властью¹⁹⁹.

Неслучайно, сегодня «терроризм», «насилие», «вооруженное подавление» как строгие термины, а не конкретные явления вышли за внутрисударственные рамки и стали составляющими международно-политической концепции. Причем и это не удивительно для постсуверенного порядка. Сегодня содержание термина «терроризм» не однозначно и варьируется в зависимости от политической ситуации (конъюнктуры). Все зависит от того, кто дает трактовку вооруженному насилию. Так, если какой-либо режим не вписывается в современный глобальный порядок, то любые усилия по восстановлению единства и целостности государства могут трактоваться как террористические, насильственные вооруженные действия против народа, человека, его прав и свобод. В другом случае, напротив, эта же ситуация может быть интерпретирована как борьба за свободу и демократию.

Вообще, риторическая формула обеспечения мирового порядка, статус «врага мира», «человечества», «демократии и свободы» делает современное международное сотрудничество потенциально конфликтогенным, а политическое и военное противоборство тотальным. Примечательно, что данные категории апеллируют к некоторому аморфному, нефиксированному субъекту, которого каждый раз уточняют сызнова в зависимости от политической обстановки, стратегических потребностей, интересов постколониального господства²⁰⁰.

¹⁹⁹ См. об этом: *Нарочницкая Н.А.* Демократия XXI века: перерождение смыслов и ценностей // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / отв. ред. Н.А. Нарочницкая. СПб., 2008. С. 9.

²⁰⁰ Так, У. Бек отмечает, что формирование самой концепции и реальных международных институтов «отслеживающих» нарушение прав человека, принципов демократии, террори-

Справедливы в этом плане суждения М. Ремизова, который замечает, что «сегодня кажется более актуальной вторая характеристика тотальной войны: ее вездесущность. Если потенциальная бесчеловечность вытекает из “не-человеческого” качества врага (враги человечества, лишённые человечности), то потенциальная вездесущность непосредственно следует из его “неограниченного” качества»²⁰¹.

Становление постсуверенного порядка проводит и к размыванию производной от суверенитета государственной власти категории «легитимного и легального насилия», «поскольку дискурс гуманитарных прав и опирающиеся на него военные интервенции и другие узаконенные акции, – замечают современные исследователи М. Хардт и А. Негри, – способствовали постепенному продвижению к делегитимации государственного насилия даже при осуществлении его на собственной национальной территории». В этой ситуации исчезновение монопольного (суверенного) права государства на легальное и легитимное принуждение ставит весьма тревожные вопросы: «Если насилие со стороны государства априорно нельзя считать легитимным, то от чего зависит теперь легитимность насилия? Является ли всякое насилие легитимным в равной мере? Есть ли, скажем, у бен Ладена и “Аль-Каиды” столь же законное право на совершение насилия, как и у американских военных? Является ли насилие палестинских групп, направленное против израильских граждан, в той же мере

стические и иные угрозы международной безопасности, выступающих в качестве «транснациональных государств-надзирателей» везде к тому, что аморфным понятиям, таким как «глобальная безопасность», «цивилизационный стандарт развития» и т.п. придается больше значения, чем самой свободе и демократии. В этой концепции гражданину, организации, государству «придется доказывать, что они не опасны, ибо в этих условиях под подозрением окажется каждый, ведь каждый (от отдельного индивида до целого государства – А.М.) может оказаться террористом». Причем, например, «каждый должен смириться с тем, что его без всякого конкретного повода будут проверять на предмет благонадежности. Если додумать ситуацию до конца, то индивидуализация войны ведет к смерти демократии, ибо государства должны объединиться с государствами *против* граждан, чтобы избежать опасностей, грозящих им со стороны граждан». В целом террористические конструкции, лозунги всеобщей безопасности, абстрактные образы «врагов демократии» в конечном итоге *убивают плюрализм в обществе и рационализм экспертов, независимость судов и безусловную законность прав человека*. Они уполномочивают государства и тайные службы на политику разрушения демократии» (Бек У. Власть и ее оппоненты в условиях глобализма. С. 32 – 33).

²⁰¹ Ремизов М. Опыт консервативной критики. М., 2002. С. 60.

законным, что и насилие израильских военных против граждан Палестины?». Поэтому в мировом порядке, «где, – продолжают вышеназванные авторы, – никакое насилие не будет легитимным, в принципе допустимо называть всякое насилие терроризмом... все существующие сейчас определения терроризма неустойчивы и зависят от того, кто или что определяет их основные компоненты: законность правительства, права человека и правила ведения войны»²⁰².

В соответствии с вышесказанным следует сделать важное для последующего анализа процессов десуверенизации теоретико-методологическое замечание: достаточно устоявшимся в современной исследовательской практике стало утверждение об объективности процессов глобализации, или, более точно, об объективности процессов глобальной трансформации государства и права. С этим можно согласиться лишь частично, поскольку закономерным видится межгосударственное сотрудничество при решении многих глобальных проблем. Однако это не означает, что процесс глобальной унификации национального законодательства, отмирания суверенного качества государственной власти носит объективный характер²⁰³.

Иначе говоря, практика государственного сотрудничества, возникновение глобальных экономических, экологических и политических проблем объективно вынуждают государства к интенсификации сотрудничества, к поиску наиболее эффективных форм и механизмов совместной деятельности. Безусловно, это *объективная закономерность современной действительности*. Однако суждения об ослаблении роли национальных государств, о постепенном отмирании внутринациональной легитимации монопольной триады государства (установление общеобязательных норм, легальность государственного принужде-

²⁰² Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 43.

²⁰³ Здесь следует привести выводы известных исследователей современных глобальных процессов Эдгара Гранде и Томаса Рисса, которые они сформулировали после многолетних и системных исследований влияния процессов интернационализации на развитие национальных систем власти, экономики, культуры и т.п.: «*во-первых, исходящее от глобализации давление во многих сферах меньше, чем принято считать*. Во-вторых, от глобализации не только исходит призыв к уменьшению роли государства, но и во многих сферах интернациональной политики транснационально оперирующие акторы *требуют усиления государственного регулирования...* (курсив мой – А.М.)» (Цит. по: Бек У. Указ. раб. С. 44).

ния, право формирования и применения вооруженной силы), а также стирание государственных границ и «освобождение политического от культурной и этнической идентичности» (У. Альтерматт) следует признать не как объективную серию процессов, обусловленных глобализацией, а как продуманный *политический проект утверждения нового десоверенного миропорядка*.

В последнем варианте утверждается, будто бы для всех политических пространств характерны общие объективные тенденции, при которых «управление, имеющее кардинальное значение для рыночной экономики, не должно отождествляться с государством, ибо глобальная политика отделяет управление от государства и его органов»²⁰⁴. Данные объективные закономерности по мысли, прежде всего, западных аналитиков, приводят к повсеместному сужению роли государства в мировых процессах, стирают государственные границы и суверенитет, и на первый план выдвигают в качестве значимых субъектов глобального взаимодействия глобальное гражданское общество (лишенное этнополитической и культурной идентичности), глобальных экономических субъектов (ТНК, МВФ, ВТО, ВБ и др.), международно-правовые и политические организации (ООН, НАТО и т.п.)²⁰⁵. Именно эти организации глобальной иерархии формируют принципиально иную политико-правовую, экономическую и социальную (гражданскую) организацию, в которой государства являются лишь одним из уровней (притом не самым существенным) управления в этой глобальной иерархии институтов и структур.

²⁰⁴ См. об этом: Глобализация и государственное единство России / Б.С. Эбзеев, Р.А. Айбазов, С.Л. Краснорядцев; отв. ред. Б.С. Эбзеев. М., 2006. С. 90.

²⁰⁵ Характерный для этой позиции лозунг У. Альтерматта: «*Национально-государственное мышление и действия европейцев должны быть денационализованы* (выделено мной – А.М.)». Соответственно, следует признать в современном глобализирующемся мире объективность тенденции формирования новой формы общественной организации, освобожденной от традиционных национально-культурных пут – глобального гражданского общества. «Современные государства, – продолжает автор, – *могут существовать лишь в том случае, если они освобождают политическое гражданство от культурной и этнической идентичности* (курсив мой – А.М.)». Следовательно, объективность формирования глобального гражданского общества требует, чтобы гражданство стало исключительно политическим феноменом, лишенным какого-либо культурного или этнонационального содержания: «Гомогенность национального государства должна основываться на политических, а не на этнокультурных факторах» / См.: *Альтерматт У. Этнонационализм в Европе*. М., 2000.

В свою очередь, мы убеждены, что данная «объективация» процессов глобальной трансформации государства и права – это лишь политический проект формирования нового мирового глобального (имперского) порядка²⁰⁶, который не следует (часто невозможно) отождествлять с закономерностями эволюции государственно-правовых суверенных пространств.

Во-первых, в рамках данной позиции игнорируются очевидные теоретические положения: все социальные явления и процессы, тем более закономерности их развития и функционирования специфичны и действуют в контексте определенного пространства и времени. Не существуют абсолютно схожие, одинаковые государственно-правовые закономерности, выражающие однотипность и регулярность политических явлений и процессов. Можно лишь говорить о схожести в развитии тех или иных политических систем.

Именно познание специфических национально-культурных закономерностей развития феномена государственной власти и политического процесса позволяет отразить сопротивляемость, готовность национального материала (бытия) к тем или иным политико-правовым рецепциям и заимствованиям. Поэтому если и говорить о глобальных (выражающих наибольшую степень общности, обобщенности) государственно-правовых закономерностях, то лишь в контексте определенного государства и национального политического пространства, конкретных правовой и политической систем.

Справедливо в этом плане отмечает М. Ремизов: «Бессмысленно воевать с законами, на которых основана экспансия западного глобализма, и бессмысленно отрицать, что они, так или иначе, существуют. Но все социальные законы – и даже физические – *имеют лишь ограниченные диапазоны действия и уместны лишь внутри неких пороговых величин*. В случае физики предпосылочные “фундаментальные физические константы” их значения произвольны, то есть невыводимы ни из каких законов. И будь они иными, облик мира также был бы

²⁰⁶ Наиболее подробно о сущности, формах и процессах навязывания глобального имперского порядка см.: М. Хардт, А. Негри. Империя. М., 2004.

иним. В случае же общества эти пороговые величины можно мыслить *антропологически*» (курсив мой – А.М.)²⁰⁷.

Во-вторых, сегодня за риторическим клише «объективные закономерности глобализации государства» фиксируются не общемировые тенденции международного развития, а напротив, маскируются специфические процессы гуманитарной и экономической экспансии мировых держав, прежде всего, стратегические и тактические интересы США. Прав в этом плане С. Кара-Мурза, когда отмечает, что «сегодня речь идет не вообще о глобальных процессах в развитии человечества, а о специфическом нынешнем этапе – попытке создания Нового мирового порядка и той мифологии, которая эту попытку идеологически прикрывает»²⁰⁸.

Следовательно, нынешний этап «глобализации государства» следует трактовать как идеологический проект постсуверенного мирового политического порядка, в содержании которого лежат неолиберальная доктрина и технократический подход к социально-экономическому развитию²⁰⁹. Справедливости ради следует согласиться с З. Бауманом, который отмечал, что формирование самой идеи глобализации как нового этапа в эволюции человеческой цивилизации, связано со стремлением ведущих «мировых игроков» получить механизмы глобального управления и контроля. Она «выражала надежду, намерения и ре-

²⁰⁷ Ремизов М. Указ. соч. С. 86.

²⁰⁸ Кара-Мурза С.Г. Россия в «глобализирующемся» мире // Философия хозяйства. 2001. № 1. С. 148 – 149.

²⁰⁹ Неолиберальная модель постсуверенного порядка предполагает сужение до минимума функций и значения государственной власти; «ослабление способности государственных органов регулировать и контролировать национальную экономику и решать социальные проблемы; рост экономической и политической власти глобальных экономических игроков, в том числе, транснациональных корпораций и новых финансовых спекулянтов, которые независимы, освобождены (в том числе юридически) от ограничений и какого-либо демократического контроля; ослабление власти ООН на фоне роста власти международных финансовых организаций – ВБ, ВВФ, ВТО, над которыми также нет демократического контроля и которые выступают проводниками политики стран “большой семерки”» / Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М., 2006. С. 375.

шимость навести порядок» в его универсальном значении, «во всеобъемлющем, подлинно глобальном масштабе»²¹⁰.

В-третьих, «объективные закономерности» интернационализации и глобализации гражданского общества также следует трактовать как политический проект. Так, интерпретируемый, идеологами глобальной политической унификации всеобщий гражданский мир как лишенный национально-культурной и этнической идентификации, в том числе и национально-государственной, в своей сущности несет логическое противоречие. При этом обосновывается, что новый мировой порядок будет основан на гражданской организации (глобальном гражданском обществе), стирающей государственные границы, перерастающей национально-культурные рамки самоорганизации людей. Другими словами, происходит глобальная институционализация жизненного мира (глобальные изменения в структуре гражданского общества), представляющая собой «организацию повседневных локальных взаимодействий и социализации непосредственным (минуя национально-государственный уровень) взаимодействием макроструктур мирового порядка»²¹¹.

Однако не совсем понятно, почему этот проект использует категорию гражданственности, которая, напротив, фиксирует тесную и неразрывную связь человека, социальных групп с государством, их взаимные права и обязанности. Как в этом случае снимается предусмотренная гражданством внутринациональная организация общества и система взаимных прав и обязанностей (если угодно, взаимного «служения» в системе личность – общество – государство), не совсем ясно. Без ответа пока остается и вопрос о том, какие новые формы идентификации и общественной самоорганизации, придут на смену национально-государственным формам.

В-четвертых, тезис об объективной закономерности десоверенизации государственной власти логически предполагает исключение в качестве сущностных признаков последней трех монопольных прав: установление общеобяза-

²¹⁰ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 87.

²¹¹ Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. С. 364.

тельных норм; легальное применение государственного принуждения; формирование вооруженных сил и «независимое» использование их для поддержания порядка и безопасности. Как известно, именно данные признаки (вторичного) характера отличают государство от иных политических организаций, нивелирование их приводит к размыванию властно-правовой сущности и функционального назначения государства. При этом государство, лишенное этих монополий, практически выступает на равных с иными политическими субъектами – политическими партиями и движениями, профсоюзами, общественными организациями и т.п., особенно в контексте глобального миропорядка, где вообще отпадает смысл и социально-политическое назначение данного института.

Очевидно, что природа государственной власти и ее функциональное назначение раскрываются через сущностные характеристики, проявляющиеся в единстве его первичных (власть, территория, население/налоги) и вторичных (суверенитет, три вышеназванные монополии, символика и др.) признаков. «Изыятие» у института государства определенных функциональных признаков приводит, как известно, либо к исчезновению института, либо к его дисфункциональности. При этом дисфункциональная, институционально искаженная деятельность публично-властного института всегда вызывает процессы замещения его иными, более оптимальными эквивалентами, функциональными заместителями ²¹². Как уже отмечалось выше, суверенность означает государственную монополизацию определенных общественных функций, т.е. невозможность существования каких-либо иных (негосударственных, международных, теневых) функциональных альтернатив или функциональных эквивалентов.

В то же время проект глобального мироустройства не исключает, а, наоборот, полагает, что институт государства – необходимое звено в мировой иерархии политических институтов, среднее звено, обеспечивающее по универсальным параметрам мировой порядок, локализованный на определенной тер-

²¹² См. подробнее об этом: *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 122 – 124.

ритории ²¹³. В свою очередь, неясным остается, как сможет обеспечивать этот порядок государство, чей политико-правовой статус будет практически схож со статусом, например, политических партий. Десуверенизация государственной власти без предложения взамен иных эффективных политико-правовых структур, обеспечивающих оптимальное управление локальными территориальными единицами в рамках глобального миропорядка, представляется скорее утопической иллюзией, нежели реальным политическим проектом.

Напротив, развитие политических систем в современной международной обстановке свидетельствует об усилении функциональной роли государственной власти. В противовес теории «ослабления суверенного качества» государства наблюдаются процессы возрастания роли институтов государственной власти не только в управлении внутринациональным пространством, но и на международной арене – в урегулировании различных конфликтов. Поэтому следует присоединиться к позиции Б.С. Эбзеева, согласно которой следует говорить не об «отмирании» института государства, а о его адаптации к изменяющимся условиям функционирования: «Государству и органам еще предстоит пережить нелегкий процесс адаптации к меняющимся условиям развития глобализирующегося мира, но уже сейчас видно, что от этого зависит не только судьба государства и преодоление его, пусть и видоизмененной, однако *столь же важной, как и раньше, исторической миссии* (курсив мой – А.М.)» ²¹⁴.

Неоднозначность процессов глобальной трансформации государственной власти, разнохарактерность тенденций международного взаимодействия при

²¹³Так, интерпретируя этот проект формирования глобальной иерархии, А. Пензин отмечает: «“Империя” обозначает новую форму *глобального суверенитета* со своими органами власти, порядками иерархий и политической стратегией “вмешательства во имя универсальных ценностей”. При этом национальный суверенитет не исчезает - скорее государства качественным образом меняют свои функции, встраиваясь в разные уровни власти мировой “имперской машины”. Она образует ряд страт: на высшем уровне располагаются государство-гегемон США, “семерка” развитых держав; на среднем - транснациональные корпорации и большинство национальных государств; на нижнем - различные институты, представляющие глобальное гражданское общество (ООН, масс-медиа, неправительственные международные организации гуманитарного толка)» / Пензин А. «Революционное чудовище»: понятие множества в философии Антонио Негри [Электронный ресурс]. URL: www.situation.ru/app/j_in_34.htm/ (дата обращения: 04.04.2012 г.)

²¹⁴ Глобализация и государственное единство России. С. 105.

решении разнородных проблем и конфликтов, поиск новых форм легитимации надгосударственного вмешательства в политико-правовые процессы национальных государств, стремление к универсализации социально-экономической и культурной жизни человеческих сообществ и проч., соответственно, формируют и разные сценарии развития мироустройства.

Выше нами были рассмотрены различные подходы к обоснованию «сужения» суверенных прав государственной власти, а также связанные с этим формы институционализации коллективных (общих) интересов, подрывающие самостоятельность решения национально-государственным пространством своих внутренних и внешних проблем. Теперь, резюмируя вышеизложенное, можно выделить ряд подходов к формулированию сценариев дальнейшей глобальной трансформации государства и права, фиксации определенного мирового порядка и соответствующей системы международных отношений.

Действительно, сегодня главный спор, разворачивающийся на международной арене, связывается с тремя фундаментальными вопросами: *во-первых*, за кем закрепляется (признается) суверенное право вмешиваться во внутренние политико-правовые и социально-экономические процессы тех или иных стран?; *во-вторых*, какие формы и способы такого вмешательства следует признать легитимными?; *в-третьих*, на основании каких критериев (исходя из каких интересов) следует принимать решение о таком вмешательстве? Нижеприведенные подходы отражают разные ответы на эти три вопроса: кто, как, зачем?

Европоцентрическая модель глобализации предполагает на смену Вестфальской системе сформировать систему международных организаций и учреждений, наделенную глобальным суверенитетом. Следовательно, все суверенные права государств так или иначе невелируются при вступлении в международную общность государств, а принятие общезначимых решений и формулирование общих (коллективных) интересов станет прерогативой международных институтов.

В этом плане Европа (как глобальный политический проект) представляет собой «политический сосуд», «резервуар» для гражданской свободы различных

наций с общей правовой культурой и политической идентичностью (этнонациональная, религиозная и иная принадлежность является делом частным, индивидуальным, фактором внутреннего личностного опыта). Она не образует никакой родовой общности, а является «Европой по выбору». При этом на первый план выдвигаются права вступления в Европу, она открыта для новых членов.

Таким образом, Европа становится центром распространения демократических стандартов, основных правил взаимодействия, осуществляющим контроль и регулирование иными (не вошедшими в Европу, не реализующими европейский проект) странами, мировыми перифериями. В данном проекте предполагается, что авторитет международных неправительственных (стоящих выше всяких правительств) организаций направлен на «усомнение» в легитимности существующей власти и демократичности политического процесса в том или ином государственно-правовом пространстве. В то же время правовой характер выборных процедур и институционально-правовые основания политического процесса не будут иметь особого значения, даже сам «акт голосования граждан, достойный уважения, согласно Всеобщей декларации прав человека и гражданина, не имеет никаких юридических последствий для ОБСЕ»²¹⁵.

При этом в принципе любой государственно-правовой режим считается нелегитимным, даже если его публично-правовые институты сформированы на основе демократических процедур. Так, внешнеполитическая легитимация государственной власти может в некоторых случаях, как показала практика «цветных революций», поставить под сомнение и сами демократические процедуры, «поскольку волю избирателей может заменить авторитетное мнение международной организации, а результаты голосования окажутся нелегитимными»²¹⁶.

Справедливо в этом плане отмечает Н.А. Нарочницкая, что демократия, права и свободы человека становятся не ориентиром развития внутригосудар-

²¹⁵ Мирзоев С. Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях». М., 2006. С. 27.

²¹⁶ Там же.

ственного устройства, основой международно-политического и социокультурного обмена, а «предметом политического шантажа, вмешательства во внутренние дела суверенных государств, фарисейских манипуляций». Напротив, все чаще именем будущей демократии, глобального демократического общества «обосновывается грубое попрание права и закона как внутри собственных стран, так и в отношении государств в мировом сообществе. Тенденции же более свидетельствуют не о демократии, а о ее подмене “глобальным управлением” со стороны группы стран и некой наднациональной интеллектуальной когорты»²¹⁷.

Таким образом, в контексте этой модели демократическая легитимность больше не связывается напрямую с избирательными процедурами, волей нации и т.п., а опосредуется волей международного сообщества, неправительственных международных организаций. В этой части можно согласиться с Ф. Фукуяма, что «это международное сообщество не воплощается конкретно в каком-либо одном глобальном демократически установленном порядке, однако придает легитимность существующим международным институтам, которые отчасти его воплощают». Отсюда, справедливо полагает он, «миротворческие силы в бывшей Югославии следует рассматривать не просто как конкретные межправительственные меры по урегулированию ситуации, но скорее, как моральное выражение воли и норм международного сообщества»²¹⁸.

Ту же идею обосновывает и Генеральный секретарь ООН, когда интерпретирует сущность и значение института вмешательства: «В случае, когда вмешательство с использованием силы становится необходимым, мы должны обеспечивать, чтобы Совет Безопасности — орган, на который возложена ответственность за санкционирование применения силы в соответствии с нормами международного права, — был в состоянии справиться с этой задачей. Как я говорил во время конфликта в Косово, не должно идти и речи о выборе, с одной

²¹⁷ Нарочницкая Н.А. Демократия XXI века: перерождение смыслов и ценностей // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб., 2008. С. 6.

²¹⁸ Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2007. С. 184.

стороны, между единством в Совете и бездействием перед лицом геноцида, как это было в случае с Руандой, и, с другой – отсутствием согласия в Совете, влекущим за собой принятие региональных мер, как это было в случае с Косово»²¹⁹. Следовательно, международный институт вмешательства не требует традиционной демократической легитимации (обеспечения единства государств при голосовании по тем или иным вопросам). В данном случае международная организация сама легитимирует решение даже в отсутствие межгосударственного консенсуса.

Очевидно, что при «ослаблении», постепенном нивелировании суверенитета государств-наций международные организации и институты становятся выразителями и хранителями общего (коллективного) интереса и всеобщего блага, стоящих выше интересов и потребностей конкретной страны. Таким образом, глобальные общие интересы и потребности, международные стандарты и правила становятся доминирующими в мировой политике, обладают большей властью и легитимностью.

Имперская (американская) модель глобализации, наоборот, придерживается принципа, согласно которому международные неправительственные организации, а также международные законы, декларации и соглашения не существуют независимо от свободной государственной воли. Если первая модель развития мирового порядка наделяет международные организации статусом «хранительниц всеобщего блага», стоящего выше интересов и амбиций отдельных государственно-правовых пространств, то имперская модель напротив, исходит из ограниченности делегирования власти международным организациям.

Так, по утверждению Ф. Фукуямы американский проект глобализации и формирования имперского порядка исходит из того, что «в Америке существовал только один политический режим, который, будучи старейшей в мире непрерывной демократией, не рассматривается как переходящий политический компромисс. Это означает, что политические институты страны внушают лю-

²¹⁹ Выступление Генерального секретаря ООН Кофи Аннана // Проблема вмешательства: Две концепции суверенитета // [Электронный ресурс]. URL: www.un.org. (дата обращения: 04.04.2012 г.)

дям почти набожное почтение»²²⁰. Поэтому имперский проект глобализации предполагает универсализацию национального интереса, политических институтов, а также стандартизацию правового развития стран не на основе наднациональных ценностей и правил. Он основывается на определенном культурцивилизационном идеале государственно-правового устройства, трактуемого как единственно верный и непреходящий стандарт в мировом развитии в целом и конкретных государств в частности.

Американская модель международного политического порядка в отличие от европоцентрической не стремится демонтировать суверенность государств и легитимность их политических режимов на основании формирования более эффективных международных организаций, осуществляющих глобальное демократическое политическое управление. Дело обстоит иначе: постановка под сомнение легитимности того или иного государства трактуется с точки зрения воплощения на этом локальном или региональном (группа стран) пространстве конкретного идеала социально-экономической и политико-правовой организации. При этом предполагается ведущая роль международной державы – Америки в антикризисном и координационном управлении демократическим развитием этих пространств. В то же время некомпетентное и неэффективное управление государством в достижении этого имперского идеала автоматически подрывает качество суверенности данной государственной власти и, соответственно, легитимирует внешнее вмешательство империи во внутригосударственные политико-правовые процессы.

Причем эта логика развития глобального имперского порядка распространяется на развитие всех государств без исключения. Ее формирование началось еще в период Второй мировой войны, а после ее окончания уже был создан первый стратегический план социально-экономического и политического присутствия США в различных регионах мира, выработаны основные механизмы свержения нелегитимных государственно-правовых режимов: либо путем военного переворота, вооруженного вмешательства, либо путем демокра-

²²⁰ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 189.

тической, мирной трансформации конкретных государств на путь «догоняющего развития», т.е. неизменного следования имперскому идеалу и его политике. Так, «принято считать, – пишет по этому поводу Н.А. Нарочницкая, – что окончательное стратегическое решение США “остаться” навсегда в Европе и инкорпорировать роль, интересы и потенциал Западной Европы в свою глобальную стратегию, составной частью которой стало поощрение и европейкой интеграции, и “единой Европы”, оформилось лишь в 1946 г.»²²¹.

Неслучайно уже в более поздних исследовательских работах с тех или иных позиций, с помощью различных аргументов и суждений обосновывается необходимость постоянного «присутствия» имперской власти в развитии конкретных государств и регионов мира. Так, например, Ф. Фукуяма обосновывает, что «логика американской внешней политики после 11 сентября подводит ее к такой ситуации, при которой она либо берет на себя ответственность за руководство слаборазвитыми странами, либо передает эту миссию в руки международного сообщества»²²².

Очевидно, что в своей сущности и направленности эти два проекта формирования и развития международно-правового порядка противостоят друг другу, в редких случаях идут вместе при достижении совпадающих интересов и целей. Какой проект глобализации окажется более устойчивым в поствестфальской системе мирового развития, покажет время.

Процессы, направленные на разрушение Вестфальского мира, утверждающего суверенитет государств-наций после Второй мировой войны, инициируют формирование новой системы международно-правовых отношений под эгидой неправительственных надгосударственных (глобальных) организаций. Новейший этап развития мирового порядка связан с полной отменой суверенитета и формированием «космополитической демократической системы» и «глобального гражданского общества», которые признают фрагментарность функционирования отдельных (автономных) социумов и локальных про-

²²¹ Нарочницкая Н.А. Американские «аналитические институты»: глаза, уши и совесть Америки // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб., 2008. С. 17.

²²² Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 161.

странств и в то же время демократически унифицируют их развитие. На этом этапе формируются единые властно-правовые, социальные и экономические сети управления, а также общие принципы социальной справедливости и стандарты социально-культурного развития, правила и границы индивидуальных и коллективных действий, обобщенный интерес и всеобщее благо.

Формирующийся новый постсуверенный порядок не только по-иному интерпретирует старые ценности (права и свободы человека и гражданина, демократию, политический плюрализм, легитимность государственного принуждения и проч.) в новом глобалистическом дискурсе, но и заново трактует содержание давно устоявшихся терминов и аксиом. Очевидно, что нивелирование значимости государственного суверенитета, процессы гуманитарной интервенции, стандартизация социально-политического развития предполагают и новые формы гражданской идентичности.

Так, нивелирование этнополитических, социально-психологических и иных факторов в развитии национального политического процесса создает реальные предпосылки для формирования глобального гражданского общества (глобального сообщества), опирающегося не на некую этническую общность по происхождению и даже не на общие исторические корни, а на политическую культуру прав человека, правового государства и демократии.

Нация у современных европейских политологов уже не является основанием государства и его суверенитета, она трактуется как «сосуд для реализации гражданской свободы», а презумпция уникальности государственно-правового устройства должна уйти с авансцены истории – «национально-государственное мышление и действия должны быть денационализированы»²²³. При этом утверждается, что права и свободы граждан представляют собой действенную в современном глобализирующемся мире универсальную основу гражданской идентичности.

В этом контексте «национальный патриотизм» замещается «патриотизмом конституционным», представляющим только одну возможную форму ло-

²²³ См. об этом: *Альтернатт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000.

яльности в глобальном сообществе. Аксиоматика глобального гражданского общества определяется освобождением политической гражданственности от различных этнокультурных факторов. Справедливо в этом аспекте отмечает М. Ремизов, что в такой интерпретации «нация идентична гражданству, гражданство идентично наличию гражданских прав... Тавтологизация нации и гражданства – реальный процесс, посредством которого *общность* и *принадлежность* становятся формальными»²²⁴.

Однако представляется, что данные теоретические разработки, обосновывающие процессы формирования новой гражданской идентичности, опираются на политический опыт американского общества. Именно там была сформирована «атлантическая модель» гражданского общества, в рамках которой этнокультурная и историческая идентичность формируется преимущественно политическими институтами, конституционализмом и демократией. В современных условиях глобализации эта идея получила новое развитие, поскольку теоретически обосновывает возможность в процессе десоверенизации национальных государств формирование новой формы идентичности. Более того, развитие международных неправительственных организаций (МПО) делает этот процесс формирования вполне реальным. Именно действующие сегодня на надгосударственном уровне МПО и их огромное влияние на развитие национальных государств отражают процесс формирования нового субъекта международных политических отношений глобального гражданского сообщества.

Причем «особая категория НПО (неправительственных организаций, действующих на международной арене – *А.М.*) претендует на роль судей в вопросах мировоззрения всего общества и государственной политики. Это явный выход за пределы гражданского общества (в традиционном его понимании – *А.М.*)» - отмечает Н.А. Нарочницкая. Поэтому, как справедливо полагает исследователь, сегодня актуализируется востребованность научной оценки и политической роли процесса перерождения неправительственных организаций из институтов гражданского общества в субъектов политической и международно-

²²⁴ Ремизов М. Опыт консервативной критики. М., 2002. С. 71 – 72.

правовой деятельности, что полностью меняет «смысл и интерпретацию самого понятия гражданского общества»²²⁵.

Профиль глобального проекта гражданского общества определяется еще и тем, что различие между частным и приватным, общественным и политическим в данном проекте стирается, а плюрализм замещается политико-идеологическим давлением. Если неправительственные организации начинают играть одну из ведущих ролей в политической сфере, то значит, стирается и граница между государством и гражданским обществом. Если международные неправительственные организации в современном мире претендуют на роль форпостов демократии и безопасности, то, значит, они обязаны контролировать политический процесс и вмешиваться во всех случаях, когда течение повседневной практики нарушается фактом, противоречащим демократическим аксиомам.

В современной политической теории в аспекте глобализационных процессов государственная власть анализируется с иной теоретико-методологической точки зрения. Если ранее национальная система государственной власти выступала в качестве главного субъекта внутривнутриполитических и международных процессов, то в настоящее время она рассматривается в качестве одного из ведущих акторов всеобщей политической коммуникации, в которой участвуют наравне с институтами государственной власти, также транснациональные экономические (например, различные транснациональные корпорации, международные экономические консорциумы, международные экономические банки, союзы, организации и т.п.), гражданские (всевозможные неправительственные общественные организации, которые многими аналитиками рассматриваются в качестве глобального гражданского общества), межгосударственные военно-политические союзы и проч. Однако все эти тенденции, как было отмечено выше, не следует трактовать в качестве глобальных неолиберальных, неоантиэтатических и неоанархических направленностей в современ-

²²⁵ Нарочницкая Н.А. Демократия XXI века: перерождение смыслов и ценностей // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб., 2008. С.9.

ном космополитическом дискурсе, нивелирующих роль и значение институтов государственной власти в формирующемся глоболокальном мировом порядке.

В определенной мере прав известный зарубежный политический аналитик У. Бек, когда утверждает, что «государство уже не является *актором* интернациональной системы, а *одним из* акторов *среди других*, все же было бы неверным выплёскивать вместе с водой ребенка и вместе с критикой взгляда, сконцентрированного на национальном государстве, упускать из вида возможности действия и самообразования государства в эпоху глобализма. Метаигра властей (экономических, гражданских, государственных на мировой арене – *А.М.*) означает, что государство должно мыслиться, строиться и исследоваться как зависимое от разных обстоятельств и политически изменяемое»²²⁶.

Сегодня, очевидно, что классическая («вестфальская») трактовка суверенных качеств государственной власти подвергается кардинальной смысловой трансформации, а процессы политической стандартизации, правовой унификации и культурной типизации обуславливают модификацию институционально-нормативной роли и социально-политического значения публично-правовых институтов власти. В связи с этим суверенность и легитимность государственной власти в современном космополитическом мире становятся достаточно аморфными и подвижными концептами, содержание которых конкретизируется посредством «дополнительных характеристик», например реальной и потенциальной «силы» (экономической, политической и проч.) государства, его военно-политической мощи, институционально-правовой стабильности и устойчивости публично-правовых институтов и структур и т.д.

При этом процессы глобальной эволюции государственной власти по-иному ставят проблему уникальности и локальности национальных политических систем, активизируя процессы регионализации и провинциализации публично-властного взаимодействия, а развивающиеся практики легитимации (или делигитимации) существующих политических режимов со стороны международного сообщества обуславливают принципиально иную эпоху в разви-

²²⁶ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. С. 28.

тии национальных государств, другую геополитическую матрицу оценки существующих проблем и угроз. Выше говорилось о том, что легитимность экстраординарных ситуаций и чрезвычайных режимов обосновывается сегодня не через обеспечение целостности, единства, стабильности института государства, а посредством международного санкционирования, т.е. признание этих действий как необходимых для сохранения, продвижения глобального порядка и соответствующей западноевропейской идеологии.

Эти противоречия, по нашему мнению, приводят (особенно на постсоветском пространстве) к ослаблению международной правовой и политической роли и значения государства, к повсеместному развитию межтиповой (с преобладанием функциональных искажений и деформаций в развитии системы государственной власти) модели трансформации публичных органов власти. Кроме того, это межтиповое состояние государственно-правовой организации может быть вызвано не только стремлением элитарных сил перейти к новому, *прогрессивному устройству* (например, политические системы Польши, Румынии, Болгарии и т.п.), но и *регрессивной направленностью* (например, восточные «псевдо»демократические системы государственной власти – Таджикистан, Казахстан и др. ²²⁷), стремлением на уровне публично-правовой политики реализовывать проект резкого (или постепенного) возврата к прошлым устойчивым политико-правовым формам организации, стабильным властно-правовым моделям и способам взаимодействия в обществе.

Еще раз подчеркнем, что, как на идейно-концептуальном уровне, так и на уровне научной практики, в современной политической риторике подчеркивается возрастающее значение регулирующих мероприятий и программ государственной власти, направленных на преодоление кризисных явлений, противоречий, конфликтов, а также обеспечение социального порядка, стабильности и устойчивого развития общественной системы.

²²⁷ См. об этом подробнее: *Фурман Д.Е.* Движение по спирали. Политическая система России в ряде других систем. М., 2010.

Однако степень такого властно-управленческого вмешательства в общественные процессы и его влияние на регламентацию социальной жизнедеятельности зависит от национальных традиций, сложившихся публично-правовых практик взаимодействия общества и государства, а также предпочтений, интересов и потребностей населения. Поэтому постклассические концепции эволюции институтов государственной власти, нивелирующие его суверенные качества, обосновывающие размывание традиционной роли и значение данного института, трансформацию его компетенций, следует трактовать не просто как вызов самостоятельности, независимости, целостности национальной государственности, но и как угрозу дальнейшего существования государственно-организованных форм жизнедеятельности. Считаем, что ориентиры дальнейшего государственного строительства и укрепления политических систем связаны с развитием концепции стабильности и устойчивости публично-правовых институтов власти, форм и моделей взаимодействия в системе личность – общество – государство, обеспечивающих преемственное воспроизводство национально-культурной целостности и идентичности в стандартизирующемся и унифицирующемся мире, а также самостоятельность в принятии общенациональных управленческих решений и реализации правовой политики.

Глобальная трансформация государства, права, гражданского общества и доктрины прав человека, несомненно, делает вызов национальной государственной власти, ее суверенитету, независимости ее функций, приоритетов деятельности и проч. В то же время «основные задачи, которые решает государство, остаются – создание законодательной базы, создание сбалансированных общих условий макроэкономической стабильности и соответствующей политики, обеспечение основополагающей инфраструктуры и социальных услуг, – вместе с тем появляются новые черты в деятельности государства»²²⁸. Безусловно, глобализация качественно обогатит и усложнит роль государства, но

²²⁸ *Осьмова М.Н.* Глобализация мирового хозяйства и эволюция экономической роли государства / Под ред. М. В. Кулакова и М.Н. Осьмовой. М., 2001. С. 5.

вряд ли данный институт утратит свое доминирующее положение в международном взаимодействии и в управлении внутринациональными процессами.

Завершая данный параграф, отметим, что если систематизировать существующие на сегодняшний день прогностические модели развития государственной власти и попытки научно-практического моделирования ее эволюции, то можно выделить три основных направления:

1) *прагматическое*, связанное с интенсификацией взаимосвязи и взаимозависимости национальных систем государственной власти, при реализации своих внутренних и внешних функций. Данное направление предполагает развитие международного политико-правового и социально-экономического взаимодействия, направленного на обеспечение устойчивости национального государственно-правового пространства, базовых институтов, ценностей и т.д.;

2) *унификационное*, основывается на сближение и унификации политических и юридических форм и средств коммуникации, распространение и институционализацию единых правовых и иных стандартов и требований в развитии локальных социально-политических пространств;

3) *космополитическое*, ориентированное на качественную трансформацию публично-правовых форм организации власти, в контексте которой институт государства перестает «создавать общий порядок взаимоотношений» (У. Бек) и стимулирует принципиально новые космополитические принципы организации человеческой жизнедеятельности и новые (революционные) формы социальной интеграции и идентичности, которые должны быть концептуально и политически освоены вне старых категорий национального и интернационального.

1. Универсалистский проект. В настоящее время при анализе форм, обеспечивающих социально-политическое единство, особенно в западноевропейском геополитическом пространстве, задающим «тон» исследовательским проектам, происходит явное игнорирование потенциала государственной организации. Формулируются либо инновационные (неолиберальные) формы политической коммуникации, где государственной власти отводится весьма малое

место (т.е. воспринимается в качестве одного из акторов, участников публично-властного взаимодействия); либо революционные (неомарксизм и неоанархизм) формы политического единства, лишаящие государственную власть какого-либо социального значения в будущем.

В первом случае речь идет о так называемой сервисной концепции государства и глобальной неолиберальной конституционно-правовой интеграции. Государственная власть в данных направлениях не является единственным актором в международно-политической коммуникации ²²⁹, выступает либо «на равных» с локальными или глобальными институтами гражданского общества и иными неправительственными организациями; либо вообще выполняет обслуживающую (сервисную) роль в реализации социальных интересов, запросов, потребностей и т.п.

В этом случае реализуется умеренный транснациональный политический дискурс, обосновывающий упадок государственно-правовых форм публичного взаимодействия, механизмов обеспечения социальной целостности и идентификации. И на этом фоне устаревшие политико-правовые формы и механизмы открывают пространства для *реванша глобального гражданского общества*. При этом тотальность юридико-политической организации нации, представленная и поддерживаемая государственной властью, заменяется глоболокальными социальными организациями, функционирующими в свободном, мобильном режиме (т.е. постоянно изменяются и усложняются, распадаются и самоорганизуются, выходя за границы суверенных территорий), где рамки их социально-политической активности больше не связываются с государственным нормированием, а подчиняются общей (стандартизированной) «конституционно-правовой идентичности» (Ю. Хабермас).

Другими словами универсальная концепция прав человека и общие социально-правовые границы терпимости, лишённые устаревших национально-государственных и религиозно-этнических параметров, формируют новый «ре-

²²⁹ *Cohen S.* The resilience of the state: Democracy and the challenges of globalization. L.: Rienner, 2006.

зервуар» политической коммуникации и «освобождают политическое взаимодействие от культурной и этнической идентичности»²³⁰. В тоже время подчёркивается, что эти политические тренды не уничтожают полностью государство, а качественно изменяют его роль, значение и функции в третьем тысячелетии. В целом «стратегический реванш гражданского общества» и освобождение от суверенного юридико-политического кодирования общественных процессов «не изменяет либеральным целям, но разрушает цивилизационные пути... исходя из принципов блага мирового сообщества»²³¹ и «возвращает человека к принципам свободного развития»²³².

Возникает резонный вопрос: если инновационные формы политической интеграции и коммуникации основаны на свободе и мобильности институтов гражданского общества, построенных по сетевому принципу и движущихся к оформлению в единое мировое сообщество²³³, то какова роль и социальное назначение государства и его институтов в XXI столетии? Ответ этот содержится в оформляющейся концепции сервисного государства, где роль последнего

²³⁰ *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000.

²³¹ *Хабермас Ю.* Расколатый запад. М., 2008. С. 31

²³² *Хомский Н.* Государство будущего. М., 2012

²³³ В этом плане следует достаточно критически оценить появляющиеся в рамках государственного исследования исследовательские проекты, обосновывающие новый вид публично-властной организации общества – «сетевое государство». Во-первых, принцип подвижности и сетевой организации в современном политическом дискурсе относится, прежде всего, к описанию функционирования гражданских институтов и мирового сообщества (глобального гражданского общества), а также подвижных и мобильных сценариев идентификации (локальных сетевых сообществ). Во-вторых, сетевые формы, мягко говоря, противоречат принципам организации и функционирования государственной власти, основанной на стабильности, устойчивости и властно-правовой иерархичности. Соответственно, их отмена ведет к исчезновению самого государства и публичной власти как социально-политических феноменов. В-третьих, часто происходит подмена сущности публичной власти и форм ее проявления, организации и функционирования. Так, электронные способы публично-властного взаимодействия и сетевые формы властной активности с использованием ИТК выражают лишь специфические закономерности, политические тренды развития, отдельные аспекты функционирования публично-властного взаимодействия в общества. И поэтому, внешние явления и специфические закономерности не совпадают и не могут в полном объеме выражать сущность государства или государственной власти. Следовательно, «сетевое государство», «виртуальное государство» и др. это достаточно спорные понятия и скорее представляет собой научные метафоры, а не сущностные характеристики современного государства. Считаем, что сетевое публично-властное взаимодействие следует рассматривать в качестве одного из принципов оптимизации управленческого процесса и форм политической коммуникации, характерных только для определенных сфер предоставления публичных услуг.

сводится к публично-правовому субъекту, оказывающему социально значимые услуги, гарантирующему и координирующему их реализацию, используя различные общественные ресурсы (символические, физические) и управленческие технологии, основанные на развитых ИТК. Сегодня сервисный подход к трансформации государственного управления, шире к современному реформированию публично-правовых органов власти и управленческого процесса, является доминирующей инновационной стратегией в посткапиталистическом политико-правом мышлении и основной программой преобразований в информационном обществе.

В тоже время считаем, что сервисная концепция государства и оптимизации управленческого процесса по своей сути является *переходным (межтиповым) феноменом* («открывающим двери» в третье тысячелетие), поскольку неолиберальные тенденции в политике многих зарубежных государств ведут к тому, что существенно сужается сам массив, оказываемых государством услуг. В настоящее время, как правило, «отдельные виды общественных услуг либо приватизируются, либо отдаются на откуп компаниям-подрядчикам»; и даже в тех случаях, когда общественные услуги остаются за государственной властью они «предоставляются так, как если бы этим занималась частная компания»²³⁴. При этом тотальная политизация и экономизация публичной сферы в обновленной концепции минималистского государства ведет к тому, как справедливо отмечает Колин Крауч, что «подобно призрачной компании, правительство постепенно старается избавиться от всякой непосредственной ответственности за предоставление общественных услуг, способной испортить его репутацию» и старается максимально виртуализировать свою публичную активность (например, интенсифицировать властное взаимодействие с обществом и личностью с помощью мобильных электронных и сетевых ресурсов).

Если структурно представить этот оформляющийся политический метанарратив, то можно условно выделить три основных уровня его развития: 1) метадискурс – неолиберальные парадигмальные основания, обосновывающие

²³⁴ Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С. 60.

формирование новых доминирующих субъектов публично-властного взаимодействия – международные корпоративные структуры и глобальное гражданское общество; 2) мезодискурс – идейно-концептуальные основы государственности, связанные с сервисной организацией государства с преобладанием интерактивных систем и виртуальных технологий во властно-управленческой деятельности (e-democracy, e-services); 3) микродискурс – практика организации и функционирования публично-правовых институтов власти и интерактивные формы политической коммуникации (e-public network, e-public administration)²³⁵.

Во втором случае речь идет о кардинальной смене как направления развития публичной организации, так и форм социальной интеграции, которые не связаны с функционированием государственной власти и лишают ее какого-либо значения в будущем. Соответственно, если государству отказывают в «исторической миссии», то формы социальной интеграции и политической коммуникации обосновываются в принципиально новых понятиях и категориях, не связанных с «национально-государственной методологией» (У. Бек).

Так, в неомарксистском политическом дискурсе в качестве новой формы социальной организации выступает «множество», которое «не противопоставляется Единству, но заново его определяет». Однако такое единство «не является больше Государством, а становится скорее языком, интеллектом, общими способностями, присущими человеческому роду»²³⁶. При этом множество рассматривается и как новая форма политической коммуникации, не отменяющая классы, но по иному их структурирующая; и как «индивидуация универсального, родового, разделяемого». Эта новая индивидуальная практика создает принципиально иные формы коллективной жизни и альтернативные социальные порядки, не связанные уже с государством.

Здесь индивидуальность трактуется в качестве *оригинальности* политических акторов, которая не может быть сведена к старым формам единства (на-

²³⁵ Мамычев А.Ю. Электронное государство и сервисная концепция модернизации публично-властной деятельности: архитектура и перспективы развития // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 5. С. 82 – 86.

²³⁶ Вирно П. Указ. раб. С. 17.

ционально-государственной идентичности, народу и т.п.), а коллективное – как специфическая публичная активность личности по отношению к общему благу. С точки зрения М. Хардта и А. Негри множество это одновременно и индивидуализация и подвижная самоорганизация в глобальное целое: «Общее является одновременно и естественным, и искусственным... Нет такой личности, которая не конструировалась бы во множестве. Нет коммуникации, которая не имела бы всеобщего характера... Активность таких личностей следует считать матрицей свободы и множественности для каждого из них. Тут демократия становится непосредственной целью, и ее нельзя, как раньше, оценивать в либеральных терминах – как предел равенства, или же в социалистических – как меру свободы. Отныне она должна стать *радикальным выражением как свободы, так и равенства* – без всяких ограничений (курсив мой – А.М.)»²³⁷.

Неоанархизм также представляет политический проект радикального переосмысления сущности государства, его значение и роли в будущем общественном устройстве. Доминантами современного анархизма является, как впрочем и в прошлом, антигосударственная ориентация (в основном базирующаяся на эволюционном снижении роли и значения государства как социально-политического института), а также антинационализм и десоверенность в развитии социальной организации. Здесь также обосновывается самоорганизация локальных сообществ и свобода в глобальные движения по формированию общемирового общества.

В свою очередь государственно-властная организация со временем должна эволюционировать в публичные институты, обслуживающие локальные сообщества (это интеллектуальная установка во многом схожа с сервисной концепцией государства). В подавляющем своем большинстве неоанархическая мысль представляет собой «теорию рассеивания государственной власти», предполагая искоренение властно-иерархических центров. Иначе говоря, обосновывается, что публичная власть должна быть «распылена» по свободным со-

²³⁷ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 273, 420 – 421.

обществам, которые не интегрируются ни в какие целостности. Несмотря на то, что последнее утверждение более или менее свойственно классической анархической мысли, принципиальное отличие новейших теорий заключается в постулировании постоянной изменчивости, присущей динамике этим свободным локальным сообществам. Так, договорные свободные союзы довольно быстро выстраиваются по сетевому принципу, изменяются и разрушаются, образуя новые конфигурации общностей, т.е. по своей сути являются *нестабильными* и *непредсказуемыми*. Их развитие «идет не в глубину или ввысь», они не выстраиваются во властно-иерархическую целостность и упорядоченность, а постоянно расширяются, изменяются и мутируют по горизонтали в виде ризоморфной (нелинейной), «клубневой организации» как у Делёза и Гваттари.

«Ризоморфность» – это *новый принцип неоанархической публичной организации*, утверждающий принципиальную внеструктурность, нелинейность и горизонтальный принцип развития (расширения): «ризомы развиваются, варьируются, расширяются, захватывая, схватывается, внедряясь». Ризоморфный принцип развития предполагает постоянное «преобразовательное и субъективное измерение», противостоящее каким-либо семантическим центрам и «центрирующему единству кода» (например, юридико-политический порядок, поддерживаемый суверенным государством)²³⁸.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для понимания современного неоанархического проекта «рассеивания публичной власти», поскольку сами сообщества мобильны и ризоморфны, то они не допускают (*не создают условий!*) для формирования властно-иерархических центров. Свободные сообщества постоянно изменяются, трансформируются и соответственно нелинейно развиваются публичные институты, обслуживающие эти динамичные процессы, интересы, установки и проч. Неслучайно сегодня происходит интенсивное становление теорий рискогенного и нелинейного управления общественными процессами. При этом нестабильность становится новой доминантой политического процесса, а рискогенность – новым направлением в мо-

²³⁸ См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. М., 2007.

дернизации политических технологий управления. Так, например, обосновывается, что всем «необходимо научиться жить без устойчивых ориентиров, долгоживущих факторов порядка, общепризнанных авторитетов». Поэтому необходима внятная теория, формирующая формы, процедуры и методы постоянного воссоздания «нелинейных общностей», управления с меняющимися приоритетами и проч., способная «брать» под контроль постоянно изменяющуюся и рискогенную общественную среду²³⁹.

2. В свою очередь **космополитический проект** также ориентирован на качественную трансформацию публично-правовых форм организации власти. При этом космополитические формы аналогично обосновывают гибкость и подвижность властных структур, «сетевой методологии организации» публично-властного взаимодействия, которые должны прийти на смену «национально-суверенной методологии» познания и конструирования социальной организации:

При этом постоянно изменяющийся интернациональный порядок уже не базируется на традиционных основаниях юридикко-политической целостности, поскольку в нем отрицаются «представления о естественных, замкнутых в себе целостностях, которые нельзя выбирать, которые уготованы (или не уготованы) тебе судьбой. Космополитический реализм отвергает также представление, будто укорененность в этнической или национальной целостности есть естественное и потому здоровое состояние человека в мире». Поэтому задачей политической и правовой наук является необходимость «проанализировать, в каком смысле государства (и понятие государства) лишаются своего ядра и как они заново определяются и трансформируются в своих значениях и функциях», в глобальном мировом порядке. Все эти процессы «превращают фрагментарное по национально-государственному принципу властное пространство в непризнающее границ пространство мировой внутренней политики»²⁴⁰.

²³⁹ Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М., 2009. С. 7 – 10.

²⁴⁰ Там же. С. 47, 88.

Однако следует отметить, что глобальные «адаптивные» структуры власти, постоянно изменяющиеся, переструктурирующиеся и адаптирующиеся к резко меняющимся условиям, возникающим конфликтам, рискам и т.п. весьма слабо проработаны в современной политико-правовой науке, отсутствуют и практические примеры их эффективного и подконтрольного функционирования. В большей степени моделирование таких новых структур публичной организации находятся на стадии теоретико-концептуального оформления и поэтапной институционализации в международной политической коммуникации.

В целом можно высказать гипотезу о том, что «современная увлеченность» рисками, кризисами и конфликтами, а также технологиями управления нестабильными ситуациями, трактуемые как естественное состояние развития социальных систем (в противовес, например, эпизодическим, чрезвычайным ситуациям, режимам как у К. Шмита) формирует устойчивую установку на «упадок суверенных качеств государства», актуализацию альтернативных политико-правовых проектов организации. И в конечном итоге к формированию таких условий, при которых суверенное юридико-политическое кодирование порядка и стабильного воспроизводства цивилизационных сообществ будет вполне естественно трактоваться как нонсенс (т.е. как то, что не соответствует реальности, как важный, но пройденный этап социально-правовой организации, достойный памяти и важного места среди иных «музейных экспонатов»).

3. В рамках **прагматического проекта** обосновывается, все политические явления и процессы в контексте социокультурной эволюции специфичны и действуют в контексте определенного пространства и времени. В связи с этим утверждается, что не существует абсолютно схожих, одинаковых трендов социокультурной трансформации государственной власти²⁴¹. В этом плане можно лишь говорить о схожести в развитии тех или иных политических и правовых систем и режимов. Поэтому, с точки зрения исследователей данного направления политико-правового моделирования, глобализация качественно обогатит и

²⁴¹ См. об этом подробнее: *Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю.* Государственная власть: парадигма, методология и типология (в двух частях). М., 2013.

усложнит роль государственной власти, ее институционально-функциональную структуру, а институт государства вряд ли утратит как свое доминирующее положение в качестве центрального субъекта политической системы, так и ведущую роль в международном политическом процессе.

В тоже время «изъятие» у института государства основных функциональных обязанностей приведёт к дисфункциональности его институтов и к нестабильности политического процесса. С точки зрения прагматической установки необходима разработка правовых конструкций и политических форм, адекватно описывающих современное функционирование институтов государственной власти и стратегию их развития в глобализирующемся мире, а также критериев и характеристик, типологизирующих «суверенные качества» государственной власти, уточняющих их реальность (или номинальность), фактичность (виртуальность) и т.д. Неслучайно в современных юридико-политических исследованиях все чаще начинает использоваться концепт «сила государственной власти», который выражает потенциальную и реальную способность государственной власти самостоятельно и независимо определять цели и задачи развития национального политико-правового пространства, «диалогически» участвовать в международно-правовой политике и на равных выступать в качестве одного из «архитекторов» международной системы безопасности, ведущего субъекта глобальной политэкономической системы.

Ясно одно, что в настоящее время происходит разработка правовых конструкций и политических форм, адекватно описывающих современное функционирование институтов государственной власти и перспективы их развития в космополитическом мире, критериев и характеристик, типологизирующих «суверенные качества» государства, уточняющих их реальность (или номинальность), фактичность (виртуальность) и т.д. Так, например, концепт «сила государства» в современных условиях явно или неявно выражает потенциальную и реальную способность государственной власти самостоятельно и независимо определять цели и задачи развития национального политико-правового пространства, «диалогически» участвовать в международно-правовой политике и

на равных выступать в качестве одного из «архитекторов» международной системы безопасности, ведущего субъекта глобальной политэкономической системы. В то же время, как это обосновывалось выше, доминирование этой тенденции в трансформации институтов государственной власти обуславливает развитие негативных политических процессов, связанных с отходом от первичности демократических прав и свобод к доминированию «*постдемократической концепции безопасности*», основанной на силовых характеристиках функционирования глобальных политических акторов²⁴².

Однако с нашей точки зрения, лишь суверенное качество государственной власти обеспечивает сохранение относительной стабильности и демократичности в международно-политической коммуникации, «дает формально юридически одинаковую, равную возможность всем государствам БЫТЬ в нынешнем мире», - справедливо отмечает В. Зорькин. В то же время эта качественная характеристика может быть развита по-разному: «Как сами государства фактически реализуют этот принцип на практике – это вопрос практической политики. Политического искусства... Де-факто сейчас уровень суверенности Соединенных Штатов и других стран, в том числе и России, видимо, разный. Но если мы будем отрицать государственный суверенитет как меру должного, как юридический принцип современного миропорядка, тогда судьбу России (как, впрочем, и многих других стран, не входящих в “золотой миллиард” – А.М.) будут решать не в ней самой, а извне»²⁴³.

²⁴² Так, Данило Дзоло характеризует этот проект формирования «постдемократической концепции безопасности», как переход от политико-правовой модели «социального государства карательному». Другими словами, «происходит переход от положительного понимания безопасности к отрицательному. Это понятие все меньше отождествляется с идеями социальной принадлежности, солидарности, взаимопомощи, демократического признания суверенности личности и ее участия в общественной жизни; в противовес ему утверждается постдемократическая концепция безопасности как прямой защиты индивидов от возможных актов агрессии и как полицейских репрессий с целью сурового наказания нарушений... объявлена война всякой нестандартности в поведении, даже малейшей, проявляемой маргинальными субъектами – «чужими», которые не хотят следовать господствующим образцам социального конформизма, и потому на них возлагают всю ответственность за беспорядки и отсутствие безопасности» / Дзоло Д. Постдемократия и сложность: реалистический подход. М., 2010. С. 14 – 15.

²⁴³ PRO суверенную демократию: сборник. М., 2007. С. 287.

Справедливо в этом контексте отмечает политический аналитик Майкл Уолцер: «Признание суверенитета – это единственный способ создать арену, на которой можно бороться за свободу... Именно эту арену и те действия, которые разворачиваются на ней, на и хочется защитить; и мы защищаем их так же, как мы защищаем индивидуальную целостность, прочерчивая границы, которые нельзя пересекать, закрепляя права, которые нельзя нарушать. Как в случае с индивидами, так и в случае с суверенными государствами есть определенные вещи, которых с ними делать нельзя, пусть даже и во благо им»²⁴⁴.

Данный стиль политического мышления не мыслит различные социальные организации, их властно-иерархическое строение вне целостности и локализованности, в рамках которых формируется и воспроизводится определённый порядок взаимодействия²⁴⁵. Поэтому предлагаемые «в новейших» политических исследованиях принципиально иные космополитические формы организации и взаимодействия, основанные на гибкости и подвижности властных структур, сетевой методологии организации публичного взаимодействия, которые должны прийти на смену «национально-суверенной методологии» познания и конструирования социальной организации, довольно слабо поддаются

²⁴⁴ Walzer M. Just and Unjust Wars. NY: Basic Books. 1977. P. 89.

²⁴⁵ Традиция политического мышления, заложенная в Древней Греции, гласит, что организованное пространство – это особое структурированное, расчерченное и сбалансированное существование всех вещей в мире. Оно вытесняет за свои границы хаос (воспринимающийся как «не-бытие», где все растворяется и перемешивается), не давая ему прорваться в *целостное и упорядоченное пространство бытия*. В древней мифологии космический порядок вообще воспринимается как пространство, в котором *все вещи организованы и упорядочены*, в чем имеют, соответственно, своё существование (артикуляцию в социальном бытии). В силу этого порядок учитывает различные проявления хаоса, который стремится прорваться в «упорядоченное пространство» как через *внешние границы* (греки считали, что космос окружен «не-бытием», т.е. хаосом, в рамках которого ничего не может существовать!), так и через *внутренние* конфликты: «Вещи стремятся к абсолютному существованию за счёт других, переходя собственные границы, ломая предел и теряя чувство меры» (Исаев И.А. *Метафизика Власти и Закона: у истоков политико-правового сознания*. М., 1998. С. 43). Следовательно, греки утверждали, что не может ничего существовать вне целостного порядка, локализованного и выраженного в определенных и устойчивых структурах взаимодействия, а политическая жизнь выражена в полисе и управлении им. Именно в этом взятом порядке проявляется «логос», ассоциирующийся с процессом познания, познание – с политикой: «государство будет справедливым, - говорит Платон, - если оно сильно и едино, т.е. стабильно. Отсчет справедливости начинается с порядка» (Исаев И.А. *Politica hermetica: скрытые аспекты власти*. М., 2003. С. 17, 49).

осмыслению и тем более концептуализации в политической теории. Глобальные «адаптивные» структуры власти, постоянно изменяющиеся, переструктурирующиеся и адаптирующиеся к резко изменяющимся условиям, конфликтам, рискам и т.п. весьма слабо проработаны в современной политической науке, не говоря уже о практике. Более того, перспективы развития таковых структур и основанного на них глобального порядка весьма туманны и крайне непродуктивны.

Итак, сформулируем основные выводы и положения по данной части работы:

- *во-первых*, следует выделить три основных тенденции развития государственной власти в глобализирующемся мире: 1) *прагматическая* связана с интенсификацией взаимосвязи и взаимозависимости национальных систем государственной власти, при реализации своих внутренних и внешних функций, а также предполагает развитие международно-политического и социально-экономического взаимодействия, направленного на обеспечение устойчивости национального политического пространства, базовых институтов, ценностей и т.д.; 2) *унификационная*, предполагает сближение и унификацию политических форм и средств коммуникации, распространение и институционализацию единых политических стандартов и требований в развитии локальных социально-политических пространств; 3) *космополитическая*, ориентированная на качественную трансформацию политических форм организации власти, в контексте которой институт государства перестает «создавать общий порядок взаимоотношений» (У. Бек) и стимулирует принципиально новые космополитические принципы организации человеческой жизнедеятельности, которые должны быть концептуально и политически освоены вне старых категорий национального и интернационального;

- *во-вторых*, структурно представить оформляющийся глобальный политический метанарратив в виде трех основных уровней его развития: 1) метадискурс – неолиберальные парадигмальные основания, обосновывающие формирование новых доминирующих субъектов публично-властного взаимодейст-

вия – международные корпоративные структуры и глобальное гражданское общество; 2) мезодискурс – идейно-концептуальные основы государственности, связанные с сервисной организацией государства с преобладанием интерактивных систем и виртуальных технологий во властно-управленческой деятельности (e-democracy, e-services); 3) микродискурс – практика организации и функционирования публично-правовых институтов власти и интерактивные формы политической коммуникации (e-public network, e-public administration);

- *в-третьих*, процессы развития глобальной политической коммуникации, связаны с институционализацией новых акторов взаимодействия, а также с изменениями привычных форм и технологий публичного управления, механизмов признания и одобрения общественно значимых решений. Однако, по нашему заключению, данные изменения не ведут к существенному снижению роли и значения государственной власти. Поэтому, политические проекты, направленные на обоснование постепенного отмирания института государства, стирание государственных границ и «освобождение политического от культурной и этнической идентичности» (У. Альтерматт), следует трактовать в качестве космополитической стратегии формирования нового десоверенного миропорядка. К основным таковым стратегиям, как было показано выше следует отнести: 1) европоцентрическую модель, где все суверенные права государств нивелируются при вступлении в международную космополитическую общность, а принятие общезначимых решений и формулирование общих (коллективных) интересов становится прерогативой международных европейских институтов; 2) имперскую (американскую) модель, которая не стремится демонтировать суверенные и легитимные качества государственной власти, однако, ставит их в зависимость от воплощения и обеспечения универсальных политических и социально-экономических стандартов, «имперского идеала»;

- *в-четвертых*, по нашему заключению, политические явления и процессы всегда разворачиваются в контексте социокультурной эволюции, они специфичны и действуют в контексте определённого пространства и времени. В связи с этим не существует абсолютно схожих, одинаковых трендов социокультурной

трансформации государственной власти. В этом плане можно лишь говорить о схожести в развитии тех или иных политических систем и режимов. Поэтому, с точки зрения автора, глобализация качественно обогатит и усложнит роль государственной власти, её институционально-функциональную структуру, а институт государства вряд ли утратит как своё доминирующее положение в качестве центрального субъекта политической системы, так и ведущую роль в международном политическом процессе. В свою очередь, «изъятие» у института государства основных функциональных обязанностей приведёт к дисфункциональности его институтов и к нестабильности политического процесса. Следовательно, необходима доктринальная разработка правовых конструкций и политических форм, адекватно описывающих современное функционирование институтов государственной власти и стратегию их развития в глобализирующемся мире, а также критериев и характеристик, типологизирующих «суверенные качества» государственной власти, уточняющих их реальность (или номинальность), фактичность (виртуальность) и т.д.;

- в-пятых, в качестве таковых критериев целесообразно использовать концепт «сила государственной власти», который выражает потенциальную и реальную способность государственной власти самостоятельно и независимо определять цели и задачи развития национального политико-правового пространства, «диалогически» участвовать в международно-правовой политике и на равных выступать в качестве одного из «архитекторов» международной системы безопасности, ведущего субъекта глобальной политэкономической системы.

ГЛАВА 5. ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА И ВОСПРОИЗВОДСТВА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В современной политической действительности доминируют два основных проекта трансформации системы российской государственной власти: консервативный и модернизационный. Каждый из них представляет не только систему политических представлений, идей, образов и символов (идейно-политическую платформу развития властных отношений), комплекс форм и принципов организации политического процесса, но и специфическую систему публично-властных практик. Здесь следует пояснить, что процессы политической трансформации рассматриваются в качестве более широкой категории, чем понятие «модернизация», которая является одним из видов трансформационных процессов. Дело в том, что трансформация трактуется нами как эволюционное, революционное (скачкообразное) или маятниковое развитие политических институтов, системы властных отношений.

Причём понятие «модернизация» имеет очевидную социокультурную нагрузку, поскольку опирается на определённый, *образец* (образ, модель и т.п.) политической трансформации, сформированный в определённых конкретно-исторических условиях и преемственно развивающий специфический стиль политического мышления и государственно-правовой организации²⁴⁶. Другим аналогом трансформационных процессов выступает консервативная идейно-политическая платформа. При этом следует отметить, что в консервативных интеллектуальных и политических проектах происходит интеграция традици-

²⁴⁶ Справедливо в этом плане отмечает А. Дугин, когда пишет, что начиная с определенного времени, Европа и модерн становятся синонимами. И теперь мы говорим: Европа, «европеизация», понимая под этим новую парадигму, т.е. «модерн» и «модернизацию». При этом задачей «модернизации» как процесса является разрушение системности, структурности и целостности предшествующих парадигмальных состояний, т.е. традиционной парадигмы социального, политического и правового устройства (См.: Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М., 2009. С. 53, 69).

онных ценностей, символов, верований и т.д. с неизбежными процессами эволюции политической организации.

В этом плане, мягко говоря, некорректно обвинять консерваторов в негативном отношении к социальным инновациям, проектам реформирования политической организации, ко всему новому в целом. Консерватизм, как это в свое время обосновал Л.А. Тихомиров, нацелен вовсе не на застой, а на развитие человеческой организации (публично-правовой, духовно-нравственной, социально-экономической), но на развитие, не отрекающееся от прошлого, а, наоборот, предполагающее и опирающееся на традиционный культурно-исторический опыт²⁴⁷. В отличие от фундаментализма и традиционализма, которые ориентированы на регрессивное движение политического, т.е. восстановление изначальной универсальной (примордиальной) традиции, утраченных форм и моделей общественного взаимодействия²⁴⁸, что предполагает негативное отношение ко всяким изменениям, инновациям, трансформациям, консерватизм, напротив, «не требует сохранения традиции неизменной несмотря ни на что, он лишь стремится ввести эти изменения в рамки “естественного развития” самой традиции»²⁴⁹.

Более того, одним из основных программных положений различных политических учений являлась консервативная трансформация политической жизни общества, направленная на формирование адекватных и органичных культуре публичных институтов власти, форм организаций, отвечающих интересам и ценностям общества. Поэтому словосочетание «консервативная транс-

²⁴⁷ Прав этом плане М.Н. Лукьянов, когда отмечает, что не следует отождествлять консерватизм с резким неприятием каких либо-перемен, с отрицательным отношением к процессам реформирования политической жизни общества. Конечно, «резкая критика реально существующих институтов вполне совместима с консерватизмом. Справедливо и обратное утверждение: поддерживать любой реально существующий порядок – не обязательно означает быть консерватором. Очевидно, что консерватизм в принципе не означает противодействия изменениям» / *Лукьянов М.Н.* Консервативная научная интеллигенция и власть (1907 – 1914) // *Власть и наука, ученые и власть: 1980-е – начало 1920-х: материалы Международного научного коллоквиума.* СПб., 2003. С. 343 – 344.

²⁴⁸ См. об этом: *Генон Р.* Символы священной науки. М., 2002; *Он же.* Символика креста. М., 2008; *Дугин А.Г.* Философия политики. М., 2004 и др.

²⁴⁹ *Никитаев В.* Повестка дня для России: власть, политика, демократия // *Логос.* 2005. № 5 (50). С. 53.

формация» – это не феномен постмодернистского дискурса, совмещающего несовместимое, сочетающего противоположности и т.п., а реальная программная установка консервативного политического мышления: «Безапелляционное противопоставление традиции и модернизации, – отмечает по этому поводу исследователь консерватизма А.В. Репников, – возникает в том случае, если с понятием «модернизация» связывается исключительно заимствование зарубежного опыта, а под традицией понимается приверженность ко всему старому и отжившему в социально-политической и общественной жизни. В этом случае вместо понятия “консерватизм” более уместно употреблять понятие “реакция”», консерваторы не пытаются противостоять переменам, они пытаются сделать их управляемыми. Поэтому, продолжает исследователь, «консерваторы видели пути решения проблем, стоящих перед страной, не в радикальной революционной ломке, а в опирающемся на национальный опыт постепенном эволюционном реформировании системы»²⁵⁰.

Предваряя более обстоятельный анализ различных модернистских и консервативных идеологических платформ и конструируемых на их основе стратегий преобразования российского политического пространства, укажем на их общие (схожие) характеристики, а также на принципиальные различия между ними. Итак, *общим*, безусловно, является обоснование необходимости изменений, ориентация на оптимизацию, совершенствование, улучшение форм политической организации, поиск адекватных и эффективных средств и механизмов управления, решения социальных задач и проч. *Отличий* на самом деле гораздо больше, и они более серьезны и принципиальны, чем принято сегодня считать²⁵¹. К таковым различиям, обобщенно говоря, можно отнести следующее:

²⁵⁰ Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 9 – 10.

²⁵¹ Многие исследователи политики, например, считают, что в современном контексте достаточно сложно выделить различия между консервативными и эволюционными модернистскими платформами, что они практически совпадают в своих идеях, представлениях и схожи в программных положениях. Неслучайно, в современных текстах модернизм рассматривается авторами как более широкое понятие для отражения трансформационных процессов в политической организации. При этом выделяя различные модели модернизации – консервативную, эволюционную, радикальную и т.п., что существенно искажает смысл и содержание идеологических платформ. Конечно, в настоящее время существуют так называемые по-

- во-первых, оппозиция консервативных и модернистских платформ обусловлена разностью трактовки социальных оснований политического порядка. Первая исходит из того, что общество выстраивается на основании определённых целостных структур, в нем доминируют конкретные целостные социальные системы, обеспечивающие политическое единство, общественную целостность, социокультурную идентичность и т.п. В то время как вторая платформа (основанная на либерально-демократической парадигме политического мышления), напротив, в качестве основ политического порядка видит индивидуализированные воли субъектов, а не тотальные социокультурные суперсистемы. «Ценности модерна *особые*, – справедливо по этому поводу замечает А.Г. Глинчикова, – это ценности индивидуализированного общества, т.е. главной ценностью модерна является индивидуальность, неповторимость, аутентичность и самостоятельность общественного и личного выбора. Общество модерна не просто состоит из личностей, оно ведет себя как личность в политике, экономике, культуре (курсив мой – А.М.)»²⁵². Причем эти формы целостности и единства рассматриваются в качестве форм «подавления личности», «тоталитаристских средств» закрепощения гражданской активности и практик развития гражданских институций и проч.

Поэтому, с точки зрения консервативной платформы без той иной целостности нет власти, а есть не ограниченный никакими социальными, духовными, государственными, правовыми и иными рамками произвол и насилие. Напротив, вторая платформа обосновывает необходимость освобождения от тотальной власти традиционных целостностей, давления каких-либо социальных суперсистем, «выступает против концепции самостоятельного существования

стмодернистские идеологические платформы, которые сочетают не сочетаемое, а в идеологических построениях используют идеи, принципы и программы совершенно разных идеологий. Тем не менее считаем такой подход неоправданным как с теоретико-методологической, так и с практической точки зрения (См. об этом подробнее материалы Мирового политического форума, прошедшего в г. Ярославле 9 – 10 сентября 2010 г.: Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества. М., 2010).

²⁵² Глинчикова А.Г. Модернизация, традиция и эволюция частного интереса // Политико-философский ежегодник. М., 2011. Вып. 4. С. 171.

надындивидуальных сущностей вроде общества, государства и т.п. ... приемлет общество только как мирное сосуществование находящихся в отношениях взаимовыгодного обмена индивидов, а государство готово терпеть в качестве “ночного сторожа” или слуги такового общества»²⁵³;

- во-вторых, противоречия между этими двумя идеологическими платформами и, соответственно, стратегиями развития системы государственной власти связано с соотношением традиций и инноваций. Для консервативной платформы характерна жесткая связь между государственной политикой и историческими закономерностями развития общественной системы, доминирующими традициями и инновациями²⁵⁴. Например, известный политический аналитик С. Эйзенштадт утверждал, что инновации и традиции не противостоят друг другу, а, напротив, в правильном сочетании приводят к стабильному и органичному развитию общества, политической системы и т.п. Он доказывал, что характер изменений в любом обществе не произволен, он *задан традицией изнутри*, в каждом обществе имеют место «реальные и символические события прошлого, порядок и образы которого являются ядром коллективной идентичности, определением *меры и природы* его социальных и культурных изменений. Традиция в таком обществе служит не только *символом непрерывности*, но и определением *пределов инноваций* и главным *критерием их законности*, а также *критерием социальной активности* (выделено мной – А.М.)»²⁵⁵.

Следовательно, консервативная идеологическая платформа «опирается на *традицию* и полагает, что традиционно существующие человеческие общности (общества) имеют *самостоятельное бытие, свои основания рациональности и первичны* по отношению к индивиду данного общества (выделено мной – А.М.)». В свою очередь, модернистский вектор трансформации государственно-правовой организации (шире всей общественной системы) «исходит из концепции, согласно которой индивиды предшествуют обществу, являются носителя-

²⁵³ Никитаев В. Указ. раб. С. 53.

²⁵⁴ См. об этом подробнее: Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Манастырный А.В., Тюрин М.Е. Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д, 2009. С. 54 – 55.

²⁵⁵ Eisenstadt S.N. Tradition, Change, and Modernity. N.Y., Sydney, Toronto, 1973. P. 51 – 52.

ми “естественных прав”, они рациональны и подвижны стремлением к личной пользе; авторитет же и традиция, ограничивающие таких индивидов (и их социально-политическую, экономическую и иную активность – *А.М.*) своими рамками, суть *предрассудки* и *пережитки*, которые должны быть *преодолены* и *отброшены* (курсив мой – *А.М.*)»²⁵⁶. Именно в этом и состоит сущность модернизации (читай – приобщения к модернити, современности) и главным пафосом прогресса: «Здесь критерием выступает настоящее (*modernity* – настоящее, современное, прогрессивное – *А.М.*), с помощью которого выносятся оценка прошлому как несовершенному, подготовительному, черновому, эскизному варианту»²⁵⁷.

Итак, рассмотрим более обстоятельно эти два стиля политического мышления, формирующие специфические идейно-политические платформы и стратегии развития государственной власти, применительно к российской политической реальности.

Проект политической модернизации можно в целом охарактеризовать как идейно-политическую программу формирования, развития и распространения современных либерально-демократических идей, представлений, политических институтов и практик, а также соответствующей им политической культуры (имеющей тенденцию к социально-правовому универсализму и стандартизации политической мыследеятельности)²⁵⁸. Именно в XX веке модернизационный проект, после крушения альтернативных идеологических политических программ (коммунизма, фашизма), рассматривается в качестве единственно

²⁵⁶ *Никитаев В.* Указ. раб. С. 53.

²⁵⁷ *Дугин А.Г.* *Философия политики.* М., 2004. С. 49.

²⁵⁸ *Каптерев С.Е.* *Авторитет государственной власти и процессы трансформации в современной России: монография / под общ. ред. акад. О.А. Колобова; науч. ред. д.и.н., профессор С.В. Устикин.*

Н. Новгород, 2005. С. 79. В основе такого понимания процесса модернизации, а также типологии политических систем на «пионерские» (первичные), «вторичные», «догоняющие» и т.п., как справедливо отмечает автор указанного монографического исследования, «лежит принцип европоцентризма, когда процесс модернизации в странах “второго эшелона” рассматривается как следование заданному образцу с использованием “западных” институтов и образцов»; и такое понимание является наиболее распространенным в политической науке и практике (Там же. С. 80).

возможной идеологии и практики политической универсализации и социально-культурной типизации²⁵⁹. Данный проект определения и навязывания единых для всех обществ принципов организации и практик реализации государственной власти «сводится к предписанию повсеместного установления одной единственной формы политического строя, независимо от культурных традиций и образов жизни его субъектов. То, что политические режимы признаны служить средствами сохранения сложившихся образов жизни (что отличает консервативную программу трансформации институтов публичной власти - А.М.), и то, что формы правления могут вполне правомерно различаться в соответствии с культурами народов, которым они служат, - это утверждение, отвергаемое всеми либералами, как новыми, так и прежними»²⁶⁰.

При этом механизм политической модернизации базируется на заимствовании конкретных образцов, идей, принципов, практик и т.п., которая может быть реализована при сочетании трех основных программ²⁶¹:

- *во-первых*, это *гармоничная (системная) имитация* общих форм политической и социально-культурной организации, сопровождающаяся сменой не только институционально-властной организации, но и политической мыследеятельностью субъектов. Данный вариант заимствований является наиболее сложным и системным проектом политической модернизации, основанным на радикальной смене форм стилей, практик и т.п. социально-политической жизнедеятельности, предполагающим формирование нового качественного состояния общественной системы, становление новых политических традиций, верований, ритуалов и собственно «нового политического субъекта»;

- *во-вторых*, это *механическая имитация*, которая, по справедливой оценке М.В. Ильина, дает наиболее быстрый эффект и ощутимые результаты и направлена на перенос и адаптацию алгоритмов, при которых копируются политические процессы, т.е. механика политической жизни (процедуры, средства,

²⁵⁹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

²⁶⁰ Грей Д. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2003. С. 273 - 274.

²⁶¹ См. об этом: Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. М., 1995.

приемы и способы, используемые в организации и осуществлении политической власти);

- *в-третьих*, это имитация результата или формы. Данный вид имитации (или точнее институциональной симуляции) характерен для многих государственно-правовых пространств переходного типа. Развитие данного вида имитации подталкивают две основные причины: с одной стороны, симуляция связана с распространением политических стандартов и процессов правовой унификации (посредством которых международным сообществом легитимируется та или иная политическая система), а с другой – транзитивными процессами (как правило, переходом институционально-властной организации от авторитарных к демократическим формам и режимам властвования). Чаще всего эту технологию политической имитации форм и результатов используют либо авторитарные политические системы, маскируются практики «изначального определения» ключевых властных позиций (например, несвободный и несоревновательный характер выборов, камуфлируется под демократический процесс свободного волеизъявления народа), либо конвергационные политические системы, сочетающие демократические институты и процедуры с административными рычагами давления.

Так, например, период системных трансформаций политической и правовой жизни привел российское общество к кризису, итогом которого явилось осознание как политической элитой, так и большинством граждан, что продолжение либеральных реформ по западным «идеальным» образцам и нормативным моделям в России невозможно. Оказалось, что формирование либерально-демократического государства и гражданского общества (в западном его понимании) никоим образом не связано с органичной тканью многовековой российской культуры, идейно-ценностной структурой и конкретными социокультурными практиками. Изменение общественного сознания и повседневной жизни сверху, создание системы государственно-демократических институтов и рыночной инфраструктуры за столь короткое время породило в современной жизни дуализм, когда внешние «имитационные» действия и институциональный

«макияж» полностью соответствуют западной моде, а сознание живет тем национальным духом, теми национальными привычками и стереотипами, которые, как бы ни старались реформаторы разных времен, до сих пор сохраняют традиционное ядро общества и его самоидентификацию²⁶².

По мнению известного политолога Д.Е. Фурмана, на постсоветском пространстве закономерно сложились и достаточно успешно воспроизводятся авторитарные имитационные демократические политические системы (Россия, Белоруссия, Туркменистан, Таджикистан, Грузия, Казахстан и др.), в которых для легитимации власти осуществляется «ритуализация» избирательной системы и поддерживаются иллюзии всенародных выборов. В целом этим имитационно-демократическим системам «для стабильности необходимо поддержание некоторого уровня плюрализма и “демократичности”, сохранение “фасада”». «После периода национально-демократического подъема начинается период реакции и успешного строительства однотипных со складывающейся в России систем безальтернативной власти». В этих системах, с одной стороны, повышается влияние на политику, экономику и проч. спецслужб, а с другой – происходит уменьшение формально-правового пространства властных практик, что активизирует и расширяет внеправовую деятельность государственной власти: «В имитационно-демократической системе управление не может осуществляться в соответствии с формальными правовыми нормами. Обеспечить безальтернативность власти можно, лишь нарушая или обходя эти нормы, действуя где-то

²⁶² В этом плане можно согласиться с авторами статьи, которые справедливо отмечают, что «под влиянием глобализации и по примеру стран Запада в России с начала 1990-х гг. происходят процессы *имитации* формирования гражданского общества». Однако более важной задачей, с точки зрения авторов, является «преодоление кризиса идентичности, который переживает российское общество и который резко усугубляется процессами глобализации». Поэтому без формирования новой национально-цивилизационной идентичности и выбора, адекватного историко-культурной эволюции пути развития невозможно построение эффективного и жизнеспособного государственного организма. (Пантин В.И., Лапкин В.В. Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы //Общественные науки и современность. 2004. №1. С. 61, 63). Другой исследователь по этому поводу также замечает, что «самым мощным стимулом к его развитию (гражданского общества и связанной с ним идеи правового государства – А.М.) сегодня является *имитационный эффект*, индуцированный неслыханным развитием коммуникаций» (Левин И.Б. Гражданское общество на Западе и в России //Гражданское общество в России: структура и сознание. М., 1998. С. 31.)

на грани законного и незаконного (формируя так называемые «*плавающие рамки законности*» или развитие феномена «*ситуативной законности*» во властной деятельности и «*индикативный характер правовой активности*», законности по индикаторам или «*статистической законности*»²⁶³ – А.М.) или вообще за пределами закона (формирование неправового пространства властной деятельности – А.М.). Устранение опасных кандидатов и обеспечение нужных результатов голосований, контроль над высшей бюрократией, олигархами и региональными “баронами”, их проверки на лояльность, подбор компромата на них, организация процессов против «непослушных» олигархов, подбор кадров на высшие должности, передача стратегически важных объектов в собственность доверенных людей, и т.п. – все эти необходимые для поддержания системы действия, по сути своей, представляют “тайные операции”. Они становятся не чем-то исключительным, а постоянным и важнейшим аспектом любого политического действия»²⁶⁴.

Кроме того, конвергенционный характер современной модернизируемой российской политической системы связан с тем, что демократические институты, формы политического плюрализма соседствуют с авторитарными установками политического сознания, попытками реставрации старых порядков с тягой к обновлению, административно-командные формы принятия политически значимых решений с инновационными способами взаимодействия личности, об-

²⁶³ Приведем в этом контексте политическую оценку Владимира Пастухова, которые полагают, что русское право (как национальный феномен, особое социокультурное явление, специфический тип организации отношений, со своими закономерностями развития) как в прошлом, так и в настоящем, «в отличие от права западного, носит *условно императивный характер*. Оно не то чтобы было совсем необязательным, но его обязательность *не является безусловной и зависит от большего числа внешних обстоятельств*. Право в России выступает неким *ориентиром* желательного поведения, указывает направления движения. При этом сохраняется очень большая “*вариабельность*” моделей этого “желательного поведения”. Можно сказать, что русское право имеет “*индикативный характер*”. Речь идет не об элементарном неисполнении права, а о его системной характеристике, где самое вечное “как-бы-исполнение” является *сквозной, сущностной чертой*... Русское право неопределенно и эластично. Это скорее какая-то гуттаперчевая субстанция, чем твердая матрица, как на Западе (курсив мой – А.М.)» / Пастухов В.Б. Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию. М., 2012. С. 519.

²⁶⁴ Фурман Д.Е. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М., 2010. С. 136, 110.

щества, государства (например, основанных на интерактивных демократических технологиях взаимодействия, гражданского контроля и проч.). Данный конвергенционный характер присущ и взаимодействию российской власти и общества, поскольку с одной стороны признается важность и необходимость гражданских организаций и движений в развитии национального публичного пространства, а с другой – взаимодействие власти и общественных институций основывается на прежних, советских идейно-политических установках и процедурах.

Так, С.В. Патрушев констатирует, что сегодня власть, как и раньше, «по-прежнему видит выход в укрупнении партийных структур, что на практике оборачивается стремлением сделать объектами государственного контроля “все, что шевелится” на российском просторе. Эрозия прежних, советских процедур взаимодействия квазиполитических и квазиобщественных организаций и, шире, власти и народа оказывает двойственное влияние на формирование отношений партий и общественных организаций. Используя прежний процедурный ресурс, “обновленные” структуры тормозят процессы институциональной трансформации... Вследствие чего публичная сфера, не успев развиться, сворачивается, а кликовый характер процесса принятия решений укрепляется – несмотря на использование интернет-обсуждений и новейших политических технологий»²⁶⁵.

Однако при всем при этом в проекте политической модернизации как нелинейном, многоэтапном и неоднозначном процессе, можно условно классифицировать на три различные идеологические платформы, а именно модернизацию «первого», «второго» и «третьего» порядков. Классификация данных идеологических платформ основана на различных вариантах осуществления самой модернизации социальных систем, соотношении социокультурной среды, ценностей, традиций с модернизационной идеологией, а также национального политико-правового опыта с инновациями.

²⁶⁵ Патрушев С.В. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // Полис. 2011. № ..., С. 130.

Органичная (повсеместная) модернизация предполагает *кардинальное переустройство* всех сфер жизнедеятельности общества (политической, правовой, экономической, духовно-нравственной и иной) под универсальный либерально-демократический стандарт. В этом варианте обосновывается необходимость «расчистить» социально-политическое и духовно-культурное пространство России «для принятия общественным сознанием ценностей тех культур, которые продемонстрировали свою “эффективность” в поддержке и обеспечении инновационных и модернизационных процессов». Причем «здесь центральным моментом становится проблема интеграции представителей инокультурного... мира в исторически уже сложившиеся демократические системы европейского гражданского социума»²⁶⁶.

Трансформационный вектор в данном случае направлен на копирование западноевропейского образца социальной, политической, правовой и экономической организации. В контексте данного трансформационного проекта всякая традиционная идентичность граждан, национальная система ценностей, аксиомы политического и правового сознания, доминанты развития политической культуры общества нивелируются и замещаются теоретически сформулированными либерально-демократическими идеалами, интерпретируемыми в качестве универсальных, общечеловеческих. Ведущий западный теоретик Дж. Грей справедливо в этом плане отмечает, что, по сути, модернизация как общественно-политическое явление сегодня «приравнивается к вестернизации, понимаемой как секуляризация или либерализация, как распространение институтов западного гражданского общества, принятие другими культурами западной морали, индивидуализма или самой идеи прогресса»²⁶⁷. Причем следует отметить, что данный вариант обновления государственно-правовой организации – это не просто восприятие определенного набора эффективных принципов, средств и институтов, но, прежде всего, *целостный образ жизни*, противостоящий и за-

²⁶⁶ Глинчикова А.Г. Модернизация, традиция и эволюция частного интереса // Политико-философский ежегодник. М., 2011. Вып. 4. С. 164 – 165.

²⁶⁷ Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2003. С. 319.

мещающий весь исторически сложившийся национальный образ жизнедеятельности, поскольку последний содержит комплекс социально-правовых принципов, предписывающих лучший политический, экономический, духовный строй и наилучшие, эффективные институты. Очевидно, что суть данного проекта состоит в том, что он направлен на «преодоление всего исторически случайного и культурно неоднородного и заложение *основ единой цивилизации, качественно отличной от всего, что существовало прежде...* предполагает невнимание к культурным различиям в человеческой жизни, вследствие чего он колоссальным образом недооценивает политическое значение данных различий и даже искажает наш угол зрения... *мешает нам верно воспринимать* политические реалии, трактуя национализм и этническую принадлежность как переходящие и даже побочные или второстепенные черты современной жизни (курсив мой – А.М.)»²⁶⁸.

Эволюционная (совместимая) модернизация в отличие от предшествующего проекта направлена на *обновление* государственно-правовой организации с учетом национально-культурной среды, в которой реализуются инновационные процессы. Другими словами вектор трансформации сохраняется, это формирование демократической политической системы, правового государства, либерализация публично-правового взаимодействия с приоритетом прав и свобод человека, однако, изменения осуществляются эволюционно, с учетом национально-культурных особенностей. Причем главный упор в подобной трансформации делается не на одновременное кардинальное изменение всех сфер жизнедеятельности общества, а на поэтапное установление демократических процедур и режимов, прежде всего, в публично-правовое взаимодействие между личностью, обществом и государством.

Здесь главной проблемой модернизации становится не полное копирование западноевропейских политических институтов и режимов их функционирования, а поиск направления развития, сочетающего модернизацию с уважением разнообразных естественных (для определенной общественной системы)

²⁶⁸ Грей Дж. Указ. раб. С. 199 – 200.

форм, обеспечивающих традиционно социальную консолидацию и устойчивость общества. При этом «уважением» пользуются не все традиционные культурные формы, а лишь те из них, которые *не противоречат (и) или усиливают развитие демократических тенденций в обществе*, обеспечивают *совместимость* национально-культурного уклада и быта с демократическими принципами гражданского устройства.

Как справедливо отмечает А.Г. Глинчикова, «отказ от национальной культуры, всегда ведет к *деморализации общества*, к *чувству национальной неполноценности*, которые в конечном итоге и делают общество *неспособным* к отстаиванию своих социальных, экономических и политических интересов... Поэтому *отказ от любой национальной культуры есть отказ от шанса на модернизацию*, т.е. на формирование активного гражданского общества, способного за себя постоять (курсив мой – А.М.)». В свою очередь, любое принудительное «модернизационное давление» и «“привитие” тех или иных даже очень полезных в другой культуре ценностей, – продолжает исследователь, – есть насилие над обществом, лишение его общественного достоинства, своего общественного личностного начала. Подобные действия независимо от того, чем бы они ни прикрывались и ни мотивировались, объективно ведут к деморализации общества и его политической и экономической десубъективации. А последнее не имеет ничего общего с ценностями модерна»²⁶⁹.

Фрагментарная (технологическая) модернизация связана с обоснованием необходимости трансформации публично-правовой организации общества, с восприятием эффективных модернизационных и демократических политических ценностей. Однако ценности модернизации здесь воспринимаются фрагментарно, выборочно, а к технологиям, формам и режимам, которые несет с собой модернизационный вектор преобразований относятся как к инструментальным новациям. В отличие от предшествующих проектов модернизации государственно-правовой организации общества, которые ориентированы на радикальную либо эволюционную (поэтапную) смену парадигм социально-

²⁶⁹ Глинчикова А.Г. Указ. раб. С. 164, 172.

политической организации, политической культуры и мышления (т.е. чтобы сделать «рывок в будущее», перейти в современность, «чтобы “перепрыгнуть” саму себя, нация должна перестать быть самой собой, должна изменить собственную идентичность», собственный стиль традиционного политического мышления и культуры²⁷⁰), данный вариант связывает развитие с рекомбинацией, инструментальными новациями, перестановкой и реорганизацией действующих публично-правовых институтов. В свою очередь фрагментарная модернизация проводит как к эффектам внешней, «поверхностной модернизации», так и к эффекту «колпака Броделя».

Первый случай институциональных эффектов, порождаемых фрагментарной модернизацией, описывает внешнее воздействие процессов инноваций на системную организацию системы государственной власти. Следствием такого воздействия является имитационное переустройство и внешняя реорганизация публично-правовых институтов по политическим стандартам современных высокоразвитых и эффективных демократических систем. При этом реальные режимы взаимодействия между этими институтами, практика осуществления власти и сохранения ключевых властных позиций, а также технологии формирования и обоснования политической повестки дня остаются практически неизменными, воспроизводятся в системе властно-правового взаимодействия общества и государства.

Второй случай описывает те институционально-властные эффекты, порождаемые фрагментарной модернизацией, при которых формируются несколько властно-управленческих центров, «которые вроде бы живут по-западному, там работают транснациональные компании, действуют юристы, есть признаки процветания; и есть вся остальная страна, которая живет на неформальных социальных контрактах, поддерживаемых криминальными способами, причем разными от региона к региону»²⁷¹.

²⁷⁰ См. об этом: *Аузан А.А.* «Колея» российской модернизации // *Общественные науки и современность.* 2007. № 6. С. 55.

²⁷¹ Там же. С. 59.

При этом данную модель модернизации можно условно подразделить на *авторитарную* и *инструментально-техническую модернизацию*. И первая и вторая модели обновления политико-правовой организации предполагают ведущую роль в модернизационных процессах институтов государственной власти, которые используют свою административно-правовую, политическую, организационную и материальную мощь при преобразовании общественной жизнедеятельности.

В рамках авторитарной модели модернизации осуществление процессов преобразования, как справедливо пишет В. Красильщиков, правящая элита, заинтересованная в обновлении государственно-правовой организации, фактически противопоставляет себя обществу, его сложившимся институтам, практикам взаимодействия, воспроизводящимся традициям, обычаям, социальным ценностям и проч. Поэтому политический режим, инициировавший процесс модернизации вопреки предпочтениям большинства, не может не быть неавторитарным в своей государственной политике. При этом «модернизаторский авторитаризм, стимулируя масштабные капиталовложения (и даже принуждая к ним) в развитие промышленности и инфраструктуры, в образование и науку, устанавливал жесткую дисциплину не только для низов, ограничивая или запрещая забастовки, регулируя заработную плату... Он существенно и жестко ограничивал также аппетиты верхов». В то же время, какой бы жесткой ни была модель авторитарной модернизации, она, тем не менее, «закладывает предпосылки для отхода от политического авторитаризма»²⁷².

В свою очередь, модель инструментально-технической модернизации также признает неизбежность обновления государственно-правовой организации перед вызовами современности. Причем потребность в модернизации вынуждает развивающиеся страны заимствовать современные институты, но эти институциональные заимствования протекают под знаком их «технической» интерпретации, институты воспринимаются как технические приспособления,

²⁷² Красильщиков В. От авторитаризма к демократии на путях модернизации: общее и особенное // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества. М., 2010. С. 222, 224.

призванные обеспечить индустриальное, политическое, правовое, информационное и другое инновационное развитие. В основном такая модель модернизации реализуема в тех социально-культурных условиях, где политические, правовые и экономические институты не наделяются самоценностью, а являются инструментальными по отношению к более высоким духовно-нравственным ценностям и целям развития общества. Например, в контексте отечественной политической традиции государственно-правовые институты и учреждения не имели самоценного и самодостаточного статуса, как это можно наблюдать в западной политико-правовой традиции (где происходит фетишизация политической и правовой систем), а по большому счету были ценностями вторичными, прикладными, обеспечивали реализацию в социальной действительности ценностей первичного характера, таких как социальная правда, справедливость, порядок, гармоничность, духовная и нравственная свобода и т.п.²⁷³ При этом эффективность и легитимность политической и правовой систем обуславливались верой в правду, в социальную справедливость, т.к. уважение к правде значило намного больше, чем разумные законы и рационально организованные политические институты.

Причем сегодняшние социологические исследования фиксируют преемственно воспроизводящееся отношение к государству и праву, отражая практически неизменный пласт национального политического и правового менталитета. Так, в настоящее время *«в качестве ведущих парадигм массового общественного запроса сформировалась триада – благосостояние, порядок, социальная справедливость. Эта триада занимает ведущие позиции во всех электоральных группах и остается практически неизменной»*, делают вывод авторы аналитического доклада, посвященного социологическому исследованию на-

²⁷³ Речь здесь, конечно, идет именно об институтах «управительных», организующих и управляющих различными общественными процессами, и эти суждения не распространяются на институт верховной власти, который имел в русской политической традиции антиномичный статус (о чем говорилось более подробно выше), который был центром как политической жизнедеятельности общества, так и духовно-нравственной.

ционального политического и правового сознания²⁷⁴. При этом, что правовые и государственные институты не имеют самостоятельной ценности в отечественном правосознании и получают свое социокультурное значение только в связке с данными базовыми ценностями, для воплощения которых они и создаются. Поэтому для современных россиян государство, в институционально-правовом плане, – «это прежде всего инструмент реализации интересов общества, и именно его интересами как целого оно и должно руководствоваться в своей деятельности»²⁷⁵.

Сегодня многие современные исследователи солидарны с тем, что именно в ценностной, духовно-нравственной сфере, прежде всего, кроется причина всех неудач трансформации политической жизни российского общества. В этом плане следует учитывать, что концепция трансформации политической организации и правовой упорядоченности российского общества должна базироваться на принципиально отличных от классических западноевропейских аксиологических и онтологических основах. В противном случае, если осуществляемая трансформация приводит к нарушению гармоничного развития социальных отношений и соответствия между ценностной, предметной и смысловой составляющими социальной жизнедеятельности субъектов, а также к нарушению социокультурной преемственности, то подобные процессы (трансформации), какие бы благие цели ни стояли перед ними, будут иметь для общества ущербный, деструктивный характер. Изменение социально-политической и правовой упорядоченности будет успешным «лишь в том случае, если в самой культуре будет выработана логика изменений, позволяющая воспроизводственному процессу воплощать такую программу, которая была бы нацелена на формирование социокультурных отношений, не переходящих границы необратимости», социокультурной и духовно-нравственной обусловленности²⁷⁶.

²⁷⁴ Граждане новой России: как себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998 – 2004). Аналитический доклад. М.: РАН ИКСИ. 2004. С. 122.

²⁷⁵ Там же. С. 117.

²⁷⁶ Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1993. С. 37.

Консервативные идеологические платформы трансформации системы государственной власти и политико-правовой организации российского общества. Консерватизм как стиль политического сознания представляет собой специфические мыследеятельностные структуры, отражающие способ познания и оценки существующей политической действительности, а также публично-властную практику, направленную на охранение традиционного государственного опыта, рационализацию и репрезентацию устойчивых иррациональных (метаюридических, этнополитических, архетипических и т.п.) доминант национальной культуры, их охранения и воспроизводства²⁷⁷.

В меняющейся политико-правовой реальности консервативный стиль мыследеятельности (несмотря на различные нюансы, программные положения, идеологические предпочтения и т.п.) ориентирован на устойчивость и преемственность, сохранение форм организаций, обеспечивающих единство и целостность, солидарность и справедливость. Причем последние выступают в качестве *типоформирующих признаков* консервативного типа политического мышления, характерных для различных консервативных учений, доктрин, идеологических платформ. В свою очередь, содержание консервативного мышления может меняться в зависимости от конкретно-исторических условий, возникающих проблем и т.п.

Консервативная стратегия ориентируется на этнополитическую и правокультурную обусловленность социально-правового взаимодействия граждан, формирование и развитие политической организации, правовой упорядоченности и т.д. При этом предполагается, что именно из этих оснований (социально-культурных кодов) граждане из поколения в поколение черпают свою идентичность, определенный порядок взаимоотношений. В свою очередь, навязывание обществу чуждых параметров политического порядка, не знающей пределов социокультурной, правовой и политической модернизации истощают в конечном итоге запасы исторической памяти, от которой зависят стабильность и воспроизводство общественной системы. Поэтому ни правовые институты, ни по-

²⁷⁷ Деметрадзе М.Р. Социокультурные аспекты политики и права. Монография. М, 2006.

литические структуры не могут и не должны быть независимыми от культур, в которых они действуют и которым служат. Более того, последние, напротив, должны оцениваться и подвергаться контролю с точки зрения целей и норм социокультурной среды, в рамках которой они функционируют.

Причем сегодняшние социологические исследования фиксируют преемственно воспроизводящееся отношение к государству, политике, власти отражая практически неизменный пласт национального политической культуры. Так, в настоящее время *«в качестве ведущих парадигм массового общественного запроса сформировалась триада – благосостояние, порядок, социальная справедливость. Эта триада занимает ведущие позиции во всех электоральных группах, и остается практически неизменной»* делают вывод авторы аналитического доклада, посвященного социологическому исследованию национального политического и правового сознания ²⁷⁸.

При этом, что государственные институты и иные политические институты не имеют самодостаточной ценности в отечественном политическом сознании и получают свое социокультурное значение только в связке с данными базовыми ценностями, для воплощения которых они и создаются. Поэтому государство для современных россиян в институциональном плане, – *«это, прежде всего инструмент реализации интересов общества, и именно его интересами как целого оно и должно руководствоваться в своей деятельности»* ²⁷⁹.

Такое прагматическое отношение к публично-властным институтам отражает веру в недостижимость полного совершенства установленного (позитивного) права, политических и государственных учреждений. Последнее должно соответствовать социально-культурным критериям, адекватно охранять и восстанавливать правду и справедливость в социальной жизни ²⁸⁰. Отсюда построение политического режима в отечественной социокультурной традиции,

²⁷⁸ Граждане новой России: как себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998 – 2004). Аналитический доклад. РАН ИКСИ. М., 2004. С. 122.

²⁷⁹ Там же. С. 117.

²⁸⁰ См. об этом: *Верещагин В.Ю., Макеев В.В., Понежин М.Ю.* Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова: монография. Ростов н/Д, 2003. С. 70 – 71.

опиравшейся на такой политический принцип как «первичность *прав каждого народа* на определенный *образ жизни*. На Руси этот принцип воплотился в концепции соборности и соблюдался совершенно неукоснительно»²⁸¹. Он создал предпосылки для становления особого политического режима, в рамках которого утверждались не только права отдельного человека, класса, слоя, но и, что более важно, права общности, социального целого. Несвойственно отечественной социально-политической и правовой традиции было и противопоставление индивидуальных и общинных прав, последние находились в известном симфоническом единстве – на индивидуальных правах основывались общинные, которые (через деловые обыкновения, обычное право) обеспечивала реализация первых.

С точки зрения консервативного стиля политического мышления – насколько бы масштабными ни были трансформационные процессы, влекущие за собой формирование новых публичных институтов, становление новейшей нормативно-структурной конфигурации, обуславливающие новые принципы легитимации, они ведут к тому, что «новоиспеченные» институциональные режимы либо приспосабливают к себе традиционные формы и способы социально-правового взаимодействия, либо вообще полностью усваивают последние, не меняя принципиально характер и содержание этих процессов, либо новый институциональный порядок вообще искажается до неузнаваемости, сталкиваясь с традиционным контекстом.

Как справедливо отмечает Э. Панеях, российские «законы были отчасти списаны с чужих образцов, а отчасти созданы специально для того, чтобы *сло-мать органично существовавшие ранее в обществе образцы поведения*. В этом контексте представление о законах как о фиксации *устойчивого ядра уклада* не обязательно соответствует действительности. Разрыв при этом проходит сразу по двум линиям. Российские законы часто не соответствуют, во-первых, нормативным *представлениям акторов о справедливости*, во-вторых, *привычному и*

²⁸¹ Гумилев Л.Н. От Руси до России. М., 2004. С. 292.

естественному для них способу урегулирования конфликтов (курсив мой – А.М.)»²⁸².

Другой исследователь отечественного политико-правового мышления А.И. Овчинников также отмечает, что «социально-психологические исследования правосознания россиян последних лет на предмет их отношения к западно-европейской системе правовых ценностей, которую мы позаимствовали не столь давно, показывают, что факт знания и даже рационального одобрения тех или иных правовых принципов и норм *никак не сказывается на реальном поведении опрошенных граждан*, стоило им попасть в экстремальную проблемную ситуацию. Кроме того, *эти нормы и принципы во многих случаях совершенно неправильно поняты, смысл их искажен, восприняты в соответствии с отечественными традициями* (курсив мой – А.М.)»²⁸³.

Кроме того, игнорирование социально-политических закономерностей развития в контексте процессов импортирования институтов и заимствование чужеродных политических идей и доктрин вызывает «*имитационный эффект*» в публичном взаимодействии на всех уровнях политической организации. Так, результаты социологических исследований, проведенных Левада-Центр зафиксировали о распространение эффекта имитации («использование формы вывески, слов, лишенных реального содержания»), играющего роль знакового (симптоматического) явления современности во всех без исключения точках публично-властной коммуникации. Имитируются и либеральные реформы и плюралистичность политической системы, следование западноевропейским стандартам демократизации и приватности духовно-нравственных доминант (вытеснение их из сферы публичного взаимодействия и политических оценок, ми-

²⁸² *Панях Э.Л.* Неформальные институты и формальные правила: закон действующий vs закон применяемый // Политическая наука. 2003. № 1. С. 37.

²⁸³ *Овчинников А.И.* Герменевтическая философия права: сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава и адъюнктов кафедры государственно-правовых и политико-философских дисциплин. Ростов н/Д, 2005. С. 30.

ровоззрения), уважение к избирательным процедурам, иным правовым (демократическим) институтам и проч.²⁸⁴.

Однако с точки зрения российских консерваторов имитация демократии западного образца, правового государства в последнее время стала проигрывать реальным процессам возвращения страны, правовой и политической системы, реальных практик публично-властного и повседневного взаимодействия к традиционной модели политической организации общества²⁸⁵.

Поэтому эволюция политической системы, с позиции различных консервативных идеологических платформ, протекает в определенных социокультурно заданных пределах. Восприятие нового социально-политического или институционально-правового опыта, получаемого нацией в те или иные переходные (трансформационные) периоды, осуществляется сквозь призму преемственно-воспроизводимых эмоционально-психологических готовностей и когнитивных клише, адаптируемых и применяемых согласно сложившемуся стилю политической мыслительности, воспроизводимых в практике (в повседневном, обыденном поведении и взаимодействии граждан) в соответствии с базовыми национальными формами, режимами и моделями.

Существующую политическую реальность с этих позиций нельзя рассматривать как результат только рационально-волевых усилий, причем какого-то одного поколения. Она формируется и развивается вместе с формированием и развитием общества, имеет схожие закономерности, принципы и специфические черты. Следует каждый этап развития политической культуры рассматривать, *с одной стороны*, как относительно самостоятельный, цельный (в социокультурном смысле) этап развития общества; а *с другой* – констатировать целостность национальной политической эволюции, поддерживаемой социокуль-

²⁸⁴ См. об этом: *Левада Ю.* Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российской трансформации // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1. С. 8 – 12. См. об этом также: *Власть и политика: институциональный вызов XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012.* РАПН. М., 20012; *Лапкин В.В.* Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений. Научная монография. М., 2012.

²⁸⁵ Видимо, стремление, современной правящей элиты сформулировать некоторый синтез из «западных слов и моделей» с национально-культурным содержанием, получивший название «проект суверенная демократия», есть определенный «официальный» ответ на эти процессы.

турным ядром общественной системы, несмотря на все неожиданные повороты в исторической судьбе национального государства и права.

Вообще, в конце XX века, по мнению известных исследователей отечественной государственности Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, в развитии российской политической организации происходит восстановление устойчивой консервативной стратегии, а в политическом сознании россиян восстанавливается устойчивый «национальный посыл»²⁸⁶.

Более того, Институтом комплексных социальных исследований РАН под руководством М.К. Горшкова было проведено общероссийское социологическое исследование, которое показало, что консервативно ориентированные взгляды, духовно-нравственные принципы понимания публично-властного пространства, традиционные ценности и системы социальных ожиданий «постепенно восстанавливают свое влияние на общество... Ценностно-смысловое ядро российского менталитета продолжает демонстрировать удивительную устойчивость и непохожесть. Даже в условиях системной трансформации российского общества, практически все аспекты и проблемы современного мира - демократия и рыночная экономика, свобода и социальная ответственность, отношения между личностью, обществом и государством – получают в России специфическое звучание и окраску»²⁸⁷.

Полученные результаты дают «веские основания считать, что степень глубины и темпы изменения российского национального самосознания под воздействием трансформационных процессов не столь велики, как об этом принято... говорить и думать». Причем, по мнению группы исследователей, сегодня сохраняется общее консервативное ядро, которое «сохраняет удивительную устойчивость» при всех «отмываниях белых пятен» истории развития отечественной государственности в XX веке²⁸⁸.

²⁸⁶ Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Политические исследования. 2001. № 4. С. 37 – 38.

²⁸⁷ Горшков М.К. Граждане новой России: К вопросу об устойчивости и изменчивости общественного менталитета: тезисы доклада на семинаре РАН. М., 2005. С. 3 – 4.

²⁸⁸ Там же. С. 1 - 2.

При этом основной доминантой развития правового и политического сознания соотечественников является «возвращение от западнических увлечений» либерализацией, демократизацией к «исконно российским представлениям» о власти, государстве, политике, праве, обществе, к нравственным устоям и образу жизни. Конечно, эти консервативные ориентации носят сегодня двойственный характер. Так «представление об “особом пути России”», установка на патернализм, перекладывание ответственности за происходящее в стране на властные институты при демонстрации недоверия к ним и одновременно преданности государству, поглощенность индивида “социумом” - характерные особенности консервативного политического сознания населения России, вытекающие из ее исторического опыта»²⁸⁹.

В других социологических исследованиях, связанных с выявлением политических предпочтений граждан, доминирующих политических идей и ценностей, а также с обобщением массовых оценок действующих политических институтов и политических ожиданий граждан, фиксируется наличие как модернизационных (содержание которых имеет очевидную национально-культурную специфику), так и консервативных политических установок.

Так, в социологических опросах общественного мнения, проводимых кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ в различные годы отмечается воспроизводство как устойчивых национальных политических образов и ценностей с преобладанием консервативных представлений о развитии системы государственной власти, так и укоренение в политическом сознании россиян модернизационных представлений, которые специфически интегрированы с консервативными духовно-нравственными позициями граждан.

Например, в недавних исследованиях, проводимых под руководством Е.Б. Шестопала, фиксируется особое значение такой ценности, как «сильное государство». Несмотря на то, что в специализированной литературе это понятие

²⁸⁹ *Попова О.В.* Консервативные ценности в стереотипах политического сознания // *Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): Сборник статей.* СПб., 2004. Вып. I. С. 215.

устойчиво связывается с авторитаризмом, ограничением свобод, политических прав, «свертыванием» демократического вектора развития, стагнацией государственно-правовой системы, анализ полученных данных «показывает, что этот индикатор (ценность сильного государства – *А.М.*) следует трактовать более осторожно... эта ценность занимает устойчивое центральное место среди других ценностей демократии. Очевидно, это связано с типом нашей политической культуры, которую можно назвать “государство-центрической”»²⁹⁰.

Причем современных граждан более всего волнуют не вопросы институциональной конфигурации власти, различные инструментально-технические или экономические проблемы, а, напротив, вопросы, связанные с духовно-нравственным оборудованием властно-правового взаимодействия граждан: «Политико-психологические исследования выявляют более глубокие источники тревоги людей. Они связаны не столько с экономическими проблемами, хотя те и лежат на поверхности, сколько с *ощущением отчужденности власти от общества, ее несправедливостью и своекорыстием, отсутствием моральных опор*»²⁹¹.

В целом различные социологические исследования последних лет фиксируют ряд устойчивых консервативных характеристик национальной политической культуры. К ним, прежде всего, следует отнести:

- *во-первых*, российское государство продолжает осмысляться, с одной стороны, в качестве сверхдержавы, играющей одну из ключевых ролей в международно-правовых и геополитических отношениях, выступающей в качестве лидера на евразийском пространстве, а с другой - за институтом государства в массовом сознании до сих пор «закрепляется» мессианская идея государственно-правового прогресса, основанного на сохранении духовно-нравственных императивов в политической и правовой жизни²⁹²;

²⁹⁰ *Шестопал Е.Б.* Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Полис. 2011. № 2. С. 22.

²⁹¹ Там же.

²⁹² См. об этом: *Попов Н.П.* Поиски национальной идеи России продолжаются // <http://www.old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/12780.html> [Электронный ресурс]. URL: www.old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/12780.html (дата обращения: 14.07.2012 г.).

- *во-вторых*, это доминирование идеократической характеристики государственно-правовой организации, предполагающей стремление к формированию идейных оснований, которые интегрировали бы общественную систему, легитимировали действующие правовые и политические институты, направляли политико-правовую деятельность органов государственной власти, а также формировали политическую мыследеятельность конкретного гражданина, ставя «перед ним светлую цель подобно “коммунизму” недавнего прошлого»²⁹³. Идейные основания современного российского государства представляют собой интегративное свойство целостной политической жизни общества. Поэтому необходимость идейных оснований государства обусловливается пониманием современных целей, задач, приоритетов развития, существующих возможностей и границ политической и гражданской активности, тем самым представляя обществу целостный образ тенденций и векторов государственно-правовой трансформации, несмотря на кажущуюся радикальность, несогласованность, противоречивость последних;

- *в-третьих*, устойчивой характеристикой российской политической культуры остается восприятие государственной власти в качестве главного «охранителя» духовно-нравственной специфики национальной культуры. Так, например, даже в либерально-консервативных программах модернизации отечественного государства и права, экономики и культуры обосновывается, что общенациональной стратегией развития должна стать модернизация всех сфер общественной жизнедеятельности, однако последняя должна органически вырастать из отечественных культурно-национальных корней²⁹⁴.

Данные устойчивые характеристики политического сознания российского общества являются, соответственно, ключевыми в современных неоконсервативных идеологических платформах трансформации и оптимизации властных

²⁹³ Вязовик Т.П. Попытки консервативного синтеза в постсоветском идейном пространстве // Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О.Ю. Малиновой. М., 2011. С. 86.

²⁹⁴ Идеология модернизации как национальная идеология // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.niiss.ru/publications/russia/1997/6/ideol.htm> (дата обращения: 14.07.2012 г.).

отношений в современном политическом процессе. Сделаем небольшую, но, с нашей точки зрения, важную теоретико-методологическую оговорку. Считаем, что с середины XX века всякое консервативное учение или доктрина представляет собой неоконсерватизм, поскольку в «чистом виде» о консервативных правовых и политических учениях можно говорить лишь в период конца XVIII - середины XX века. После указанного периода консерватизм теряет свою сущность как «проектность прошлого» (формулировка В.М. Мужаева), а последующие учения и доктрины, отличающиеся консервативно-ориентированным стилем политического мышления, представляют собой гибриды, смешанные варианты, которые сегодня принято обозначать как «неоконсервативные программы»²⁹⁵.

Условно развивающиеся в наше время российские консервативно-политические учения и доктрины, а также *идеологические платформы консервативного* государственно-правового обустройства национальной жизнедеятельности можно разделить на пять основных групп: традиционалистические, неоевразийские, модернистские, постмодернистские и революционные. Однако заметим, что в современных неоконсервативных проектах довольно сложно выделить четкие типологические признаки, отличающие их друг от друга, скорее они группируются по признаку «общности переживаемой ситуации» (формулировка М.В. Ремизова) и тем принципам, которые то или иное направление неоконсерватизма предлагают в качестве доминирующих в организации публично-властных отношений в России. Неоконсервативные проекты сегодня представляют собой скорее некий публичный дискурс об основаниях политической жизни общества и направлениях его трансформации, дают интерпретацию фундаментальных цивилизационных стандартов политической организации, принципов взаимодействия личности, общества и государства.

1. Традиционалистическая идеологическая платформа консервативной трансформации и организации государственной власти опирается на восстанов-

²⁹⁵ См. об этом, например: *Окара А.Н.* Консерватизм как модернистский проект и как политтехнология элиты // Консерватизм / традиционализм: теория, формы реализации, перспективы. Материалы научного семинара. Вып. №3. М., 2010. С. 70 - 71.

ление традиционной мировоззренческой парадигмы национального восприятия государства, власти, политики и права, публично-властных форм взаимодействия личности, общества и государства. Как правило, в качестве «идеопологающей» основы (идеи-принципа) берутся принципы организации властных отношений, характерных для монархической организации московского периода.

Вообще, традиционному консервативному мышлению свойственно главным образом регрессивное отношение к социально-политическим ценностям и идеалам государственно-правового развития. Так, период формирования и развития московской государственности трактуется в рамках этой идеологической платформы в как эпохальный и судьбоносный выбор России, определивший национально-культурный архетип организации властных отношений, преемственно воспроизводящийся из поколения в поколение; т.е. данный властно-правовой архетип выступает в качестве формообразующей идеи государственно-правовой организации на различных этапах эволюции отечественной правовой и политической организации²⁹⁶. Кроме того, сформированный в эту эпоху национально-культурный архетип, выступает также *типоформирующим элементом в отечественной политической культуре, опосредующим как сам выбор моделей организации публично-властных отношений, так и типологически схожие тенденции их развития в разных конкретно-исторических условиях*. «Лейтмотивом этого выбора, - отмечает по этому поводу В.И. Спиридонова, - становится государство и государственная власть как главное действующее лицо и “мейнстрим” российского развития. Именно поэтому необходимо сконцентрировать исследовательский интерес в первую очередь на рассмотрении ведущих характеристик российской государственности как сложились в эпоху Московского царства и как они воспринимались в то время. Ибо именно эти значимые черты получили дальнейшее развитие и имели различные следствия

²⁹⁶ См. об этом подробнее: Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Манастырный А.В., Тюрин М.Е. Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д, 2009. С. 32 – 33.

для формирования специфически российского цивилизационного кода (курсив мой - А.М.)»²⁹⁷.

Рассмотрение московской государственности как ключевого социально-политического кода, повлиявшего и влияющего до сих пор на развитие политического сознания, является одной из определяющих позиций традиционного консервативного стиля мышления. Так, например, известный историк Н.М. Золотухина полагает, что именно в тот конкретно-исторический период сложились ведущие и устойчивые принципы отечественного политического мышления и правопонимания. При этом исследователь отмечает, что в русской средневековой политико-правовой теории были сформулированы понятия и категории, которые «оказались пригодными для выражения правопонимания во все века», многие из них не утратили, а наоборот, усилили свое влияние и в настоящее время²⁹⁸.

Принципиальной отличительной чертой для традиционной консервативной идеологической платформы является то, что вся политическая организация должна базироваться на совокупности объективно существующих исторических факторов, которые *интерпретируются с помощью системы абсолютных идеалов и идей*. В данном случае смысл власти, права, закона, государства, их социального назначения, специфика их функционирования «находится в родственной связи с идейным содержанием того начала, которое данной нацией принимается, как начало абсолютного идеала, как надэмпирическая реальность. Этим содержанием обуславливается этический идеал нации в виде того или другого кодекса моральных требований; им же обуславливается та идея, тот ас-

²⁹⁷ *Спиридонова В.И.* Московское царство как прообраз политических стратегий российского государства // Политическая стратегия российского государства как философская проблема / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.Н. Шевченко. М., 2011. С. 89.

²⁹⁸ *Золотухина Н.М.* Особенности средневековой политической и правовой мысли в России // Философия права в России: история и современность: материалы философ.-правовых чтений памяти В.С. Нерсесянца / отв ред. В.Г. Графский. М., 2009. С. 93. О влиянии московского правокультурного кода организации властных отношения и формирования российской политической традиции развития и функционирования государственной власти см. также: *Пивоваров Ю.С.* Российская политическая традиция / РАН ИНИОН. М., 2006; *Он же.* Два века русской мысли / М.: РАН ИНИОН.2006.

пект генезиса власти, которому нация подчиняет свою общественную жизнь в государстве»²⁹⁹.

При этом государственная власть призвана служить этой общей идее, которая выработана в ходе внутренней, духовной жизни общества (ибо «*право и государство возникают из внутреннего, духовного мира человека, создаются именно для духа и ради духа*» - И.А. Ильин³⁰⁰), и благодаря именно следованию этой общей идее оно находится на действительной высоте, служением ей объясняется его существование и положение в обществе.

В рамках этой идеологической платформы «сосуществуют» различные направления, обосновывающие принципы организации и трансформации (прежде всего, постепенного эволюционного развития, базирующегося на национальных ценностях, традициях, обычаях и проч.) современных властных отношений в обществе. Ярким примером отстаивания традиционалистических структур в публичной сфере может служить концепция «Просвещенного консерватизма». Основные положения этой концепции были сформулированы в опубликованном манифесте Н.С. Михалкова под названием «Право и Правда». Эта концепция предполагает скорейший возврат к восстановлению сильной власти, несущей ответственность за социально-политическое и духовно-нравственное развитие нации, а также к формированию сословной организации и основанного на ней (как в политико-правовом учении Л.А. Тихомирова) народного представительства. Проблематика организации властных отношений здесь связана с традиционалистическими самодержавными принципами. Именно в деятельности самодержавной власти и ее привилегированных слоев надо, по убеждению автора, искать сегодня образец для подражания, ведь, по мнению Михалкова, все значимые социальные проекты и важнейшие реформы, направленные на оптимизацию национального правового пространства и модернизацию тех или иных сфер народной жизнедеятельности, успешно осуществлялись только в том случае, когда они проводились по решению и под контролем вер-

²⁹⁹ Баранов П.П., Горшколепов А.А. Верховная власть как идеолополагающий элемент государственности // Философия права. 2002. № 1. С.22

³⁰⁰ Ильин И.А. Путь духовного обновления. М., 2003. С. 290 – 291, 297 – 298.

ховной власти. Причем успешность последних связана, как показывает исторический опыт, с симфоническим взаимодействием государственных, общественных и церковных деятелей России³⁰¹.

Таким образом, эта концепция воспроизводит традиционалистическую парадигму монархических властно-правовых отношений, которая предполагает, что сильная верховная власть и мудрая (просвещенная) «совестливая новая элита» направляют и управляют общественными процессами по «справедливому закону и божественному порядку, заповеданному в ПРАВДЕ». Правообязанность конкретных граждан связывается с «лояльностью к власти, умением достойно подчиняться авторитетной силе», а также с «соблюдением чести, признанием долга, почитанием ранга» и т.д.

Приверженцы «Просвещенного консерватизма» предлагают, соответственно, ввести помимо законодательной, судебной и исполнительной властей «Верховную власть» в государстве, поскольку «прототип такой власти исторически нам близок и понятен». «В настоящее время, - пишет по этому поводу Н.С. Михалков, - он (прототип Верховной власти - А.М.) конституционно закреплён и представлен в должности Президента России»³⁰². Здесь автор манифеста, конечно же, имеет в виду учредительные конституционные нормы Конституции РФ и, прежде всего, ст. 11 КРФ, отражающую специфику *реального* функционирования государственной власти. В указанной статье четко, по мнению не только Н.С. Михалкова, но и подавляющего числа консерваторов, подчеркивается, что государственную власть «в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации». С точки зрения консервативно-правового сознания, очевидно, что согласно статье предполагает то, что институт президента РФ является «верховой объединительной властью», согласующей и координирую-

³⁰¹ Михалков Н.С. Право и Правда. Манифест Просвещенного Консерватизма // М.: Российский фонд культуры, ИД «Сибирский цирюльник». 2010. [Электронный ресурс]. URL: www.polit.ru/kino/2010/10/26/manifest/html (дата обращения: 14.07.2012 г.).

³⁰² Михалков Н.С. Указ. раб.

щей деятельность известных трех властей (как это сказано в п. 2 ст. 80 Конституции РФ), определяющей внутреннюю и внешнюю политику государства (как это отмечается в п. 3 ст. 80 Конституции РФ), что было свойственно отечественной политической традиции³⁰³.

В целом эта позиция устойчива в отечественной политической и преемственно воспроизводится из одной эпохи в другую, несмотря на кардинальные реформирования и либерально-демократические модернизации (начала и конца XX в.). Напомним, что русские дореволюционные государствоведы отмечали, что все три ветви власти, которые составляют основу государственной жизни любого государства, носят «индивидуальный характер». И если все эти три власти оставлены «сами себе», то общественный организм неминуемо ждет политический и правовой кризис. Прочность же государственного строя, по их мнению, должна основываться на гармонии этих властей, что обеспечивает именно «верховная управительная власть» (термин Л.А. Тихомирова). Причем последняя становится выразителем исторических и психологических принципов государственной власти, является символом, связывающим государство и общество, «лишь при этих условиях конституционный строй может получить правильное прогрессивное развитие»³⁰⁴.

2. Обновленная» евразийская (неоевразийская) идеологическая платформа базируется на мировоззренческой и идеологической основе дореволюционных государствоведов, философов, геополитиков и т.п. Сегодня неоевразийство основывается на патриотической, консервативной и традиционалистической политической идеологии, которая исходит из «убежденности в самобытности пути российской цивилизации, не имеющей аналогов ни на Западе, ни на Востоке. Эта самобытность берется как высшая ценность, которую необходимо всячески укреплять и защищать»³⁰⁵.

³⁰³ Схожая трактовка современного политического устройства встречается и в других современных традиционалистических монархических доктринах. См., например: *Леонтьев М., Невзоров А.* и др. Крепость «Россия». М., 2008; *Русская доктрина (Сергиевский проект)* / под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. М., 2008 и др.

³⁰⁴ *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. М., 2002. С. 296.

³⁰⁵ *Дугин А.Г.* Проект «Евразия». М., 2004. С. 216.

Данный проект консерватизма формирует идею и принципы цивилизационного подхода к государству, власти, обществу, политике, праву и т.п., обосновывая типологическую уникальность российских публично-властных отношений и функционирующих политических институтов. При этом в качестве ведущих принципов развития властных отношений в национальном правовом пространстве евразийцы выделяют:

- *во-первых*, это возрождение роли и мессианского значения российского государства на евразийском пространстве;

- *во-вторых*, утверждение духовно-нравственных стандартов в основании цивилизации и культуры, в противовес утилитарным властным отношениям западноевропейской культуры, потребительским и индивидуалистским измерениям развития общественной системы;

- *в-третьих*, политическую организацию общества, которая должна основываться на справедливости, чести, нравственности в противовес коррупционности, политической стагнации и аномии, правовому нигилизму и идеализму, власти капитала и олигархии;

- *в-четвертых*, возрождение суверенности народов и национальной уникальности культур перед лицом глобализации, политической стандартизации и правовой унификации, культурной типизации и проч.;

- *в-пятых*, это институционально-нормативную фиксацию в действующем законодательстве и политической практике нового принципа формирования элит, основанного на отборе людей по принципу личных достоинств, духовно-нравственных и профессиональных качеств, развитие деонтологических основ правоприменительной, правоохранительной, судебной и иной политико-правовой деятельности;

- *в-шестых*, создание социального общества, формирование и реализацию социально ориентированной политики государства, обеспечивающей солидарность и взаимоподдержку, а также сохранение социально-политических институтов социалистического общества в различных сферах жизнедеятельности

общества (в здравоохранении, образовании, жилищно-коммунальном хозяйстве, пенсионном обеспечении и проч.);

- *в-седьмых*, развитие системы патриотического образования и формирования духовно-нравственных стандартов личности, поскольку «евразийцы считают, то последовательные патриоты и настоящие полноценные граждане нашего Отечества³⁰⁶ должны исповедовать одну из традиционных религий. Евразийское движение - движение традиционалистов, верующих людей или (по меньшей мере) тех, кто находится на пути к традиции»³⁰⁷;

- *в-восьмых*, на место государства-нации (как феномена, порожденного западноевропейским правовым мышлением) должен прийти новому типу политической организации, сочетающий в себе объединение больших континентальных пространств (здесь очевидно развитие идеи Н.Я. Данилевского о формировании единого славянского суперсоюзного государства на евразийском пространстве) со сложной, многомерной системой национальных, культурных и хозяйственных автономий³⁰⁸.

3. К *модернистской консервативной идеологической платформе* следует отнести создаваемые проекты консервативных идеологий официальной властью, сочетающих набор модернизационных (модерных, современных) и устойчивых социокультурных ценностей, идей и представлений. В частности официальная идеология власти сочетает различный набор ценностей, таких как свобода, равенство, справедливость, обращение к прошлому как источнику будущих свершений, преемственное и эволюционное развитие, православная вера, нравственные стандарты, семья, собственность, государство, справедливость, закон, порядок, свобода, в соединении ее с ответственностью и защитой человеческого достоинства, патриотизмов и проч.

³⁰⁶ Полноценные граждане в евразийском правовом мышлении – это те, у которых сформировано правильное правосознание (содержание которого определяется в полном соответствии с концепцией правового сознания дореволюционного русского юриста И.А. Ильина), патриотическое отношение к национальной культуре и к ее феноменам (государству, праву, власти и т.п.), духовно-нравственные стандарты личности, солидаристское отношение к обществу, обладание развитым религиозно-политическим мышлением и т.д.

³⁰⁷ Дугин А.Г. Указ. раб. С. 248.

³⁰⁸ См.: Там же. С. 174.

Впрочем, использование идеологии соединения консервативных и современных (модернизационных и инновационных) идей и ценностей является с нашей точки зрения вполне логичным, поскольку отвечает сложившемуся мировоззрению современных российских граждан, их ценностно-нормативной структуре, а также международно-правовым и политическим стандартам и развивающимся процессам унификации права и политической стандартизации систем организации публично-властных отношений в государстве³⁰⁹. Это так называемая «синтетическая модель» неоконсервативного стиля политического мышления, старающегося совместить современные процессы модернизации и устойчивые социокультурные ценности общества. Например, современные социологические исследования фиксируют доминирование в российском обществе как либерально-индивидуалистических (38 % респондентов), так и авторитарно-коммунитаристских (37 % респондентов) политических установок, а также около 18 % смешанных политических идей (сочетающих как первые, так и вторые политические установки)³¹⁰.

В течение последних десяти лет в развитии модернистского неоконсервативного проекта не было концептуально-идейного и идеологического единства. По крайней мере, в официальной идеологической концепции оптимизации властно-правовых отношений в России было три различных программы: формирование «сильного государства», обеспечивающего социальную справедливость, стабильность и т.п.; модель «суверенной демократии», которая была больше ориентирована на независимость политики российского государства на международной арене, и ее влияние на глобальные политические, экономические, социально-культурные и иные процессы; проект «социального консерватизма».

³⁰⁹ См., например, о соединении в современном правовом сознании современных и консервативных идей, представлений, ценностей и их влиянии на понимание и оценку государственно-правовых явлений и процессов: *Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М., Курильски-Ожвэн Ш.* Обоз и опыт права: Правовая социализация в изменяющейся России. М., 2008; *Тихонова Н.Е.* Личность, общность, власть в российской социокультурной модели // *Общественные науки и современность.* 2001. №3; *Шеренги Ф.Э.* Социология права: прикладные исследования. СПб., 2002 и др.

³¹⁰ См. об этом подробнее: *Шестопал Е.Б.* Указ. раб. С. 20.

Так, в 2000 году действующий Президент РФ В.В. Путин провозгласил главной целью государственной политики построение сильного государства, опирающегося на национально-культурные традиции и различные инновации, характерные для современности, способные усилить государство и его независимость. Этот неоконсервативный проект был поддержан и ведущими политическими субъектами. Причем данный вариант консервативной идеологии основывался на эволюционном развитии и постепенном системном реформировании отечественной государственно-правовой организации.

Эти консервативные проекты не были изолированы друг от друга, напротив, в официальной риторике обосновывалась их эволюционная преемственность. Например, в официальных текстах и заявлениях подчеркивалась их логическая связанность, а также обосновывался синтетический подход (совмещение традиционных и модернизационных идей и ценностей) к государственно-правовому развитию семенной России. Подобный модернистский стиль неоконсервативного проекта, по мнению В.Н. Лескина, ориентирован на формирование нового, адекватного времени баланса «между интересами свободной личности и призванного ее защищать государства, между индивидуальным и коллективным, между глобализмом и этноцентризмом»³¹¹.

Данный вариант консерватизма отстаивает только неизменные ценности и устойчивые национальные идеи и не принимает в современности только то, что угрожает таковым ценностям и идеям или не пытается создать им адекватной современной замены. Причем здесь охранительный консерватизм выступает чаще всего не в виде утонченной философской концепции или стройной политической идеологии, а скорее как ориентация власти, как определенная «политтехнология власти, пропагандистская программа, упрощенная интерпретационная схема и т.п.

4. Постмодернистская консервативная идеологическая платформа представляет собой определенного рода социальную технологию, т.е. выступа-

³¹¹ Лескин В.Н. Консерватизм как иммунная система современности // Консерватизм / традиционализм: теория, формы реализации, перспектива: материалы научного семинара. М., 2010 Вып. №3. С.76.

ет не в качестве концептуально-идеологической парадигмы организации и развития современных властных отношений, а имеет характер скорее «технологического варианта» общенациональной стратегии развития, которая конструируется «элементов из тех старых и новых идеологических систем, которые бытуют в российском обществе»³¹². Это своего рода фрагментарная и умело «сшитая» модель публично-властной организации, легитимирующая себя как через традиционную ценностно-нормативную систему координат, так и посредством современных доминирующих в обществе идей, ценностей и потребностей. Эти «фрагментарность» и «контекстуальность» позволяют ей легко адаптироваться к различным мировоззренческим системам, действующим в современном российском обществе, а также «увязываться» с постоянно изменяющимся международным и внутривластным контекстом, геополитическими тенденциями, разворачивающимися в евразийском пространстве.

Постмодернистский стиль консервативного мышления – это мозаичный и контекстуальный подход к организации властных отношений. Данный постмодернистский подход, по справедливому выражению Т.П. Вязовика, является конструктором, т.е. конструируется из различных идеологических программ, блоков, содержащих разные ценностно-нормативные системы³¹³. В качестве наиболее известного постмодернистского консервативного проекта можно выделить политический бренд «Проект Россия», разрабатываемый коллективом современных консервативно ориентированных авторов и имеющий анонимный характер³¹⁴. Он представляет собой сконструированную идеологическую систему социально-политических, духовно-нравственных и геополитических основ преобразований. И основан как на традиционных ценностях христианского

³¹² Россия: мониторинг, анализ, прогноз. М.Ж НИИСС, январь - август 1996. №5. [Электронный ресурс]. URL: www.vybory.ru/sociology/issled.php3?id_1half1996_sozdanie.html (дата обращения: 17.07.2012 г.).

³¹³ Вязовик Т.П. Попытка консервативного синтеза в постсоветском идейном пространстве. С. 87.

³¹⁴ См.: Проект Россия. Первая книга. М., 2005; Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. М., 2007; Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие. М., 2009; Проект Россия. Четвертая книга. Большая идея. М., 2010.

консерватизма, так и на новых модернистских принципах политических практик.

Общая логика рассуждений в различных книгах, изданных достаточно большими тиражами, связана с формированием идеационной общественной системы и идеократической организации властных отношений. Идеационный характер (термин П.А. Сорокина) политической организации отношений основан на традиционалистическом типе морального мировоззрения, в котором вертикаль ценностно-нормативной иерархии устремлена из земного мира, мира обыденности и быта к сверхчувственному. При этом идеационное мышление опирается на идеациональную этику, для которой характерно пренебрежительное отношение к мирским (социальным) ценностям, материальным благам, власти, богатству, телесным удовольствиям и проч.³¹⁵

Так, например, утверждается, что «христианство необходимо вырвать из удушающих объятий государства», поскольку сегодня духовно-нравственные институты «носят не богословский, а политический характер». При этом в духе рассуждений В.С. Соловьева полагается, что «христианство в целом и христианские цивилизации в частности могут выстоять, если вернут себе фундамент. Единственным кандидатом на фундамент является Церковь - ЕДИНАЯ, СВЯТАЯ СОБОРНАЯ и АПОСТОЛЬСКАЯ»³¹⁶.

В этом аспекте рассуждений об организации властных отношений и форме правления полагается формирование некой универсальной христианско-консервативной теократии, где верховная власть и отдельные органы публичной власти подчинены церкви и духовно-нравственным стандартам. В этой организации «не будет довлеть власть, влезавшая в принятие решений, исходя из политических, а не духовных соображений... на этом Соборе будут руководствоваться только вопросами веры, и ничем больше. Это будет Собор уровня первых христиан»³¹⁷.

³¹⁵ См. подробнее об этом: *Бачинин В.А.* Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 334 - 335.

³¹⁶ Проект Россия. Четвертая книга. Большая идея. М., 2010. С. 240, 236 - 237.

³¹⁷ Там же. С. 236.

Кроме того, авторы этого проекта по-новому реанимируют идею сословной организации общества, утверждая, что именно духовно, нравственно и идейно ориентированная «элита способна умереть за свои убеждения. Масса – нет. Ее максимум - инстинкты». Поэтому область идей – это не прерогатива большинства, а достояние меньшинства. Причем в этом проекте негативно оценивается принцип социально-политического служения, который, по убеждению авторов, часто выражается в массе именно в виде инстинктов правосознания, не наполненных смыслом и идейно-концептуальным основанием, пустых и бесполезных в общественно-политической жизнедеятельности. Однако данный принцип может быть использован для достижения искомой универсальной консервативно-христианской организации, т.е. большинство должно служить, реализуя свои «публичные инстинкты», идейному меньшинству.

Обосновывают авторы и мессианскую идею русского народа, отмечая, что «каждому делу соответствует один народ и менее - другой». Создатели проекта убеждены, что сегодня лишь русская нация, сохранившая еще «огонек духовности» и веру в сверхчеловеческие ценности, может противостоять механистически оформленным властно-правовым отношениям, универсальному потребительскому мировоззрению. Поэтому «русские - оптимальный человеческий материал» для строительства нового христианско-консервативного проекта. Авторы убеждены, что они «сформулировали технологию современного сопротивления» и готовы посредством публичного обсуждения своей идеи предоставить ее каждому, кто способен действовать не в качестве наемного работника, а в качестве идейного лидера. Важно, прежде всего, идейное меньшинство, поскольку «участие остальных на этапе становления бессмысленно». В то же время данный проект позиционирует себя не в качестве восстановленного, обновленного консерватизма, а как абсолютно новая христианско-консервативная парадигма: «Мы предлагаем НОВОЕ на мировоззренческом уровне. Это не усовершенствование потребительской системы и не строитель-

ство нового мира. Это ковчег, в котором спасется тот, кто захочет», перед неминуемым крахом современности³¹⁸.

5. Еще одним проектом трансформации отечественного политико-правового пространства является такое направление, как «*консервативная революция*»³¹⁹. Справедливости ради следует отметить, что его весьма условно можно отнести к реальным политическим проектам трансформации публично-властной организации в России, поскольку оно является скорее интеллектуальной реакцией на процессы либерально-демократической модернизации российской политической системы: «мировоззрение в духе “консервативной революции” направлено не столько против метафизических “врагов”, сколько против *либерального кредо*, в котором отсутствует *политическая субъективность* и *мобилизационный пафос* (курсив мой – *А.М.*)». Здесь отчётливо проявляется современная «неудовлетворенность миром, в котором все исходят из неких абстрактных правовых норм и в котором нет места политическому субъекту, способному взять на себя ответственность за принятое решение»³²⁰.

Прав в этом аспекте известный западный политолог Ф. Закария, отмечая, что «мы всегда жили при смешанном правлении в аристотелевском смысле слова. У нас была демократия, но были и другие, недемократические элементы, которые всегда входили в состав смешанного общественного устройства, законов»³²¹. Однако мы не согласны с его политическим наброском будущего развития политических режимов, формата фукуямовского рассуждения, а именно с тем, что «мы подходим к тому моменту, когда все они (различные смешанные элементы – *А.М.*) смываются большой демократической волной»³²². Выше мы уже отмечали, что эта так называемая «волна» сегодня достаточно абстрактна и

³¹⁸ Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие. М., 2009. С. 20.

³¹⁹ См. о сущности, значении и содержании «консервативной революции»: *Ремизов М.* Опыт консервативной критики. М., 2002; *Он же.* Консервативная мысль в поисках «арены истории» // *Логос.* 2002. № 5-6; *Он же.* Опыт типологии консерватизма // *Логос.* 2005. № 5 (50) и др.

³²⁰ *Межуев Б.* Американский фундаментализм и русская «консервативная революция» // *Логос.* 2003. №1 (36). С. 106.

³²¹ *Закария Ф.* Неолиберальная демократия пять лет спустя: судьба демократии в двадцать первом веке // *Логос.* 2004. № 2 (42). С. 76.

³²² Там же.

противоречива, что после этой «волны» восстанавливаются традиционные политические практики публично-властного взаимодействия в обществе, а нанесенные «волной» институты, идеи и ценности адаптируются либо изменяются в соответствии с воспроизводящимся в обществе социокультурным укладом.

Поэтому более объективной, лишенной универсально-утопического пафоса, можно считать позицию Велихана Мирзеханова, согласно которой современные процессы модернизации «переходных обществ все более оказываются под сильнейшим воздействием Запада и сводятся к освоению институтов и норм западной либеральной демократии. Однако процесс этот противоречив и неоднозначен, ибо ни одно из трансформирующихся обществ не в состоянии отрешиться от собственного прошлого, своих традиций и норм политической жизни»³²³.

Представляется, что оппозиция между традициями и инновациями является исконной в интеллектуальных построениях и в политической практике на протяжении развития политической мысли. В контексте развития политических пространств эта оппозиция не только «обнажала противоречия» в развитии, но и «стимулировала» качественную трансформации политико-правовой организации. Так, классическим примером могут служить политэкономическая теория К. Маркса и социально-политическая концепция М. Вебера. Первый обосновывал, что социально-экономическое развитие «первичнее» любых традиций и ценностей, которые «сметаются», объективно разрушаются в ходе изменений общественных отношений, при переходе от одной формации к другой³²⁴. Второй, напротив, настаивал на том, что ценности, традиции, верования и т.п. обуславливают специфику хозяйственных практик, преемственность в развитии общественных отношений и проч.³²⁵

³²³ Мирзеханов В. Власть, демократия и «разумное правление» в переходных обществах // Логос. 2003. № 4-5 (39). С. 195.

³²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45.

³²⁵ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. [Электронный ресурс]. URL: www.scilib.narod.ru/other/Weber/index.html/ (дата обращения: 11.02.2012 г.).

При этом говоря о процессах трансформации (модернизации и консерватизме), следует учитывать следующие моменты:

Во-первых, это нелинейные, сложные и неоднозначные процессы, поэтому могут существовать и развиваться разные консервативные и модернизационные проекты, а также возможны варианты их совмещения (конвергенции) в политике государственной власти. Кроме того, эти процессы имеют различные этапы, стадии. Например, говоря о модернизационном проекте трансформации публично-властных отношений, Рональд Инглхарт отмечает: «Каждый этап модернизации определенным образом изменяет мировоззрение людей. Индустриализация приносит бюрократизацию, иерархичность, централизацию в принятие решений, секуляризацию и разрушение традиционных стереотипов поведения. Становление постиндустриального общества отторгает бюрократизацию и централизацию и ориентирует людей на личную автономию и ценности самовыражения»³²⁶.

Во-вторых, эти процессы всегда развиваются в контексте определенной социокультурной среды и, соответственно, имеют свою специфику и «локальные» закономерности развития, поскольку любая трансформация «осуществляется в конкретной социальной и культурной среде, причем людьми, у которых есть собственные привычки и взгляды, во многом унаследованные от прошлого. Значение этой среды и этих взглядов особенно велико, если страна в целом еще не готова к переменам»³²⁷. Так, например, по данным международных социально-политических исследований, проведенных World Values Survey в 2007 – 2010 гг., современные постиндустриальные общества и демократические политические системы двигаются в более или менее одном и том же направлении развития, но социокультурные различия между ними не только не уменьшаются, но в ряде случаев только увеличиваются. При этом политологи и социологи,

³²⁶ Инглхарт Р. Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества. М., 2010. С. 165.

³²⁷ Красильщиков В. От авторитаризма к демократии на путях модернизации: общее и особенное // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества. М., 2010. С. 216.

проводившие данные исследования отмечают: «Несмотря на то, что ценностные ориентиры могут меняться и меняются, они продолжают отражать историческое наследие общества»³²⁸.

С учетом этого отметим, что с нашей точки зрения главным ориентиром развития политического процесса в современной России выступает необходимость формирования правовой государственности как особого социокультурного типа (политико-правовой организации), восстановление политической стабильности, устойчивости и адекватности социально-властного взаимодействия (в системе личность – общество – государство), а обеспечение режима законности и эффективности государственной власти зависит от поиска национальной стратегии обновления политической и правовой жизни российского общества, развития духовной и нравственной основы, поиска общественного идеала (идейно-концептуальной доктрины, отвечающей истории развития российского государства, его современному состоянию и условиям, а также будущим ориентирам).

В качестве заключения по данной части работы отметим следующее:

- *во-первых*, понятие политической трансформации следует рассматривать в качестве более широкой категории, чем «модернизация», которая является одним из видов трансформационных процессов, трактуемых в качестве эволюционных, революционных (скачкообразных) или маятниковых форм развития политических институтов, системы властных отношений. При этом «модернизация» имеет очевидную социокультурную нагрузку, поскольку опирается на определённый образец (образ, модель и т.п.) политической трансформации, сформированный в конкретно-исторических условиях и преемственно развивающий специфический стиль политической рациональности и аксиомы политической организации. В свою очередь, консервативная трансформация политической жизни общества направлена на формирование адекватных и органичных социокультурной среде публичных институтов власти, форм организаций, отвечающих интересам и ценностям общества;

³²⁸ Инглхарт Р. Указ. раб. С. 173 – 181.

- *во-вторых*, в политическом процессе современной России доминируют два основных политических проекта трансформации государственной власти – консервативный и модернизационный, которые отличаются внутренней неоднозначностью и противоречивостью. В тоже время каждое из направлений представляет не только систему политических представлений, идей, образов и символов (идейно-политическую платформу), комплекс форм и принципов организации политического процесса, но и специфическую систему публично-властных практик;

- *в-третьих*, проект политической модернизации можно в целом охарактеризовать как идейно-политическую программу формирования, развития и распространения современных либерально-демократических идей, представлений, политических институтов и практик, а также соответствующей им политической культуры (имеющей тенденцию к социокультурному универсализму и стандартизации политической мыследеятельности). В свою очередь неоднозначный характер модернистских проектов и подразделяет их на три идейно-концептуальные платформы трансформации государственной власти и соответствующие им технологии организации политического процесса. Модернистские платформы следует типологизировать на: 1) *органичную* (повсеместную) модернизацию; 2) *эволюционную* (совместимую) модернизацию; 3) *фрагментарную* (технологическую) модернизацию. При этом последнюю модель модернизации можно условно подразделить на авторитарную и инструментально-техническую модернизацию, которые предполагают ведущую роль в реализации инновационной стратегии политического развития, используя при этом административно-правовые, политические, организационные, материальные ресурсы. В рамках первой модели модернизация осуществляется политической элитой, заинтересованной в обновлении системы государственной власти и фактически противопоставляющей себя обществу, его сложившимся институтам, практикам взаимодействия, воспроизводящимся политическим традициям, обычаям, социальным ценностям и проч. Вторая модель связана с заимствованиями современных политических институтов, но эти институциональные за-

имствования протекают под знаком их «технической» интерпретации, институты воспринимаются как инструментальные приспособления, призванные активизировать индустриальное, политическое, правовое, информационное и другое инновационное развитие;

- *в-четвёртых*, к трём модернистским технологиям организации и управления политическим процессом, развивающемся в современной России, следует отнести: 1) гармоничную (системную) имитацию общих форм, правил и способов политического и социально-культурного функционирования общественной жизнедеятельности; 2) технократическую имитацию, дающую «наиболее быстрый эффект и ощутимые результаты» (М.В. Ильин) и направленную на перенос и адаптацию алгоритмов, при которых копируется в целом политический процесс; 3) институциональная имитация политических форм и симуляция результатов. Последний тип модернизации характерен для авторитарного стиля политического управления, маскирующего практики «изначального определения» ключевых властных позиций (например, несвободный и несоревновательный характер выборов, камуфлируется под демократический процесс свободного волеизъявления народа), либо конвергационные политические эффекты, сочетающие демократические институты и процедуры с административными рычагами давления;

- *в-пятых*, к типоформирующим признакам консервативного с политической мыследеятельности следует отнести: *во-первых*, ориентацию на устойчивость и преемственность, сохранение форм политической организации, обеспечивающих единство и целостность, солидарность и справедливость; *во-вторых*, государственные структуры и иные политические институты в данной платформе не рассматриваются как самодостаточные ценности и получают своё социокультурное значение только в связке с этими базовыми социокультурными ценностями, для воплощения которых они и функционируют; *в-третьих*, восприятие нового политического или институционально-правового опыта должно осуществляться сквозь призму преемственно-воспроизводимых социокультурных ценностей, эмоционально-психологических готовностей и когнитивных

клише, адаптируемых и применяемых согласно сложившемуся стилю политической мыслительности и базовым формам, режимам и моделям публично-властного взаимодействия;

- *в-шестых*, в зависимости от интерпретации фундаментальных цивилизационных стандартов политической организации, принципов публично-властного взаимодействия в системе личность, общество, государство консервативные платформы классифицируются на: 1) *традиционалистическую*, неоевразийскую («обновленная» евразийская доктрина), модернистскую, постмодернистскую и «консервативную революцию»;

- *в-седьмых*, процессы трансформации в российском политическом пространстве имеют: 1) нелинейный, сложный и неоднозначный характер, поэтому в контексте оптимизации системы государственной власти действенны варианты совмещения (конвергенции) модернизационных и консервативных стратегий в государственной политике и технологиях публичного управления; 2) процессы трансформации всегда развиваются в контексте определенной социокультурной среды и, соответственно, имеют свою специфику и «локальные» (этнополитические) особенности развития;

- *в-восьмых*, трансформационные процессы в российском политическом пространстве традиционно носят конвергенционный характер. Так, в современной российской политической системе устойчиво проявляется: демократические институты, формы политического плюрализма соседствуют с авторитарными установками политического сознания. Данный конвергенционный характер присущ и взаимодействию российской власти и общества, поскольку, с одной стороны, признается важность и необходимость гражданских организаций и движений в развитии национального публично-властного пространства, а с другой, – взаимодействие власти и общественных институций основывается на прежних, идейно-политических установках и авторитарно-контрольных процедурах. В этнонациональном аспекте конвергенционный характер трансформации российской государственной власти связан с доминированием как общенациональных (федеральных) тенденций, так и локальных, региональных, этни-

ческих. При этом доказывается, что в политическом ландшафте конвергируются социокультурные тренды трансформации политического процесса с этнонациональными и провинциальными факторами и устойчивыми доминантами публично-властного взаимодействия;

- *в-девятых*, в качестве ориентиров развития политического процесса в современной России следует выделить необходимость формирования правовой государственности как особого социокультурного типа политико-правовой организации общества, восстановление политической стабильности, устойчивости и адекватности публично-властного взаимодействия (в системе личность – общество – государство). В свою очередь, восстановление режима законности и эффективности государственной власти в работе связывается с формированием национальной стратегии обновления политической и правовой жизни российского общества, развитием духовной и нравственной основы публично-властной коммуникации, доктринального оформления общественного идеала, идейно-концептуальной доктрины, отвечающей истории развития российского государства, его современному состоянию и условиям, а также будущим ориентирам развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В политической науке и практике вопрос о сущности государственной власти в высшей степени актуален и значим, в отличие от рассуждений о власти «как таковой»: «Для современного человека вообще, – замечает русский государствовед С.А. Котляревский, – проблема власти в её отношениях к личной и общественной свободе представляется, прежде всего, в форме проблемы именно государственной власти»³²⁹. С учётом современных тенденций развития политического процесса востребованным представляется анализ трансформации государственной власти как политического и социокультурного феномена. Государственная власть, в целом политический порядок – это общественные явления, основанные на социокультурно обусловленных политических и правовых нормах, идеях, ценностях и идеалах, которые формируют институционально-властную организацию общества, обеспечивающую упорядоченность социальных отношений и отражает специфику и закономерности развития этнонациональной системы.

Другой аспект проблемы заключается в том, что в научной и учебной литературе при обосновании понятия «государственная власть» доминирующим «смысловым» ядром является концепт «государство» и его специфические признаки, отличающие его от иных политических субъектов. В чем здесь проблема? Дело в том, что в определение данного феномена в большинстве случаев включается смысловое содержание именно этого концепта, а классификация подходов осуществляется с позиции различных трактовок государства. При этом «истинность» той или иной концептуализации данного феномена определяется по форме государства, а не по конкретному содержанию государственной власти. Хотя конкретно-историческая практика, напротив, свидетельствует о том, что государственная власть (как система публично-властных отношений, представлений, символов, образов и проч.) является более устойчивой, чем та или иная форма государства. Нередки случаи, когда при смене формы государ-

³²⁹ Котляревский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства. СПб., 2001. С. 27.

ства (формы правления, государственного устройства, политического режима) система властных отношений (представлений и практик государственного властвования) сохраняется, адаптируется к новым формам государственно-правовой организации.

Конечно, как было показано выше, осмысление государственной власти генетически связано с концептом «государство», однако полностью «выводить» ее определение посредством системы специфических признаков государства ошибочно. Обобщенно говоря, здесь государственная власть – это деятельность органов государственной власти по реализации функций государства или система властных полномочий, а само государство – это система органов, осуществляющих власть на определённой территории. В этом формальном аспекте ускользают многие иные проявления государственной власти, особенно если ее рассматривать в качестве специфических публичных отношений, разворачивающихся в конкретной социокультурной среде. Отметим в этом плане, что эти отношения (их специфика, закономерности развития, социокультурные особенности и проч.) – достаточно важный аспект в осмыслении государственной власти, поскольку выражают «социальную энергию», которая «задействует» те или иные публично-правовые роли, властные полномочия, наполняет содержанием властные структуры. Прав в этом плане Л.С. Мамут, отмечая, что «в рассматриваемых ролях собственно публично-властное начало отсутствует. Верно, они производны от публичной власти, они – ее каналы, проводники. Если эти роли не задействованы, то публичная власть – пустой звук. Однако еще никто не сумел доказать, что производное, вторичное имеет полное сходство с производящей его субстанцией». Властные полномочия, роли и в целом публично-властные институты – «это не само электричество», а лишь проводники, через которые «идёт электрический ток», однако, верно и то, что «без них электричества не существует»³³⁰.

³³⁰ Мамут Л.С. Публичная власть: воплощения и функции // Актуальные проблемы теории и истории права и государства: сб. ст., посвященный памяти профессора В.В. Посконина / Под общ. ред. О.В. Посконинной. Ижевск, 2008. С. 325.

Именно с этих теоретико-методологических позиций государственная власть в настоящей работе анализировалась в качестве специфической публичной системы официально признанных (легитимных и легальных) властных практик, процедур и институтов, действующих на основе социокультурно обусловленных идей, образов, символов в определённом публично-территориальном пространстве и характеризующихся суверенностью, функциональностью и устойчивостью.

Такой авторский подход к исследованию государственной власти в современном политическом процессе позволил получить ниже сформулированные положения и выводы.

Во-первых, усложнение общественной организации и политического процесса обуславливает необходимость комплексного социально-политического исследования государственной власти, которая является устойчивым и воспроизводимым социально-культурным феноменом, а властно-политическое мышление, равно как и действие, теснейшим образом переплетено с множественностью форм общественной и индивидуальной мыследеятельности, вплетено в национальный и цивилизационный контекст.

Поэтому феномен государственной власти всегда привязан к определённому временному геополитическому и геоюридическому континууму, в рамках которого последний получает свой бытийственный статус в шести взаимосвязанных видах: в *ценностно-нормативном* (аксиологическом), отражающем социокультурный аспект, влияющем на идейно-теоретическое, доктринальное, идеологическое и понятийно-смысловое восприятие, понимание и интерпретацию сущности, социальной роли и значения государственной власти; *структурно-функциональном* – государственная власть связывается с устойчивой системой публично-правовых институтов власти, с её структурно-функциональными характеристиками; *институционально-нормативном* – государственная власть рассматривается в качестве системы легальных полномочий, составляющих содержание государственной власти, осуществляемой для достижения законодательно определённых целей; *инструментально-*

технологическом – государственная власть анализируется как система организационных, материальных и символических ресурсов, необходимых для реализации управленческим аппаратом своих функциональных целей и задач; *социологическом* – система государственной власти рассматривается, с одной стороны, как взаимосвязанная совокупность специфических политических практик направленных на осуществление публичной власти в обществе, а с другой – интерпретируется с точки зрения адекватности последней социальным структурам и культурным контекстам и геополитическом – конкретная публично-властная организация территории и специфической системой политического управления последней.

Во-вторых, познание государственной власти и её качественных характеристик должно протекать по следующим основным направлениям: идеократический дискурс (макродискурс), институциональный дискурс (мезодискурс) и социологический дискурс (микродискурс). Каждой исторической эпохе свойствен определенный (доминирующий) дискурс власти, порождаемый и поддерживаемый в рамках определенной социокультурной среды, где под *дискурсом* понимаются условия (языковые, коммуникативные, исторические, социально-политические и т.п.), которые раскрывают и актуализируют политическую жизнь для субъекта, создают особый «фон», контекст существования политических феноменов, явлений и процессов. Дискурс публичной власти связан также с особым *стилем* мышления, действия и высказывания о политическом бытии, характерным для определенной социокультурной среды.

В-третьих, целостность рассматривалась как качественное состояние публично-властной жизни народа в его *пространственно-временном* (т.е. целостность эволюции политического и социокультурного бытия народа, несмотря на различные катаклизмы, «сбои», радикальные трансформации, случающиеся в ходе развития), *духовно-нравственном* (цельная система национальных верований, идей, символов, образов, установок, стереотипов и проч.), *географо-климатическом* (пространственная, экологическая и климатическая специфика развертывания общественных процессов и социально-властного взаимодейст-

вия, во многом определяющая публично-властные формы организации и режимы взаимодействия между частями, элементами) единстве.

В-четвертых, функциональная идея государственной власти связывалась с обеспечением целостной политико-правовой жизни общества, благодаря которой различные этапы государственно-правовой эволюции и конкретно-историческое состояние политической организации общества могут быть осмыслены в их органической связи, а в итоге взаимодействия и взаимовлияния различных этапов и поворотов развития формируются интегральные характеристики целого. Поэтому рассмотрение политической жизни общества, отдельных ее этапов без учёта целостности и исторического единства развития (каким бы идеалистическим это ни представлялось) ведёт к утрате единства политической организации, к размыванию духовно-нравственных, культурных, социально-экономических, политико-правовых скреп общественной целостности.

В-пятых, понятие «государственность» позволяет выявить качественные характеристики (идеационные, идеократические, политические, правовые, духовно-культурные, социально-экономические и проч.), которые влияют на становление государственной власти определенного типа, вида и формы, а также влияние последних как на трансформацию государственных институтов, так и на институциональную традицию государственного властвования, воспроизводство специфического политического образа жизни. Данные характеристики выступают аналитическим инструментарием фиксации как случайного, так и типичного, повторяющегося в сфере политического развития общества, отражают принципы и метаморфозы осуществления государственной власти, специфику публично-властного взаимодействия ее первичных и вторичных субъектов.

В-шестых, в политической науке существуют различные подходы к пониманию сущности политического порядка в его связи с государственной властью, которые можно типологизировать на следующие направления: этатическое, коммуникативное (социологическое), естественно-правовое (договорное), плюралистическое, прагматическое, идеократическое. Государственная власть

реализует связь различных общественных интересов и потребностей с общим политико-правовым порядком, а также сообразно с ними осуществляет свои функции и направляет развитие политической и правовой системы общества. В этом смысле политико-правовой порядок – это основанная на политических, правовых нормах, идеях, ценностях и идеалах такая институциональная организация общества, которая обеспечивает упорядоченность политических отношений и отражает специфику и закономерности развития социокультурной системы.

В-седьмых, формирование и развитие идеи суверенитета знаменует не только развитие новой эпохи и новых форм организации государственной власти, но и развитие ее качественного состояния. Именно идея суверенной власти формирует принципиально иные основы социальной и политико-правовой организации, новый принцип идентификации граждан, где религиозный фактор уступает место *принципу национально-государственному*. Суверенная власть становится над всеми социально-политическими и духовными силами, координирует их, разрешает конфликты и т.п. Религиозные основания социально-властного взаимодействия вытесняются из публично-властной организации, становятся делом частным, приватным, не имеющим непосредственного отношения к властной организации, что окончательно ниспровергает принципы организации и функционирования государственной власти, свойственные традиционному обществу, и формирует принципиально иные политические феномены – государственную рациональность, публичный интерес, общее благо и т.п.

В-восьмых, следует систематизировать существующие на сегодняшний день прогностические модели развития государственной власти и попытки научно-практического моделирования ее эволюции на три основных направления: 1) *прагматическое*, связанное с интенсификацией взаимосвязи и взаимозависимости национальных систем государственной власти, при реализации своих внутренних и внешних функций. Данное направление предполагает развитие международного политико-правового и социально-экономического взаимодействия, направленного на обеспечение устойчивости национального государст-

венно-правового пространства, базовых институтов, ценностей и т.д.; 2) *унификационное*, основывается на сближение и унификации политических и юридических форм и средств коммуникации, распространение и институционализацию единых правовых и иных стандартов и требований в развитии локальных социально-политических пространств; 3) *космополитическое*, ориентированное на качественную трансформацию публично-правовых форм организации власти, в контексте которой институт государства перестает «создавать общий порядок взаимоотношений» (У. Бек) и стимулирует принципиально новые космополитические принципы организации человеческой жизнедеятельности и новые (революционные) формы социальной интеграции и идентичности, которые должны быть концептуально и политически освоены вне старых категорий национального и интернационального.

В-девятых, осмысление своеобразия и эволюции отечественной государственной власти зависит от обнаружения ее «образа» в национальном самосознании, от специфики *мыследеятельности* субъектов, конкретных политико-правовых проблем, стоящих перед обществом на конкретном историческом отрезке времени. Анализ государственного мышления определенной эпохи возможен только в рамках комплексного подхода, совмещающего исследование как гносеологических (как воспринималась и познавалась государственная власть в ту или иную эпоху – *концептуальная практика*) и морфологических (социально-политическое строение и форма), так и практических проблем (как посредством каких техник и способов осуществлялась государственная власть в ту или иную эпоху – *властно-управленческая практика*). Реформируемая институциональная система российской государственной власти является типологически неоднородным, переходным (нетипичным) явлением, находится в стадии становления и социокультурной адаптации, дальнейшее ее развитие требует адекватного культурно-политического синтеза, который сочетал бы национальные и общечеловеческие традиции, сильную верховную власть, социальную справедливость, свободу личности и политический плюрализм в рамках традиционной преемственности.

Социокультурная динамика институтов государственной власти предполагает рассмотрение, с одной стороны, того или иного периода как относительно самостоятельного и целостного этапа политического развития, в рамках которого исследуются аксиологические и гносеологические (как воспринималась и познавалась государственная власть в конкретную эпоху), морфологические (институциональная конфигурация системы государственной власти), социально-практические проблемы (как осуществлялась государственная власть, посредством каких техник и способов, национальная специфика властных отношений), с другой, целостности российской политической истории развития, несмотря на все неожиданные повороты в исторической судьбе национальной государственной власти.

В-десятых, современный политический процесс претерпевает значительные трансформации, что связано как с изменением демократических принципов, практик народного волеизъявления и публичного взаимодействия, так и с деформацией идейно-концептуальной основы демократии. Сегодня действующие формы взаимодействия общества и государственной власти формируют пассивную позицию населения в выработке собственной повестки дня, что в известной степени ведёт к выходу «за рамки идеи народовластия» и формированию корпоративно-элитарной политики с преобладанием интересов властно-экономической элиты.

В современном политическом процессе о «демократии» нельзя говорить как о конкретном понятии, поскольку оно стало предельно размытым и концептуально варьирующимся политическим феноменом, содержание которого изменяется в зависимости от нестабильных политико-идеологических и узко корпоративных интересов. В то же время в качестве политической практики «демократия» характеризуется сегодня «плавающими» рамками и требованиями, что особенно проявляется при сравнительно-правовом анализе различных государственно-правовых пространств современности, в развитии современного международного порядка.

В-одиннадцатых, правовая государственность формируется под воздействием целого комплекса факторов, отражающих социально-экономические, этнополитические, духовно-нравственные, ментально-правовые условия, на основе которых институционализируются практики социально-властного взаимодействия субъектов, формируется политическая система и государственно-правовая организация в целом. Она определяет особый тип социально-политического мышления и логику осмысления политических явлений и процессов, аксиомы правового и политического сознания граждан, цивилизационную модель (национально-культурный тип) правового государства и в конечном итоге отражает национальную уникальность политического бытия общества.

Поэтому главными ориентирами развития политического процесса в современной России выступают необходимость формирования правовой государственности, восстановление политической стабильности, устойчивости и адекватности социально-властного взаимодействия (в системе личность – общество – государство), а обеспечение режима законности и эффективности государственной власти зависит от поиска национальной стратегии обновления политической жизни российского общества, развития духовной и нравственной основы, поиска общественного идеала (идейно-концептуальной доктрины, отвечающей истории развития российского государства, его современному состоянию и условиям, а также будущим ориентирам).

В-двенадцатых в отечественной политической мысли реальное либо мнимое ослабление государства интерпретируется доктринальным, профессиональным и массовым политическим сознанием, на протяжении всей истории, в качестве негативной тенденции, инициирующей деструктивные и конфликтогенные факторы и события, аномические политические процессы, инволюцию правовой культуры и нигилизм. При этом кардинальное реформирование публично-властных институтов власти традиционно приводит в России к ослаблению государства, к развитию функциональных искажений и деформаций системы государственной власти. Поэтому следует выделить в качестве устойчи-

вой национальной тенденции потребность к усилению институционально-правовой и социально-политической активности государства, укреплению и стабильности его властно-иерархической структуры, которые связываются с восстановлением порядка и контроля над территорией и обеспечением национальной безопасности, а доминирующим вектором развития российского политического пространства является институционализация в конкретно-исторических условиях сильной демократической государственности, идеократически обусловленной и стремящейся к установлению баланса между национальными интересами, потребностями (личности – общества – государства) и общемировыми достижениями;

- *в-тринадцатых*, современный демократический дискурс, ориентирующий не на внутренние, качественные характеристики политической жизни общества, а на её формальную структурированность и господство абстрактной идеологической системы (индивидуализированных прав, свобод) формирует крайне нестабильную политическую среду. При этом проект демократической универсализации основывается на потенциально конфликтогенных социально-политических фикциях, согласно которым только демократическая ценностно-нормативная система способна обеспечить общественное единство, политическую стабильность, сплочённость и международный порядок в рискогенной геополитической реальности. Неолиберализм, неосоциализм, неоанархизм, развивающие «демократический стиль» мыследеятельности политических субъектов, поиск источников «социального зла» переносят с внутреннего мира человека на внешнюю политическую организацию (форму правления, государственное устройство, отдельные политические и правовые институты). Описываемый же в них политический процесс – это реальный или виртуальный кризис, система актуальных или латентных рисков;

- *в-четырнадцатых*, международно-политическая коммуникация, основанная на государственном единстве, суверенности и национальной целостности, эволюционирует в сторону адаптирующихся (постоянно изменяющихся, динамичных, сетевых) космополитических моделей взаимодействия, где госу-

дарственная власть рассматривается в качестве одного из глобальных акторов, участвующих в политическом процессе наравне с неправительственными гражданскими институтами, транснациональными субъектами, военно-политическими блоками. В глоболокальном мировом порядке суверенность и легитимность государственной власти становятся достаточно аморфными и подвижными концептами, содержание которых конкретизируется посредством «дополнительных характеристик»: реальной и потенциальной «силы» государства (экономической, политической), военно-политической мощи, институционально-правовой стабильности и устойчивости публично-правовых институтов;

- *в-пятнадцатых*, в российском публичном пространстве доминируют два проекта трансформации форм и принципов организации политического процесса и оптимизации системы государственной власти: модернизационный и консервативный. Модернизационный проект имеет очевидную социокультурную нагрузку, опирается на определённый образец политической трансформации, сформированный в конкретно-исторических условиях и преемственно развивающий специфический (универсалистский) стиль политического мышления и институционально-властной организации. На современном этапе отчётливо выделяются следующие виды модернизационных проектов: органический (повсеместная модернизация), эволюционный (совместимая модернизация), фрагментарный (технологическая модернизация). Консервативная идейно-политическая платформа позиционируется в качестве альтернативной стратегии трансформации публично-властной организации, основанной на интеграции традиционных ценностей, символов, верований с неизбежными процессами эволюции социально-политической организации, в которой доминируют конкретные и целостные социально-духовные системы, обеспечивающие политическое единство, общественную целостность, социокультурную и этнополитическую идентичность. В российской государственности доминируют пять идейно-консервативных платформ: традиционалистическая, «обновленная» евразийская (неоевразийская), модернистская (консервативный модернизм) и по-

стмодернистская, а также проект консервативной революции (радикальной трансформации)

- *в-шестнадцатых*, в качестве общенационального политического тренда следует выделить ориентацию на усиление институционально-правовой и социально-политической активности государства, укрепление и стабилизацию его властно-иерархической структуры, которые связываются с восстановлением порядка и контроля над территорией и обеспечением национальной безопасности, а доминирующим вектором развития российского политического пространства является институционализация сильной демократической (социально-правовой) государственности, стремящейся к установлению баланса между национальными интересами, потребностями (личности – общества – государства) и общемировыми достижениями.

В заключение отметим, что постклассические концепции эволюции институтов государственной власти, нивелирующие ее суверенные качества, обосновывающие размывание традиционной роли и значения данного института, трансформацию его компетенций следует трактовать не просто как вызов самостоятельности, независимости, целостности национальной государственности, но и как угрозу дальнейшего существования государственно-организованных форм жизнедеятельности. Считаем, что ориентиры дальнейшего государственного строительства и совершенствования политических систем связаны с развитием концепции стабильности и устойчивости публично-правовых институтов власти, форм и моделей взаимодействия в системе личность – общество – государство, обеспечивающих преемственное воспроизводство национально-культурной целостности и идентичности в стандартизирующемся и унифицирующемся мире, а также самостоятельность в принятии общенациональных управленческих решений и реализации государственной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ и от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (от 28.02.2012 N 10-ФЗ, от 29.02.2012 N 15-ФЗ, от 23.04.2012 N 34-ФЗ, от 02.05.2012 N 40-ФЗ, от 01.12.2012 N 210-ФЗ, от 03.12.2012 N 231-ФЗ, от 03.12.2012 N 234-ФЗ, от 03.12.2012 N 244-ФЗ, от 25.12.2012 N 271-ФЗ, с изм., внесенными Постановлениями Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 N 10-П, от 12.04.2002 N 9-П) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 11.12.2010 г. № 1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
6. Указ Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Специальная литература

7. *Агамбен Д.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2001
8. *Агафонова Т.П., Гдалевич И.А., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю.* Злоупотребление публичной властью и антикоррупционная политика в современной России. М., 2011.
9. *Аузан А.А.* «Колея» российской модернизации // *Общественные науки и современность.* 2007. № 6.
10. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 2000.

11. *Алексеева Т.А.* Джон Роулс и его теория справедливости // Вопросы философии. 1994. № 10.
12. *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000
13. *Андреев Д.Ф., Бордюгов Г.А.* Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. М.; СПб., 2004.
14. *Андреева Л.А.* Религия и власть в России: религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М., 2001.
15. Антропология власти: хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т.1: Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006; Т.2: Политическая культура и политические процессы. СПб., 2007.
16. Антропологическое измерение российского государства. М., 2009.
17. *Арановский К.В.* Аксиология правды в русском мировоззрении и государственное право // Правоведение. 2003.
18. *Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М., Курильски-Ожвэн Ш.* Образ и опыт
19. *Атаманчук Г.В.* Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М., 1996.
20. *Бабурин С.Н., Урсул А.Д.* Политика устойчивого развития и государственно-правовой процесс. М., 2010.
21. *Баньковская С.П.* Ведущие теоретики чикагской школы. Идеи и подходы / История теоретической социологии. Т. 3. М., 1998.
22. *Баранов П.П.* Современные проблемы деформации и криминализации правосознания сотрудников органов внутренних дел // Проблемы теории правосознания и правового воспитания: в 5-ти т. Ростов н/Д, 2005.
23. *Бачило И.Л.* Факторы, влияющие на государственность // Государство и право. 1993. № 7.
24. *Бачинин В.А.* Политология: энциклопедический словарь. СПб., 2005.
25. *Бачинин В.А.* Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006.
26. *Бауман З.* Мыслить социологически. М., 1996.
27. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
28. *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007.
29. *Бети Э.* Герменевтика как общая методология наук о духе. М., 2011.

30. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
31. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
32. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М., 2000.
33. Бирюков Н.И., Сергеев В.М. “Соборность” как парадигма политического сознания // Политические исследования. 1997. №3.
34. Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004.
35. Бляхер Л.Е. Властные игры в кризисном социуме: преобразование российской институциональной структуры // Полис. 2003. № 1.
36. Бляер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. М., 2005.
37. Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000.
38. Болл Т. Власть // Политические исследования. 1993. № 5.
39. Большой юридический словарь / под ред. А.Е. Сухарева, В.Е. Квутских. М., 2001.
40. Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.
41. Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001.
42. Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля //Поэтика и политика: альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.; СПб., 1999.
43. Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни. М., 2006.
44. Василенко И. А. Политология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
45. Василенко И. А. Политическая философия: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
46. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
47. Вебер М. Хозяйство и общество / пер. с нем. под науч. ред. Л.Г. Ионина. М., 2007.
48. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М., 2002.
49. Витченко А.М. Теоретические проблемы исследования государственной власти. Саратов, 1982.
50. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д., 1995.

51. Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012. М., 2012.
52. Волков В.В. «Следование правилу» как социологическая проблема // Социологический журнал. 1998. № 3 – 4.
53. Волков Ю.Г. Идеология и гуманистическое будущее России. СПб.: Ростов-н/Д, 1999.
54. Восточные славяне. Антропология и этническая история. 2-е изд. М., 2002.
55. Второй всероссийский семинар «Социологические проблемы власти в условиях российской трансформации», 15-17 октября 2003г., СПб. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.rapn.ru/?grup=69&doc=102>
56. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы современной герменевтики. М., 1988.
57. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. М., 2005.
58. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1989.
59. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1: Наука логики. М., 1929.
60. Генон Р. Кризис современной науки. М., 1991.
61. Генон Р. Символы священной науки. М., 2002.
62. Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. СПб., 2010.
63. Гессен В.М. Общее учение о государстве. СПб., 1912.
64. Глинос Д. Радикальный демократический этос, или Что такое подлинное политическое действие? // Логос. 2003. № 4 – 5.
65. Глинчикова А.Г. Модернизация, традиция и эволюция частного интереса // Политико-философский ежегодник. М., 2011. Вып. 4.
66. Глобализация и государственное единство России / Б.С. Эбзеев, Р.А. Айбазов, С.Л. Красноярцев, отв. ред. Б.С. Эбзеев. М., 2006.
67. Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов н/Д, 1996.
68. Горшков М.К. Граждане новой России: к вопросу об устойчивости и изменчивости общественного менталитета: тезисы доклада на семинаре РАН. М., 2005.
69. Государственная политика и управление: в 2 ч. Часть II: Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления / под ред. Л.В. Сморгунова. М., 2007.
70. Граждане новой России: как себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998 – 2004): аналитический доклад. М.: РАН ИКСИ, 2004.

71. *Грей Дж.* Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. М., 2003.
72. *Гумилев Л.Н.* От Руси до России: Очерки этнической истории. М., 2002.
73. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-романскому. СПб., 1995.
74. *Дахин А.В.* Альтернативные метаморфозы глобализации // Космополис. 2003. № 3.
75. Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества. М., 2010.
76. *Домников С.Д.* Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002.
77. *Дугин А.Г.* Философия политики. М., 2004.
78. *Дугин А.Г.* Проект «Евразия». М., 2004.
79. *Дугин А.* Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М., 2009.
80. *Дугин А.Г.* Социология русского общества. Россия между Хаосом и Логосом. М., 2011.
81. *Дюби Ж.* Развитие исторических исследований во Франции // Одиссей. М., 1991.
82. *Дюверже М.* Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. II.
83. *Егоров С.А.* История отечественного государства и права. IX – первая половина XIX века. Опыт проблемного изложения. Ярославль, 2000.
84. *Ерохов И.* Современные политические теории: кризис нормативности. М., 2008.
85. *Жувенель Б. де.* Власть: естественная история ее возрастания. М., 2011.
86. *Закария Ф.* Неолиберальная демократия пять лет спустя: судьба демократии в двадцать первом веке // Логос. 2004. № 2 (42).
87. *Заславская Т., Шабанова М.* Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5.
88. *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. М., 2002.
89. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV – XVI столетий. М., 1982.
90. *Золотухина Н.М.* Особенности средневековой политической и правовой мысли в России // Философия права в России: история и современность: материалы

- третьих философ.-правовых чтений памяти В.С. Нерсесянца /отв ред. В.Г. Графский. М., 2009.
91. *Игошин И.Н.* Институциональные искажения в российском обществе. М., 2003.
 92. Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О.Ю. Малиновой. М., 2011.
 93. Идеология модернизации как национальная идеология // [Электронный ресурс]. URL: www.niiss.ru/publications/russia/1997/6/ideol.htm
 94. *Ильин В.В., Ахиезер А.С.* Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997.
 95. *Ионин Л.Г.* Понимающая социология. Историко-критический анализ. М., 1979.
 96. *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.
 97. *Ильин М.В.* Очерки хронополитической типологии. М., 1995.
 98. *Ионов И.Н.* Построение образа российской цивилизации в свете психологии мышления и социологии знания // *Общественные науки и современность.* 2003. № 6.
 99. *Ильин И.А.* Путь духовного обновления. М., 2003.
 100. Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М., 2006.
 101. *Исаев И.А.* Метафизика власти и закона. М., 1998.
 102. *Исаев И.А.* *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти. М., 2003.
 103. *Исаев И.А.* Господство: очерки политической философии. М., 2008.
 104. *Исаев И.А.* Идея порядка в консервативной ретроспективе. М., 2011.
 105. *Исаев И.А., Золотухина Н.М.* История политических и правовых учений России: хрестоматия. М., 2003.
 106. История государственного управления России / отв. ред. В.Г. Игнатов. Ростов н/Д, 1999.
 107. История политических учений / под редакцией проф. К.А. Мокичева. Издание 2-е, исправл. М., 1971.
 108. История политических и правовых учений / под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1997.
 109. История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста. М., 2000.
 110. История России: Народ и Власть / под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2001.

111. Качанов Ю. Политическая топология: структурирование политической действительности. М., 1995.
112. Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М., 1990.
113. Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М., 2005.
114. Комаров С.А. Личность в политической системе российского общества (политико-правовые исследования). Саранск, 1995.
115. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003.
116. Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1909. Т. 1.
117. Котляревский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства. СПб., 2001.
118. Косарев А.И. Великая модернизация глобализма. М., 2004.
119. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993.
120. Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 2004.
121. Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003
122. Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М., 2009.
123. Краснов М.А. Перспективы правового государства в России // Общественные науки и современность. 2003. № 2.
124. Краснов М.А. Персоналистский режим в России. Опыт институционального анализа. М., 2006.
125. Краснов М.А., Шаблинский И.Г. Российская система власти: треугольник с одним углом. М., 2008.
126. Крауч К. Постдемократия. М., 2010.
127. Кун Т. Логика и методология науки. Структура научных революций. М., 1977.
128. Лапкин В.В. Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений. Научная монография. М., 2012.
129. Ледаев В.Г. О сущностной оспариваемости политических понятий // Политические исследования. 2003. № 2.
130. Левада Ю. Советский человек и западное общество: проблемы альтернативы // Статьи по социологии. М., 1993.

131. *Лескин В.Н.* Консерватизм как иммунная система современности // Консерватизм / традиционализм: теория, формы реализации, перспектива. Материалы научного семинара М., 2010. Вып. 3.
132. *Лихачев Д.С.* Избранное: великое наследие; заметки о русском. СПб., 1997.
133. *Локк Дж.* Соч. в 3 т. М., 1988.
134. *Лукин П.В.* Особенности русского сознания в старообрядческих сочинениях XVII века / Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М., 2003.
135. *Лукьянов М.Н.* Консервативная научная интеллигенция и власть (1907 – 1914) // Власть и наука, ученые и власть: 1980-е – начало 1920-х: материалы Международного научного colloquium. СПб., 2003.
136. *Луман Н.* Власть. М., 2001.
137. *Луман Н.* Дифференциация. М., 2006.
138. *Лурье С.В.* Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994.
139. *Льюкс С.* Власть: радикальный взгляд. М., 2010.
140. *Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю.* Государственная власть: введение в общую теорию. Ростов н/Д, 2003.
141. *Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю.* Теория государства и права. Ростов н/Д, 2010.
142. *Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю., Мирошкина О.И.* Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты. М., 2012.
143. *Малахов В.П.* История политических и правовых учений: хрестоматия. М., 2000.
144. *Малган Дж.* Искусство государственной стратегии: мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага. М., 2011.
145. *Малько А. В.* Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы. М., 2000.
146. *Мамут Л.С.* О государстве и государственности / Основные концепции права и государства в современной России (по материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. 2003. № 5.
147. *Мамут Л.С.* Государство в ценностном измерении. М., 1998.

148. *Мамут Л.С.* Метаморфозы восприятия государства // проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996.
149. *Мамут Л.С.* Сетевое государство? // Государство и право. 2005. № 11.
150. *Мамычев А.Ю.* К проблеме исследования специфики отечественной государственной власти: методологические и эпистемологические вопросы // Философия права. 2004. № 2.
151. *Мамычев А.Ю.* Идея власти в отечественном политико-правовом дискурсе // Философия права. 2003. № 2.
152. *Мамычев А.Ю.* Постигание государственной власти: теоретико-методологические проблемы // Государственная власть и местное самоуправление. 2004. № 1.
153. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994.
154. *Маритен Ж.* Человек и государство. М., 2000.
155. *Марченко М.Н.* Глобализация и ее воздействие на современное национальное государство (методологический аспект) // Теоретико-методологические проблемы права. М., 2007.
156. *Межуев Б.* Американский фундаментализм и русская «консервативная революция» // Логос. 2003. №1 (36).
157. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
158. *Мирзоев С.* Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях». М., 2006.
159. *Мирзеханов В.* Власть, демократия и «разумное правление» в переходных обществах // Логос. 2003. № 4 – 5 (39).
160. *Митрополит Иоанн.* Самодержавие духа. Очерки русского самосознания / Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб., 2004.
161. *Моисеева Н.А., Сорокикина В.И.* Менталитет и национальный характер (О выборе метода исследования) // Социологические исследования. 2003. № 3.
162. *Михалков Н.С.* Право и Правда. Манифест Просвещенного Консерватизма // М.: Российский фонд культуры, ИД «Сибирский цирюльник». 2010. [Электронный ресурс]. URL: www.polit.ru/kino/2010/10/26/manifest/html (дата обращения:)
163. *Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю.* Мишель Фуко: поиск оснований государственной власти // Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2003. Приложение 5.

164. *Мордовцев А.Ю.* Национальный правовой менталитет. Введение в проблему. Ростов н/Д, 2002.
165. *Мордовцев А.Ю., Попов В.В.* Российский правовой менталитет. Ростов н/Д, 2007.
166. *Мордовцев А.Ю.* Феномен государственной власти в отечественном социально-политическом пространстве: путь к очевидности // *Философия права.* 2004. № 1.
167. *Морозова Л. А.* Проблемы современной российской государственности. М., 1998.
168. *Некlessа А.И.* Глобализация и новое геэкономическое мироустройство // *Философия хозяйства.* 2002. № 1.
169. *Никитаев В.* Повестка дня для России: власть, политика, демократия // *Логос.* 2005. № 5 (50).
170. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991.
171. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М., 2008.
172. *Нора П.* Проблематика мест памяти // *Франция-память.* СПб., 1999.
173. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
174. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгафт Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
175. *Нурумов Д.И.* Кризис западного мировосприятия и права человека // *Право и политика.* 2000. №3.
176. *Общественное мнение - 2008.* Ежегодник. М., 2008.
177. *Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций /*под ред. В.Ю. Большакова. СПб., 2000.
178. *Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Манастырный А.В., Тюрин М.Е.* Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д, 2009.
179. *Окара А.Н.* Консерватизм как модернистский проект и как политтехнология элиты // *Консерватизм / традиционализм: теория, формы реализации, перспективы: материалы научного семинара.* М., 2010. Вып. 3.
180. *Окунёв И. Ю.* Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микросоциальных государств) // *Политическая наука: Сборник научных трудов /* Ред. кол. Ю. С. Пивоваров, гл. ред. и др. - М.: ИНИОН, 2011. № 4.
181. *Осьмова М.Н.* Глобализация мирового хозяйства и эволюция экономической роли государства / под ред. М. В. Кулакова и М.Н. Осьмовой. М., 2001.

182. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / отв. ред. Н.А. Нарочницкая. СПб., 2008.
183. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2003.
184. *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы // *Общественные науки и современность.* 2004. №1.
185. *Парсонс Т.* О понятии «политическая власть» // *Антология мировой политической мысли.* М., 1997. Т. 2.
186. *Пастухов В.Б.* Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию. М., 2012.
187. *Патрушев С.В.* Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // *Полис.* 2011.
188. *Пензин А.* «Революционное чудовище»: понятие множества в философии Антонио Негри // [Электронный ресурс]. URL: www.situation.ru/app/j_jn_34.htm
189. *Пивоваров Ю.С.* Русская политическая традиция и современность. М., 2006.
190. *Пивоваров Ю.С.* Два века русской мысли / М.; РАН ИНИОН. 2006.
191. *Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* “Русская Система” как попытка понимания русской истории // *Полис.* 2001. № 4.
192. *Плискевич Н.М.* Российский социум девяностых (размышления над книгой Л. Гордона и Э. Клопова) // *Общественные науки и современность.* 2002. № 2.
193. *Перевезенцев С.В.* Смысл русской истории. М., 2004.
194. *Поланьи К.* Избранные работы. М., 2010.
195. *Политическая наука: сб. научн. тр. /РАН ИНИОН /ред. кол. Ю.С. Пивоваров.* М., 2004 (Идеи и символы в политике: методологические проблемы и современные исследования. № 4).
196. *Политическая наука: сб. науч. тр. /РАН ИНИОН /ред. кол. Е.Ю. Мелешкина.* М., 2010 (Формирование государства в условиях этнокультурной разнородности. № 1).
197. *Политическая наука: сб. науч. тр. /РАН ИНИОН /ред. кол. Е.Ю. Мелешкина.* М., 2010 (Трансграничные региональные системы: Потенциал Развития. № 3).
198. *Попов Н.П.* Поиски национальной идеи России продолжают // [Электронный ресурс]. URL: old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/12780.html

199. *Попова О. В.* Политический анализ и прогнозирование: Учебник / О. В. Попова. М.: Аспект-пресс, 2011.
200. *Попова О.В.* Консервативные ценности в стереотипах политического сознания // *Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): сборник статей.* СПб., 2004. Вып. I.
201. *Преемственность и новизна в государственно-правовом развитии России.* М., 1996.
202. *Проект Россия. Первая книга.* М., 2005.
203. *Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути.* М., 2007.
204. *Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие.* М., 2009.
205. *Проект Россия. Четвертая книга. Большая идея.* М., 2010.
206. *Просконин В.В.* Социально-политическая теория Т. Парсонса: методологический аспект. Ижевск, 1994.
207. *Пятигорский А.М.* Что такое политическая философия: размышления и соображения: цикл лекций. М., 2007.
208. *Рансьер Ж.* На краю политического. М., 2007.
209. *Раманович Н.А.* Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе: монография. Воронеж, 2009.
210. *Региональное развитие и вызовы глобализации: сб. обзоров и рефератов / М., РАН ИНИОН.* 2010.
211. *Ремизов М.* Опыт консервативной критики. М., 2002.
212. *Ремизов М.* Консервативная мысль в поисках «арены истории» // *Логос.* 2002. № 5 – 6.
213. *Ремизов М.* Опыт типологии консерватизма // *Логос.* 2005. № 5 (50).
214. *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
215. *Романовская Е.В.* Традиция как форма социальной памяти: институциональный дискурс. Саратов, 2012
216. *Рормозер Г.* Кризис либерализма. М., 1996.
217. *Россия: мониторинг, анализ, прогноз.* М.Ж НИИСС, январь - август 1996.№5 [Электронный ресурс]. URL: http://vybory.ru/sociology/issled.php3?id_1half1996_sozdanie.html

218. Русская доктрина (Сергиевский проект) / под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. М., 2008.
219. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969.
220. *Рыбаков Б.М.* Язычество в Древней Руси. М., 1988.
221. *Сапронов П.А.* Власть как метафизическая и историческая реальность. СПб., 2001.
222. *Селюк С.А.* Анархическое и антиэтатическое правовое мировоззрение: история и современность // *Философия права.* 2009. № 2.
223. Современное государство: политико-правовые и экономические исследования: Сб. науч. тр. / М., РАН ИНИОН. 2010.
224. *Соколова Р.И., Спиридонова В.И.* Государство в современном мире. М., 2003.
225. *Соловей В.Д.* Кровь и почва русской истории. М., 2008.
226. *Соловьев А.И.* Латентные структуры управления государством, или Игра теней на лице власти // *Полис.* 2011. № 5.
227. *Соловьев А.И.* Политология: политическая теория, политические технологии. М., 2006.
228. *Соловьев А.И.* Политическая культура: к проблеме идентификации национальных моделей // *Принципы и практика политических исследований.* М., 2002.
229. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000.
230. *Сорокин П. А.* Социология революции М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
231. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. / Общ. ред., сост и предисл. А. Ю. Согомонов: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992.
232. Социально-философский анализ структуры и типологии властных отношений/ А.А. Бодров, Л.М. Исмаилова, В.Г. Чумак. Самара, 2012.
233. *Спиридонова В.И.* Московское царство как прообраз политических стратегий российского государства // *Политическая стратегия российского государства как философская проблема / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.Н. Шевченко.* М., 2011.

234. *Сторчак В.М.* Гражданская религия в США и американский мессианизм // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. 2001.
235. *Тард Г.* Законы подражания. СПб., 1982.
236. *Тарнас Р.* История западного мышления. М., 1995.
237. Теория политики: Учебное пособие / Под. ред. Исаева Б. А. – СПб., 2008.
238. *Тербон Г.* Что делает правящий класс. Когда он правит? Некоторые размышления о различных подходах к изучению власти в обществе // Логос. 2003. № 6.
239. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб., 1992.
240. *Тихомиров Л.А.* Россия и демократия. М., 2007.
241. *Тихомиров Ю.А.* Государство на рубеже столетий // Государство и право. 1997. № 2.
242. *Тихонова Н.Е.* Личность, общность, власть в российской социокультурной модели // ОНС. 2001. № 3.
243. *Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю.* Юридическая энциклопедия. М., 1998.
244. *Тилли Ч.* Борьба и демократия в Европе, 1650-2000 гг. / пер. с англ. А. А. Калинина. - М., 2010.
245. *Титова Л. Г.* Политический процесс в современной России и механизмы его функционирования: Монография / Науч. ред. проф. П. Ф. Янкевича. Ярославль, 2005.
246. *Тишков В. А., Шабаев Ю. П.* Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Издательство Московского Университета, 2011.
247. *Тофлер Э.* Метаморфозы власти. М., 2001.
248. *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права. М., 1913.
249. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество: Русский мир: сб. М.; СПб., 2003.
250. *Трубецкой Н.С.* Общевразийский национализм // Русская идея: сборник произведений русских мыслителей. М., 2002.
251. *Федотова В.Г.* Модернизация “другой” Европы. М., 1997.
252. *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005.
253. *Фролов С.С.* Основы социологии. М., 1997.
254. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1987.
255. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

256. *Фроянов И.Я.* Древняя Русь: Опыт исследования истории и социально-политической борьбы. М., СПб., 1995.
257. *Фуко М.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
258. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002.
259. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. 2005. Часть 2.
260. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Часть 3.
261. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
262. *Фуко М.* Ненормальное: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1074 – 1075 учебном году. СПб., 2005.
263. *Фуко М.* Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс. СПб., 2005.
264. *Фуко М.* Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978 - 1979 учебном году. СПб., 2010.
265. *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2007.
266. *Фурман Д.Е.* Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М., 2010.
267. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2008.
268. *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. М., 2008.
269. *Халипов В.Ф.* Кратология – наука о власти: Концепция. М., 2002.
270. *Халипов В.Ф.* Кратология как система наук о власти. М., 1999.
271. *Халипов В.Ф.* Власть: Основы кратологии. М., 1995.
272. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
273. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократия в конце XX века. М., 2003.
274. *Хиршман А.* Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М., 2010.
275. *Хардт, Негри А.* Империя. М., 2004.
276. *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2004.
277. *Хомски Н.* Новый военный гуманизм: Уроки Косова. М., 2002.
278. *Чиркин В.Е.* Основы государственной власти. М., 1996.

279. *Чиркин В.Е.* Российская конституция и публичная власть народа // Государство и право. 2008. № 12.
280. *Чиркин В.Е.* Современная модель конституции: прежние и новые приоритеты // Правоведение. 2003. №2.
281. *Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор. М., 1986.
282. *Чистяков О.И.* О политико-правовом опыте и традициях России // Вестник МГУ. Серия Право. 1990. № 2.
283. *Шахматов М.В.* Государство правды. М., 2008.
284. *Шахназаров Г.Х.* Глобализация и глобалистика – феномен и теория // Pro et contra. 2000. № 4.
285. *Шемшук В.А.* Этическое государство: прошлое, настоящее, будущее. М., 2001.
286. *Шеренги Ф.Э.* Социология права: прикладные исследования. СПб., 2002.
287. *Шестопал Е.Б.* Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Политические исследования. 2011. № 2.
288. *Шмит К.* Государство и политическая форма. М., 2010.
289. *Шмит К.* Политическая теология. М., 2000.
290. *Штопка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.
291. *Щюц А.* Методология социальных наук / Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
292. PRO суверенную демократию. Сборник. М., 2007.
293. *Armagan S., Portugal Ferreira M.* The Impact of Political Culture on Firms' Choice of Exploitation-Exploratio Internalization Strategy // International Journal of Cross Cultural Management. - London, SAGE, 2005. Vol 5 (3).
294. *Beetam D.* The Legitimizing of Power. N.Y. 1991.
295. *Buchanan J., Tullok G.* The Calculus of Consent. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1962.
296. *Chabot J.- L.* Introduction a la politigue. P., 1991.
297. *Clemens E.S., Cook J.M.* Politics and institutionalism: Explaining durability and change // Annual review of sociology. Palo Alto, Calif., 1999. Vol. 25.
298. *Connell R.* Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. Cambridge. 1987.
299. *Connolly W.* The Concepts and Theories of Voderen Democracy. L. 1993.

300. *Dahl R.A.* Power //International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968. Vol. 12.
301. *Deephause D.L.* Does isomorphism legitimate? // Academy of management journal. - Ada, Ohio, 1996. Vol. 39. No 4.
302. *Eisenstadt S.N.* Tradition, Change, and modernity. N.Y., Sydney, Toronto, 1973.
303. Hall P.A., Taylor R. Political Science and Three new institutionalism // Political studies. 1996. Vol. 44.
304. *Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perration J.* Global Transformation. Cambridge: Polity Press, 1999.
305. *Hoppe R.* Cultures of Public Policy Problems // Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice. - London: Taylor & Francis, 2002. No. 4.
306. *Quermonne J.-L.* Les regimes politigues occidentaux. P., 1986.
307. Gibson J. L., Caldeira G. A. Blacks and the United States Supreme Court: Models of diffuse support // The journal of politics. Gainesville, Fla., 1992. Vol. 54, No 4.
308. *Giddens A.* Goffman as Systematic Social Theorist / Ervin Goffman: Exploring the Interaction Order. Boston. 1988.
309. *Geddes A., Favell A.* The Politics of Belonging: Migrants and Minorities in Contemporary Europe. Aldershot: Ashgate, 1999.
310. *Gorban A.* Ethnic and socio-cultural aspects of political culture in Moldova. // Ethnicity, confession and intercultural dialogue at the European Union eastern border: international conference: Oradea, 02-05 June 2011. - Oradea: Editura Universității din Oradea, 2011.
311. *Kraatz M.S., Zajac E.J.* Exploring the limits of the new institutionalism: The causes and consequences of illegitimate organizational change // American sociological review. Menasha, Wis., 1996.
312. *Landort P., Goldring L.* Political cultures and transitional social fields: Chileans, Colombians and Canadian activists in Toronto // Global Networks. - Hoboken, New Jersey: Blackwell Publishing Ltd, Global Networks, 2010. Vol. 10. No. 4
313. *Lipset S.M.* Political man. Baltimore. 1981.
314. *Lipset S. M.* The social requisites for democracy revisited: 1993 presidential address // American sociological review. - Menasha, Wis., 1994. - Vol. 59, No 1.

315. *Lira J.* Legitimacy of democracy and the socioeconomic system // Comparing pluralist democracies: Strains on legitimacy. Boulder Westview. 1988.
316. *Lounsbury M., Glynn M.A.* Cultural entrepreneurship: Stories, legitimacy, and the acquisition of resources // Strategic management journal. - Hoboken, NJ, 2001. - Vol. 22.
317. *March J.G., Olsen J.P.* The new institutionalism: Organizational factors in political life // American political science review. Wash., D.C., 1984. Vol. 78. No 3.
318. *Morriss P.* Power: A Philosophical Analysis. Manchester, 1987.
319. *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. Berkeley, CA, 1989.
320. *Poulantzas N.* L'Etat, le pouvoir, le socialisme. P., 1978.
321. *Parsons T.* Essays in Sociological Theory. Glencoe, 1954.
322. *Raz J.* Ethics in the Public Domain; Essays in the Morality of Law and Politics. Oxford: Clarendon Press, 1994.
323. *Suchman M. C.* Managing legitimacy: Strategic and institutional approaches // The Academy of management review. - Ada, Ohio, 1995. - Vol. 20, No 3.
324. *Tosi S., Vitale T.* Explaining How Political Culture Changes: Catholic Activism and the Secular Left in Italian Peace movements // Social Movement Studies. San-Francisco: Taylor & Francis Group. 2009. Vol. 8, No. 2.
325. *Tyler T.R.* Governing and diversity: The effect of fair decisionmaking procedures on legitimacy of government // Law and society review. - Beverly Hills, Calif., 1994. - Vol. 28, No 4.
326. *Vorapanyatrakool S., Kiratiburana Y., Thitpat P.* Political Culture: The Appropriated Model of Relationship between Group-Interaction and political Roles of the Members of the Thai House of Representatives // European Journal of Social sciences. - Victoria, Mahé, Seychelles, 2011. Vol. 19. No. 4.
327. *Walzer M.* Just and Unjust Wars. NY: Basic Books. 1977.
328. *Weatherford M. S.* Measuring political legitimacy // American political science review. - Wash., D.C., 1992. Vol. 86. No 1.
329. *Yuejin J., Guoqin W.* Western Political Research Approaches and the Development of Political Science Methodology in China // Journal of Chinese Political Science. - San-Francisco: Springer, 2009. Vol. 14.